

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Том 4 (70). № 2

**Симферополь
2018**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 4 (70). № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 3 от 03 октября 2018 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Иванова Р. А.

Редактор электронной версии: Страхов В. В.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Гросфельд Е. В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О. В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин Н. Н.	к. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сафонова Н. В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	к. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46

Е-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать: 03.10.2018.

Формат 70х100/16. Усл. п. л. 14,06. Заказ № НП/201.

Тираж 50 экз. Бесплатно. Дата выхода в свет 24.12.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской

деятельности КФУ имени В. И. Вернадского

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

УДК: 316.42

РУССКИЙ МИР В XXI СТОЛЕТИИ: НОВЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Лазарев Ф. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: fellazarev@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос об основаниях и критериях выделения того или иного государства (или группы стран) в качестве локальной цивилизации. Одним из признаков последней является наличие цивилизационного проекта. Духовная составляющая Русского мира находится в оппозиции к Западу, важнейшей нашей предпосылкой является принцип всемирной отзывчивости. Данный феномен раскрывается на многочисленных примерах. Принцип, положенный в основу проекта дальнейшего развития русской цивилизации, своеобразный культурный код России, представляет собой антитезу культурному коду Европы, в основании которого лежит индивидуалистическая установка, не предполагающая уважительного и сочувственного отношения к другим культурам, ориентация на релятивизм ценностей. Также автором раскрыты основы российского менталитета, такие как принцип приоритета общечеловеческих ценностей и культуры, принцип справедливости, принцип соборности. Рассмотрены важные черты русского мировоззренческого дискурса (сострадание, мудрость, сердечное созерцание и др.).

Ключевые слова: цивилизационный проект, принцип всемирной отзывчивости, соборность, цивилизация.

Известно, что Россия – самая большая по площади страна мира. Она обладает также несметными природными богатствами. Реже, однако, отмечается еще одна ее особенность, а именно тот факт, что Россия – и как страна, и как Русский мир вообще – это отдельная, из собственных оснований вырастающая цивилизация. О существовании у России самобытного пути развития в свое время заговорили уже славянофилы. Но в полной мере эту идею сформулировал и философски обосновал великий русский мыслитель Н. Данилевский. С тех пор многие отечественные философы пытались определить специфику нашей цивилизации, ее ценностные и исторические основания, этапы ее становления и развития. Эта работа продолжается и в наше время [1, 2, 3, 4].

В свете сказанного может возникнуть вопрос: на основании каких критериев (или признаков) ту или иную страну (или группу стран) можно отнести к отдельной локальной цивилизации? На наш взгляд, таких критериев несколько. Прежде всего, страну можно отнести к отдельной цивилизации в зависимости от масштаба и силы

ее влияния на остальной мир. Способно ли конкретное государство оказывать существенное воздействие на ход человеческой истории, на эволюцию мировой цивилизации – именно от ответа на этот вопрос зависит наша оценка его цивилизационного статуса. Отмеченное воздействие может быть социальным, экономическим, культурным, военно-стратегическим. Еще одним признаком локальной цивилизации является наличие у нее Большого цивилизационного проекта, притягательного и поучительного для других стран и цивилизаций. Известно, например, что Западная Европа в свое время разработала и успешно внедрила в жизнь просвещенческий и либеральный проекты, а с середины XX в. шаг за шагом реализует программу объединенной Европы.

Если обратиться к теме российской цивилизации, то прежде всего следует вспомнить тот факт, что наша страна на протяжении веков нередко в силу своего географического положения или сложившихся особых исторических условий была вынуждена брать на себя великую миссию защиты отдельных народов и даже цивилизаций от бед и вражеских нашествий.

РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ: ДВА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТА

Говоря о той или иной цивилизации, мы можем констатировать, что ее параметры могут проявлять себя в глобальном плане как все вместе, так и по отдельности. Известно, что многие столетия экономическое влияние России на остальной мир было незначительным, но, скажем, к началу XIX в. резко возросла культурная значимость духовной жизни нашего Отечества. Особенно это касается небывалого творческого взлета русской литературы. За 30 лет в нашей стране родились: Пушкин (1799–1837), Лермонтов (1814–1841), Грибоедов (1795–1829), Гоголь (1809–1852), Толстой (1828–1910), Достоевский (1821–1881), Тургенев (1818–1883), Герцен (1812–1870), Чернышевский (1828–1889)... Этот список можно продолжать и дальше.

Еще один пример глобальной значимости России. Практически с 20-х годов прошлого века Советский Союз начинает играть решающую роль в определении направлений социального развития современного мира. Пример строительства новой общественной системы, где в центре внимания был человек труда, оказывал заметное влияние на широкие массы народа как в Европе, так и во всем мире. Год за годом рос социальный, идейный и моральный авторитет нашей страны. Россия предложила весьма притягательный для широких народных масс Большой цивилизационный проект переустройства современного мира – мира без войн, нищеты, безработицы, колониализма. Были годы, когда компартии Италии и Франции, отстаивавшие этот проект, получали на выборах до трети всех голосов.

Россия взяла на себя смелость предложить миру принципиально другую по сравнению с Западом систему ценностей, новую историческую и социокультурную перспективу и гордо понесла знамя подлинного гуманизма, возвестив приход новой весны человечества. Удивительно то, что этот дерзновенный замысел во многом удалось воплотить в жизнь.

Особенно возрос авторитет нашей страны в результате Великой Победы СССР над фашизмом. Многие десятилетия мы были свидетелями небывалого интереса к

новому социальному эксперименту, восхищения народов мира нашими социальными и культурными достижениями. Возрастала не только социальная значимость СССР, но усиливалось и его военно-стратегическое и экономическое влияние в контексте глобального миропорядка и геополитического расклада сил.

Так называемая перестройка положила конец социалистическому проекту. Всесторонняя историческая оценка названного проекта выходит за рамки данной статьи. Здесь стоит только заметить, что его практическое воплощение включало в себя как позитивные, так и негативные стороны, однако ошибки и серьезные перекосы не должны заслонять одно – великую созидательную работу нашего народа. И давно назрела потребность в глубоком философско-историческом и непредвзятом анализе советского социалистического эксперимента. Такая рефлексия была бы особенно важна в связи со столетием Октябрьской революции. К сожалению, многие наши ученые (историки, политологи, философы) за последнюю четверть века не отважились на это.

Выше отмечалось, что важным признаком любой локальной цивилизации является наличие у нее цивилизационного проекта. Имелись ли у нас такие проекты? Разумеется, имелись. Был проект «Москва – Третий Рим», европейский проект Петра I, равно как и программа построения социалистического. Но вот вопрос: есть ли у нас сегодня новый, соответствующий данному этапу развития Большой цивилизационный проект? Видимо, следует признать, что полноценного проекта у нас нет, хотя и идет интенсивный поиск новых идей, осмысление нашей культурной идентичности. Общество всерьез задумалось о восстановлении исторической памяти, о возвращении к культурно-историческим корням народной жизни, о возможных оптимальных моделях социально-экономического развития. В последнее время идет весьма оживленная дискуссия о понятии *российской нации*. Очевидно, что народы нашей страны объединяют в одно целое общая история, единый язык общения, общецивилизационные культурные традиции, общая память о великих подвигах народа.

Вместе с тем очевидно, что, во-первых, новый цивилизационный проект действительно необходим, во-вторых, его нельзя взять с потолка, сочинить, он может быть лишь выражением нашего исторического, социального и культурного опыта. Но очевидно и другое: необходима глубокая идейная, интеллектуальная проработка вопроса, некая общественная саморефлексия, ведущая к осознанию ближайшей и отдаленной социально-исторической перспективы. Мы стоим перед новым цивилизационным выбором. Тот выбор, который был сделан в 1991 г., оказался не только неудачным, но и небезопасным для Отечества.

В конце 80-х годов для всех было очевидно, что наша страна нуждается в глубокой модернизации. Вопрос заключался в том, какую выбрать стратегию обновления. Твердо стоять на собственных ногах, оставаясь в рамках традиционного цивилизационного пространства ценностей и механизмов роста – или бездумно броситься в лоно западноевропейской цивилизации? Но дело было не только в том, что наши «верхи» совершили стратегическую ошибку, отказавшись от собственного базиса. Под шумок смены цивилизационного курса они занялись перераспределением несметных богатств страны. Выбор «западной модели»,

реализуемый с помощью «радикальных экономических реформ» (как любили выражаться в эпоху Ельцина), во многом был завесой, прикрывавшей самые примитивные, эгоистические устремления пришедшей к власти «элиты» того времени. Под предлогом совершенствования экономических механизмов хозяйствования скрывалась жажда наживы, стремление заполучить богатства, принадлежащие государству, в частные руки. Наследники политических элит СССР сомкнулись с криминальными группировками. «Олигархи» эффективно грабили народные богатства, чиновники погрязли в коррупции – вот и все «радикальные экономические реформы». Зато в итоге народ получил свободу – возможность (чтобы отвести душу) критиковать олигархов и чиновников.

Можно ли выйти из этого тупика? Можно. Важные позитивные сдвиги мы уже наблюдаем с момента вступления в XXI век. Речь идет, прежде всего, о проведенном демонтаже криминально-олигархического режима в нашей стране. В этом контексте вновь возникает вопрос: что дальше? Есть три возможных варианта развития событий: 1) возврат к старой социалистической модели; 2) попытка наконец-то встать на рельсы «цивилизованного» капитализма; 3) разработка собственного автохтонного цивилизационного проекта, активизируя который можно надеяться на возрождение России как уникальной социокультурной системы. Идею вернуться к старой модели поддерживает, по-видимому, 10–15 % населения. Лозунг «Вперед к капитализму» тоже не очень популярен среди простых людей. По-настоящему капитализма еще не построили, а разрыв между доходами сверхбогатых и бедных у нас уже один из самых больших в мире, с момента «реформ» ВВП упал на 40 %.

Отказавшись от социалистического выбора, Россия 90-х пошла на новый цивилизационный эксперимент. Но дело не только в том, что, задавшись целью «интегрироваться в западный мир», мы оказались плохими учениками. Неожиданно для нас Запад предстал в своей негативной ипостаси. Началось с того, что НАТО вероломно двинулось к новым сильно усеченным границам России. Дальше – больше. Начались «экономические санкции», информационные войны, русофобия. Россию не «усыновили», а определили в служанки. Но наша страна слишком велика, чтобы быть у кого-то на послышках. Остается одно – начать выстраивать собственную модель возрождения.

КОНТУРЫ НОВОГО ПРОЕКТА

Как выстраивать новый цивилизационный проект? Какова должна быть методология этого дела? Прежде всего, необходимо извлечь уроки из результатов двух социальных экспериментов, которые случились в отечественной истории в XX веке. Необходимо тщательно, всесторонне и объективно оценить как положительные, так и негативные аспекты. Диалектика учит, что отрицание старого предполагает не бездумное отбрасывание прошлого опыта, а удержание всего ценного, живого, перспективного из предшествующего этапа развития. Даже негативный опыт имеет ту ценность, что может послужить предостережением от повторения ошибок в будущем. Да, советское общество строило в течение 70-ти лет социализм. Но социалистическое учение – это не какая-то застывшая, идеальная и

неизменная конструкция. Как повторяли сами большевики, марксизм – не догма, а руководство к действию. Что из этого опыта можно и нужно взять сегодня? Во-первых, идею о социально ориентированном государстве, во-вторых, принцип экономического планирования по стратегическим направлениям, в-третьих, серьезную заботу государства (во взаимодействии с гражданским обществом) о нравственном здоровье народа вообще и подрастающего поколения в особенности, в-четвертых, ликвидацию безработицы и преступности. Возможность модернизации социалистических принципов прекрасно демонстрирует нам современный Китай.

Из нашего «западного опыта» необходимо по-прежнему гибко использовать механизмы рыночной экономики, социальные технологии демократизации политической, общественной и культурной жизни, но при этом не забывать исконных ценностей русского мира, его духовных и цивилизационных скреп. Взяв все жизнеспособное из прошлого опыта, необходимо сделать следующий шаг – в полной мере возродить великие традиции и цивилизационные константы отечественной истории. В процессе выработки программы возрождения России важно также использовать опыт китайской цивилизации. Восточная мудрость помогла нашему азиатскому соседу примирить традиции и новаторские идеи научно-технической революции, социализм и рыночную экономику. Ему удалось также органично воспринять важные элементы гуманистических принципов Русского мира.

ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ РУССКОГО ДУХА: ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ» И «ИЗВНЕ»

Возможно ли сегодня представить хотя бы в общих чертах эскиз нового цивилизационного проекта? Из каких базовых концептов он мог бы сформироваться? Думаю, что в качестве первого основания можно взять отмеченный еще русскими философами *принцип всемирной отзывчивости*. Россия – единственная цивилизация, которая не раз спасала другие народы и государства от неминуемой гибели. Так было в эпоху татаро-монгольского нашествия, когда Русь своим израненным телом заслонила Западную Европу от страшных бед. В этом контексте Пушкин писал: «Долго Россия была отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов и остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией... Европа в отношении (к России), всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна.» («О русской литературе, с очерком французской», 1834).

Второй раз Россия спасла Европу в XIX в. от наполеоновской тирании. Третий раз – в XX столетии – от фашистской чумы. Приходится, однако, с горечью констатировать, что сегодня, как и в прошлом, Европа пытается разными способами приуменьшить решающий вклад Советской Армии в борьбу против гитлеровской Германии. Искажение, переписывание истории стало навязчивой идеей правящих кругов как Евросоюза, так и США. Такая позиция западной политической элиты –

не только признак исторического беспамятства, но и выражение сознательно насаждаемой идеологической стратегии.

Гениально чуткий к исторической справедливости, Пушкин еще в 30-е годы XIX века почувствовал, интуитивно осознал глобальную неблагодарность Европы по отношению к России. Поэт, конечно, не мог знать, что спустя сто лет Россия совершит новый исторический подвиг, заслонив собой, своими сыновьями Европу от гитлеровских орд. И снова Европа, словно бы и не было эпохи Просвещения и Разума, воспримет это без культурно-исторического понимания и оценки. Словно бы платить за благо других жизнью своих сыновей есть просто чуть ли не «природное свойство» России. Но Россия – не природная стихия, бесконечно одаривающая западных людей своими богатствами, не Солнце, несущее тепло, и не Дождь, орошающий плодородные земли. Подвиги ведут к неизбежному истощению. Достаточно вспомнить, с какими людскими и материальными потерями мы начали восстанавливать страну в 1945 г. В последние годы на Западе пошла новая мода – демонтировать памятники советским воинам, павшим на полях сражений. Всем понятно, что это святотатство. Но это – и помрачение ума.

Памятуя о перманентной неблагодарности и цинизме Запада, спросим себя: будем ли мы спасать Европу в четвертый раз, если, не дай Бог, у наших соседей вновь наступят тяжелые времена? А ведь от великих бед в истории никто не застрахован. Тут есть о чем подумать – и нам, и Европе.

Наблюдаемая деформация осей мировоззренческих координат европейского исторического самосознания – тревожная примета времени и дурное предзнаменование. Историческая слепота политических лидеров Европы однажды уже имела роковые последствия. Я имею в виду их отказ от заключения с СССР договора о коллективной безопасности перед лицом фашистской угрозы накануне Второй мировой войны, а также печально известный Мюнхенский сговор 1938 года. Трусливая и двуличная позиция западных лидеров лишь подтолкнула Гитлера к скорейшему развязыванию чудовищной военной агрессии. Искажение исторической правды со стороны европейской пропагандистской машины в столь больших масштабах, с одной стороны, есть моральное преступление по отношению к тем, кто выстоял и победил, с другой стороны, это некая скрытая опасность с точки зрения внутренней эволюции тех стран, где наблюдаются систематические попытки переписывания истории. Ни одна цивилизация не может полноценно существовать и гармонично развиваться, если она основывается в своем духовном развитии на лжи и несправедливости.

Возможно ли моральное самоочищение европейского духа? Возможно, если будет восстановлена историческая правда. Способность к самопожертвованию ради других народов и цивилизаций как характерная черта Русского мира красной нитью проходит через все эпохи его развития. Как подчеркивал М. Бахтин, в силу самой природы любого подлинно гуманного исторического деяния или героического поступка отдельного человека они являются неповторимыми.

Когда мы обращаемся к феномену всемирной отзывчивости, то в сущности речь идет о способности выходить за рамки своей национальной идентичности, сострадать не только ближнему, но и дальнему, на другом конце света живущему.

Это и есть то, что философы называют универсальностью духа. Для нашей общественной психологии такая универсальность настолько очевидна и естественна, что мы иной раз просто не можем понять целиком замкнутую на себя психологию тех или иных народов, живущих в узких границах своего социального ареала обитания.

Порой нас удивляет средний житель США, не интересующийся тем, какие народы живут за пределами его страны и чем они там занимаются. Но если американцы не желают ничего знать о Другом в своем невежественном самодовольстве, то, к примеру, украинские националисты не желают признавать ценность Другого в своей ненависти. «Комсомольская правда» за 22 июня 2016 г. сообщала о том, что донецкий реаниматолог Александр Чернов похвастал в интервью украинскому телеканалу, как он убивал ополченцев и прочих «вражеских пациентов» на операционном столе. Врач-убийца призывал и других медработников калечить и умерщвлять «противников киевского режима». Очевидно, что подобное поведение выходит за рамки медицинской этики и подпадает под уголовно-правовые запреты.

22 июня 2016 г. В. В. Путин, выступая в Госдуме, говорил о «цивилизационной миссии» России. В чем же заключается ее смысл, если рассмотреть эту проблему в историческом плане? Это отдельный вопрос. Но прежде мы должны понять всю сложность и противоречивость феномена «всемирной отзывчивости» русского сердца. Здесь есть своя диалектика.

Приведу один пример из личного опыта. В конце 80-х гг. – перед самым развалом нашего Отечества – я был в Институте повышения квалификации при МГУ в Москве. Какое-то время я вел семинары со студентами философского факультета МГУ (где я в свое время сам учился). Это был такой период в нашей истории, когда в обществе шли жаркие споры о путях и перспективах нашего социального развития. В частности, студенты на семинарах нередко обращались к такой теме, как напряженная обстановка в прибалтийских республиках. Там на разных уровнях уже всерьез поговаривали об отделении от СССР.

Как же реагировали русские студенты на эту ситуацию? Они страстно доказывали, что прибалтийские народы имеют право на собственный исторический выбор, что мы не можем их держать в рамках Советского Союза вопреки их воле; что, в конце концов, право на самоопределение записано в нашей Конституции и т. п. На все эти пылкие речи я отвечал студентам примерно так. Я хорошо понимаю тех представителей прибалтийской общественности, которые ставят вопросы подобного рода. Это их прибалтийский взгляд на ситуацию, нередко навязываемый им западной пропагандой (кстати сказать, подобные настроения не обязательно разделяло большинство населения этих республик). Мне интересно другое: почему мы – русские – должны видеть происходящие события непременно глазами эстонцев, латышей, литовцев, а не глазами русских? Разве у нас не должно быть своего собственного видения истории, своих собственных национальных, цивилизационных и геополитических интересов?

На это студенты отвечали мне: «Мы – великий народ, поэтому мы должны заботиться не только о себе, но и о тех малых народах, которые исторически с нами

сосуществуют. Такая забота и ответственность вытекает также и из общечеловеческой морали».

Мой ответ (кратко) состоял в следующем: «Я согласен, что мы – великий народ. Но значит ли это, что этот народ всегда должен думать о других и никогда о себе, о своих национальных интересах, не иметь своих приоритетов. Да, это у нас в крови – волноваться о других. Как сказал поэт,

*Хату оставил, пошел воевать,
чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».*

Но вот вопрос: известно, что на Земле существуют народы и поболее нас, одни уже по своей численности перевалили за миллиард, другие значительно сильнее нас в экономическом отношении. А приходило ли в голову этим народам желание хотя бы однажды посмотреть на мир глазами русских и признать законность наших интересов? Волновались ли другие народы за нас, готовы ли были пожертвовать многими ради нас? Вы скажете: странная, утопическая постановка вопроса. Такой аберрации сознания мы не наблюдаем ни у одного народа в мире. Но, может быть, в силу всего сказанного пора и нам научиться смотреть на мир не только глазами европейцев, не глазами англичан или американцев, а иметь собственную оптику видения нашей собственной страны и мира в целом? Эта способность русского человека смотреть на окружающую действительность с позиции «внешнего наблюдателя» была замечена еще Н. Данилевским: «Третья форма европейничанья (и при том самая пагубная и вредная) состоит в смотре на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки» [7, с. 243]. Ученый полагал, что этот взгляд «произвел много недоумений и всяческой путаницы в области науки и неисчислимый вред на практике» [там же]. Любопытно, что сказал бы великий русский мыслитель, если бы узнал, какой «неисчислимый вред» нанесли России наши «реформаторы» 90-х годов, заставив всю страну думать заемными мозгами и принимать судьбоносные решения по развалу нашей экономики в соответствии с рекомендациями западных экспертов.

Значит ли это, что мы должны непременно отказаться от нашей глубинной цивилизационной черты – всемирной отзывчивости? Думаю, нет. Просто речь идет о том, чтобы научиться тонкой диалектике видения мира «изнутри» и «извне». Больше того, пришло время, когда искусству такого видения должны учиться и все другие народы – как малые, так и большие. В частности, речь идет об *искусстве диалога* народов, культур и цивилизаций. Только овладев этим искусством, современная мировая цивилизация может сохранить себя на Земле, не свалившись в пучину глобальной катастрофы.

ПРИНЦИП ПРИОРИТЕТА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ

Россия в качестве цивилизации начинает вызывать повышенный интерес у других народов и цивилизаций, становится интересной и привлекательной тогда, когда она предлагает миру новые мироустроительные проекты, заключающие в себе большие историософские и экзистенциальные смыслы, в которых ясно просматривается общечеловеческое содержание. Такие смыслы, например, вырабатывались в русской классической литературе (Толстой, Достоевский, Чехов,

Горький), в русской философской традиции (Соловьев, Флоренский, Бердяев, Булгаков, Шестов), равно как и в других сферах нашей культуры. В результате оказывается, что цивилизационный проект представляет интерес не только для своего народа, но и для иных стран.

Разумеется, мироустроительные проекты и экзистенциальные смыслы нельзя придумать, они всегда вырастают из исторического опыта той или иной цивилизации, из культурных оснований духа народной жизни. Так, в российской истории нетрудно выделить некий духовный принцип, который условно можно было бы назвать презумпцией приоритета мировых культурных ценностей в условиях военно-стратегического противостояния. О чем идет речь? Когда те или другие государства вовлечены в военный конфликт, какая выбирается стратегия поведения по отношению к противнику? Когда американцы подвергли атомной бомбардировке мирные города Хиросиму и Нагасаки, думали ли они о мирном населении или о сохранении культурных ценностей? Разумеется, нет. Учитывая, что указанная бомбардировка не имела прямой военно-стратегической целесообразности, необходимо признать, что перед нами – типичное военное преступление перед человечеством. А чуть раньше (весной 1945 г.) те же американские войска подвергли небывалой по мощности бомбардировке Дрезден. По признанию специалистов, этот авиационный налет нельзя оправдать военно-стратегическими соображениями. Это был акт устрашения, акт неадекватной реакции на ситуацию. В юриспруденции есть понятие превышения достаточности самообороны. А вот СССР в те же годы Великой Отечественной войны демонстрирует нам прямо противоположную военную стратегию. Когда немецкие войска перед отступлением заминировали Краков, Сталин приказал спасти выдающийся памятник культуры любой ценой. На первом месте были не интересы армии как таковой, а интересы культуры. Примерно такую же стратегию советские войска применяли и в процессе освобождения Кенигсберга, Праги и других городов Европы. Эти и многие другие примеры говорят не просто о двух военных стратегиях, перед нами цивилизационный выбор приоритетов – сиюминутные военные и политические выгоды либо спасение населения и культуры других народов любой ценой. Подтверждением того, что линия Советского Союза была цивилизационной стратегией нашего Отечества, служит и поведение наших ВКС в Сирии в 2016 г., когда наши военные в сотрудничестве с сирийской армией спасли Пальмиру, ее уникальные памятники культуры от варварского уничтожения.

Но для российской цивилизации приоритет имеет не только культура как величайшая ценность человеческой истории, но прежде всего сам человек. Здесь важен не только культурологический, но и антропологический аспект. Вспоминается такой эпизод нашей истории. В первые годы послеоктябрьской России русские ученые-романтики, энтузиасты просвещения отправились в холодных и неудобных вагончиках из Москвы и Ленинграда в Ташкент создавать первый полноценный среднеазиатский университет. Среди них был выдающийся врач и религиозный подвижник В. Ф. Войно-Ясенецкий. Русские ученые жили на мизерную зарплату, в походных условиях, но уж очень хотелось открыть перед братскими народами двери в науку. Многие малые народы СССР получили свою

письменность, было введено обучение на родном языке. На языки народов СССР были переведены классики не только русской, но и мировой литературы. Это касалось и научных изданий. Советское руководство ставило программную задачу – «ковать национальные кадры». Университеты были созданы не только в Ташкенте, но и в Алма-Ате, Фрунзе, Ашхабаде и других городах Средней Азии. А позднее во всех союзных республиках были открыты Академии наук.

Сегодня у нас немодно вспоминать заслуги эпохи социализма. Запад этому обстоятельству очень рад. Уж он-то точно не будет вспоминать о великих событиях нашей истории, ибо – по контрасту – тогда придется вспомнить и то, как вели себя западные страны в своих колониях. Нет, они не открывали там университеты и Академии наук, они выкачивали из своих колоний природные богатства и нещадно эксплуатировали «местных туземцев». Только в России могло быть так: периферия жила экономически лучше, чем центральные, собственно российские регионы.

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ

Следующий принцип российской цивилизации – это принцип справедливости. Идея для нашего общества не новая как с точки зрения исторического опыта народа, так и с точки зрения прошлых и нынешних политических программ. И все же есть в этом принципе для народов России что-то неизбывное, в глубине сердца оберегаемое. Это не просто лозунг дня, это заложено в самой ментальности людей, в глубине национального самосознания. Давно сказал Радищев: «Я взглянул окрест себя. Душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». В этом духовном жесте «взглядывания окрест себя» принцип справедливости смыкается с принципами сострадания и гуманизма. Здесь и Пушкин, и Некрасов, и Толстой, и Достоевский. Вся русская интеллигенция. Антиподом гуманистических интенций нашего цивилизационного развития является такой феномен российской государственности, как бюрократизм. Доморощенный бюрократ – от эпохи Ивана Грозного до наших дней – бездушен, нагл и упрям. Он глух и нем к страданиям, бедам и нуждам простого человека. Он начинает шевелиться и что-то делать либо когда получает указание от начальства, либо когда что-то угрожает лично ему. И доныне общественный контроль над бюрократическими структурами остается настоящей потребностью. Принцип социальной справедливости – фундаментальная константа и изначальная презумпция российской цивилизации. Из нее проистекают как сильные, так и слабые, «рискованные» особенности нашего исторического бытия. Именно с ней связаны такие черты духовного склада россиян, как коллективизм, всемирная отзывчивость, склонность к общепланетарному (и даже космическому) мироощущению, презрение к духу мещанства и т. п. Тот, кто замышлял разрушение нашей цивилизации, знал, с чего следует начать, – с пропаганды и насаждения диаметрально противоположных ориентаций на узкий прагматизм, социальный эгоизм, бессердечность, алчность.

Если русская духовно-практическая парадигма вытекает из *идеи* социальной справедливости, то практическим инструментом ее воплощения может быть только некая надличностная, всеохватывающая, каждого и всех ограничивающая сила. Это

может быть «община», «земство», «советы» и т. п. В идеале – это Божья правда. В тех случаях, когда государство отклоняется от идеи справедливости, оно теряет доверие народа к его конструкции, к его «слугам» и «законам».

С этой точки зрения «права человека» как принцип лишь отчасти согласуется с идеей социальной справедливости, ведь люди неравны от рождения по личным потенциям, по стартовым возможностям, по финансовому положению. Даже идеальное соблюдение прав человека не гарантирует социальную справедливость, а в чем-то может и противостоять ей. И неслучайно, видимо, Русь решилась – в муках и борениях – пойти на такой неслыханно дерзкий по своему гуманистическому замыслу эксперимент – практическое воплощение идей социализма. Более гуманной и более морально возвышенной идеи в то время ни на Западе, ни на Востоке не было. Величайшая из человеческих утопий в процессе своего воплощения натолкнулась на открытые самим же Марксом социальные детерминации: борьба элит за материальное благополучие, за власть и престиж, прикрываемая идеологической нетерпимостью, породила – приходится признать – социальные гримасы и человеческие драмы. Такой диссонанс между задуманным и свершившимся, между рациональным проектом и его воплощением, составляющий, по выражению Е. Анчела, «сущностную асимметрию человека», не есть нечто редкое и исключительное в истории. У Новалиса читаем: «Существуют цепочки идеальных событий, развивающихся параллельно с событиями реальными. Люди и обстоятельства обычно нарушают идеальный ход событий так, что он кажется несовершенным; последствия этих событий равным образом оказываются несовершенными. Так случилось с Реформацией; взамен протестантизма явилось лютеранство».

Сегодня, как нам уже не раз приходилось слышать, кто-то может сказать: вот видите – идея социальной справедливости и социалистического гуманизма не оправдала себя на практике, а посему мы должны взять на вооружение западную систему ценностей как универсальную и общечеловеческую. Но это возможно только одной ценой: если откажемся от *культурного образа* нашей цивилизации, от тех ее духовных скрепов, без которых она утратит свою устойчивость. Это те самые узы, «от которых нельзя освободиться, не разорвав своего собственного сердца» (К. Маркс). Однако в наше время уже многим понятно (после Н. Данилевского в этом нет ничего мудреного), что *европоцентризм* как мировоззренческая установка есть иллюзия западного самосознания, типичный пример культурной ограниченности и самонадеянности европейского рассудка.

Наша цивилизационная идея, полагаю, отнюдь не исчерпала себя. Она таит в своих истоках новые гуманистические и культуротворческие возможности. На этой почве люди и народы объединяются не только на основе *ratio*, не только по соображениям удобства или из-за доводов рассудка, но по велению сердца, из неизбывной потребности души в справедливости.

ПРИНЦИП СОБОРНОСТИ

Говоря об основных принципах культурно-цивилизационного возрождения России, О. А. Котолупов и П. А. Хриенко подчеркивают, что последнее возможно через восстановление традиционных основ духовности, соборности и укрепления державности. Россия всегда была сильна только в единстве, в соборности своих исторических земель и народов. Для восстановления соборности необходимо, по мнению авторов, «более последовательно и решительно развивать курс на углубление реальных реинтеграционных процессов, включая, прежде всего, функционирование Таможенного и Евразийского союзов. Категорически неприемлемыми для России являются как культурно-цивилизационный изоляционизм, так и либеральный космополитизм» [5, с. 29].

Соборность – вовсе не господство общего над единичным, но это и не принцип «человек человеку волк». Здесь важны три исходные категории: единство, свобода, солидарность. Всеединство, по В. Соловьеву, возникает как всеобщность, как совпадение интересов и чувств, как сопричастность и единый духовный порыв. Единение без свободы ведет к тоталитаризму, свобода без общности – к индивидуализму и анархии. В основе соборности – не социальное, а нравственное начало. Соборность, конечно, может иметь и собственно религиозный смысл как высшая божественная причина единения людей в их тяготении к духовной жизни. Духовность, независимо от того, имеет ли она религиозные или светские корни, – важнейшая черта соборности. Человек – всегда только высшая ценность, самоцель и никогда – средство в руках другого человека, социального слоя или государства. Свобода творчества и самостроительства личности – исток духовности. Вопрос в том, на каких ценностях воспитывать подрастающее поколение, на что равняться: на ценности рынка или ценности духа, на право сильного или на традиции взаимопомощи, на психологию воровства или на принцип совести?

Идея соборности сегодня нуждается еще в одном дополнении – в принципе духовно ориентированного разума, в «ноосферной философии». Похоже на то, что в XXI веке славянское любомудрие сделает новый шаг, соединив философию сердца с принципом рациональности. Сердце станет мудрым, а мудрость – сердечной.

Список литературы

1. Балусев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». – Тверь: Булат, 2001. – 414, [1] с.
2. Лазарев Ф. В. Славянское древо. Книга судеб. [Текст] / Ф. В. Лазарев. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 245 с.
3. Актуализация русскости (Материалы международной научно-практической конференции. 22 ноября 2012 г.). – Симферополь: Дом писателей, 2013. – 140 с.
4. Муза Д. Е. «Да, жизнь лишь Веры воплощение...» Этюды русской аксиологии. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 128 с.
5. Котолупов О. А., Хриенко П. А. Антикризисный проект возрождения России. [Текст] / О. А. Котолупов, П. А. Хриенко. – Симферополь: ИП «АРИАЛ», 2016. – 41 с.

Lazarev F.V. Russian World in the XXI Century: the Modern Civilization Project // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 3–15.

This article discusses the reasons and criteria for allocation of a State (or group of countries) as the local civilization. One of the latter is evidence of the existence of civilization project. The spiritual component of the Russian world is in opposition to the West, with its orientation to the relativism of values, it is the most important prerequisite for the principle of universal sympathy. This phenomenon reveals numerous examples. The principle which underlies the project of further development of Russian civilization, a kind of cultural code of Russia is the antonym of the cultural code of Europe, at the base of which lies the individualistic setting, not assumed a respectful and sympathetic attitude towards other cultures. The author also revealed the fundamental principles of Russian spiritual basis, such as the principle of priority of human values and culture, the principle of equity, the principle of catholicity. We consider important the unique features of Russian philosophical discourse (compassion, wisdom, heartfelt contemplation, and others).

Key words: the civilizaion project, the principec of the world responsiveness, civilization.

References

1. Baluev B.P. Sporyi o sudbah Rossii: N.Ya. Danilevskiy i ego kniga «Rossiya i Evropa» [disputes about the fate of Russia NA Danilevsky and his book "Russia and Europe"]. – Tver: «Bulat», 2001. – 414, [1] p.
2. Lazarev F.V. Slavyanskoe drevo. Kniga sudeb. [Slavic tree. Book of Destiny] / F.V. Lazarev. – Simferopol: SONAT, 2003. – 245 p.
3. Aktualizatsiya russkosti [actualization of Russianness] (Materialyi mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 22 noyabrya 2012 g. [materials of the international practical conference]). – Simferopol: Dom pisateley, 2013.
4. Muza D.E. «Da, zhizn lish Veryi voploschene...». Etyudy russkoy aksiologii. [Yes, life is only Faith incarnation] – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 128 p.
5. Kotolupov O.A., Hrienko P.A. Antikrizisniy proekt vrozhdeniya Rossii. [Anticrisis project of the revival of Russia] / O.A. Kotolupov, P.A. Hrienko. – Simferopol: IP «AIAL», 2016. – 41 p.

УДК 130.2:299-512

ДВЕ СТОРОНЫ КОНФУЦИАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Мирошников О. А., Масаев М. В.

Гуманитарно-педагогическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Ялта, Российская Федерация

E-mail: mirtannen@gmail.com (Мирошников О. А.)

E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru (Масаев М. В.)

В статье анализируется конфуцианская культурная парадигма. В качестве важной ее особенности указывается ориентация парадигмы на критику нарушений справедливости как «сверху», так и «снизу».

Делается вывод о необходимости признания существования в конфуцианской культурной парадигме принципа, дающего основание для «права на восстание» как своего рода «критики снизу». В качестве такового нужно рассматривать принцип «исправления имен». В средневековом Китае он нашел отражение в концепции «перемены мандата», применимой не только к народному восстанию, но – позднее – и к революции.

Подчеркивается тот факт, что исследователи достаточно единодушны в том, что касается характеристики конфуцианства как основной парадигмы китайской культуры. Однако в оценке конфуцианского влияния единодушия нет. Одни довольно низко оценивают роль конфуцианства, отмечая, что широта и доступность конфуцианского образования имели свою оборотную сторону: они явились стимулом для распространения основных, самых примитивных, но и самых выгодных для правящего слоя морально-этических принципов конфуцианства. Другие оценивают его роль в этом плане достаточно высоко.

Ключевые слова: конфуцианская парадигма, даосская парадигма, конфуцианство, даосизм, народное движение.

Постановка и актуальность проблемы. Исследователи достаточно единодушны в том, что касается характеристики конфуцианства как основной парадигмы китайской культуры. Однако в оценке конфуцианского влияния единодушия нет. Одни довольно низко оценивают роль конфуцианства, отмечая, что широта и доступность конфуцианского образования имели свою оборотную сторону: они явились стимулом для распространения основных, самых примитивных, но и самых выгодных для правящего слоя морально-этических принципов конфуцианства [2, с. 105]. Недоброжелателем Конфуция был Мао Цзэдун. Ему не нравилось, как в 50–60-е годы XX века его противники пытались использовать концепции ранних конфуцианцев, авторитет Конфуция и Мэн Цзы для скрытой критики внутренней и внешней политики Мао Цзэдуна. Самого Мао в последние годы часто стали сравнивать с легистским императором Цинь Шихуаном. В основе легизма, законничества лежали идеи противника

Конфуция Шан Яна. Конфуций тяготел к моральным нормам. Шан Ян же – к законам. У Мао вызывала также зависть к популярности Конфуция «Ему хотелось в жизни будущих поколений китайцев, – пишет Л. С. Переломов, – играть ту же роль, которую играл в течение многих столетий Конфуций, и, как Конфуций, стать навечно “учителем нации”». Поэтому Мао решил объявить крестовый поход против Конфуция» [15, с. 9]. После того, как 13 сентября 1971 г. из Китая бежал официальный преемник Мао Цзэдуна маршал Линь Бяо, почувствовав, что он утратил доверие Мао (во время бегства его самолет погиб над Монголией со всеми пилотами и пассажирами), Мао Цзэдун начал борьбу с Линь Бяо и Конфуцием – «пхи Линь – пхи Кун», расправляясь окончательно с погибшим политическим противником и с мешавшим ему стать вечным «Учителем нации» Конфуцием. В свое время, в эпоху Чуньцу – Чжаньго – Цинь (VII – III вв. до н. э.), шла многолетняя борьба конфуцианцев и легистов, которая закончилась временной победой последних и созданием легистской империи Цинь во главе с Цинь Шихуаном, любимым историческим героем Мао Цзэдуна. Кампания «пхи Линь – пхи Кун» закончилась со смертью Мао Цзэдуна. Ему явно не хватило времени для абсолютного пересмотра веками сложившегося образа Конфуция. Но в снижение оценки конфуцианства Мао внес определенный вклад.

Другие ставят конфуцианство очень высоко, полагая, что разработанная конфуцианцами методика замещения государственных должностей используется сегодня и на Западе – в тех случаях, конечно, когда люди получают работу согласно своим знаниям и умениям, а не за взятку или по протекции [11, с. 51]. Неслучайно преемник Мао Цзэдуна на посту Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминь даже подчеркивал, что «влияние Конфуция велико и сейчас... Молодежь должна изучать Конфуция, усваивать все хорошее в культурных традициях, в идеологическом наследии Китая» [Цит. по: 9, с. 400]. Обращаются к Конфуцию и многие современные авторы, в частности к учению чжень-мин (исправление имен) [16, с. 233–249; 17, с. 41–54].

Первая из этих позиций представляется более близкой к истине. Однако такой путь нередко ведет к игнорированию возможного взаимодействия конфуцианской и даосской парадигм в китайской культуре, особенно в «узловые» моменты истории.

Целью нашего исследования является объяснить участие чиновников-конфуцианцев в народных движениях эпохи средневековья особенностями конфуцианской культурной парадигмы.

В одной из своих работ мы констатировали, что практически каждое сколько-нибудь масштабное восстание в средневековом Китае проходило под даосскими (иногда также под буддийскими или манихейскими) лозунгами. Однако победа восставших и установление новой власти обеспечивались тем обстоятельством, что к восстанию примыкали представители чиновничества – носители конфуцианской идеологии, что вносило определенные коррективы в организацию новой власти.

Для объяснения данного феномена следует рассмотреть некоторые особенности китайской культуры, в частности взаимоотношения между двумя сторонами конфуцианской парадигмы.

По свидетельству Л. С. Переломова, «в судьбе учения Конфуция можно проследить две четкие тенденции: соучастие в формировании и функционировании официальной идеологии, освящавшей господство бюрократии, и одновременно роль творческого начала в свободной индивидуальной интерпретации нравственных ценностей, оплодотворивших духовную жизнь нации. Первая тенденция развивалась в рамках официальной конфуцианской доктрины, ставшей государственной идеологией; вторая функционировала как бы параллельно, развивая духовные потенции нации и приспособлявая социальные утопии к потребностям времени. Эти две тенденции оказали решающее воздействие на формирование китайского национального характера. Поэтому каждой из них надлежит уделить особое внимание.

Процесс становления официальной идеологии был неразрывно связан с развитием государства и прежде всего императорской системы. Социальным “творцом” официального конфуцианства являлась бюрократия, она отбирала как из легизма, так и из учения Конфуция лишь те концепции и институты, которые должны были обеспечить стабильное функционирование императорской системы правления. Столь могучий “творец” обладал огромными возможностями, ибо у него было неограниченное время, в его руках были фактически неисчерпаемые интеллектуальные потенции десятков поколений философов и политиков древнего и средневекового Китая. Этот процесс коллективного творчества служебных единоверцев не прерывался в новое и новейшее время. Естественно, что, радея о нуждах государства, коллективный творец прежде всего побеспокоился о собственном благополучии» [9, с. 334].

Следует отметить, что вторая сторона парадигмы сказала достаточно рано. В эпоху раннего Чжоу возникает представление о «Мандате Неба», который Небо передает достойному правителю и может отобрать у недостойного. «Доктринальный конфуцианский утопизм, так же, как и утопизм других современных ему китайских школ, в качестве основного идеала выдвигал некий воображаемый период древности, “реконструкцией” которого они и предлагали заняться своим современникам. Идеальный характер общественной жизни в этот период конфуцианская традиция склонна была объяснять только одним – нахождением высшей власти в руках “современного мудреца”, шэна. Ни уровень развития человеческого общества, ни исторические ситуации, ни природные условия не играли, с их точки зрения, сколько-нибудь существенной роли. История, правда, иногда фигурировала как подсобное средство в различных хронологических вычислениях, с помощью которых стремились обнаружить циклические закономерности появления “совершенных мудрецов”, но не более. Главное же неоспоримо заключалось в том, что это было время правления шэна. Соответственно и “восстановление” идеальной жизни должно было начинаться с “персоналистического” момента: требовалось найти шэна. Однако тем-то утопические искания и отличались от конкретной политической задачи, что следовало искать некую идеальную модель личности, которой в эмпирической реальности не наблюдалось» [7, с. 13].

Конфуцианство, будучи официальной государственной идеологией, имело дело главным образом с социальными и семейными отношениями. За пределами конфуцианского учения оставались различные элементы примитивных древних верований и культов китайского народа. Все эти древние верования, суеверия, обряды шаманов и гадателей вообрал в себя религиозный даосизм, а древний философ Лаоцзы в сознании верующих был превращен в божество, изображения которого обыкновенно выставляются в храмах [10, с. 130].

Прежде всего, следует отдать дань конфуцианскому идеалу, сыгравшему столь большую роль в китайской истории.

Аграрная реформа, как бы радикальна она ни была, создает благоприятные условия для развития деревни лишь на относительно короткий период времени. По мнению Ковалева, опирающегося в основном на опыт Латинской Америки (региона, где экологическая и социально-экологическая ситуация более благоприятная, чем в других регионах мира), стимулирующий эффект революции в аграрном строе действует в среднем 10–15 лет [4, с. 194].

Наряду с присущей феодализму тенденцией усиления экономической эксплуатации крестьянства господствующим классом и одновременно с нею действовала, противостоя ей, другая тенденция, которая корректировала первую. Эту вторую тенденцию представляли трудящиеся массы, их производственно-экономическая деятельность и классовая борьба [11, с. 183].

В ханскую эпоху бюрократия была заинтересована в новом конфуцианстве, обогащенном идеями Шан Яна [2, с. 270].

Следует согласиться с мнением В. В. Малявина относительно того, что именно Конфуций определил стиль всей китайской цивилизации [6, с. 335]. Именно конфуцианство обеспечивало характерную для Китая взаимосвязь между элементами структуры.

Говоря о Конфуции, следует прежде всего отметить, что для этого мыслителя идеал заключен в древности. Именно в древности существовали идеальные правила, царили порядок, гармония, культура. Древность задает норму и образец достойного поведения. Соответственно, вектор нравственных усилий человека направлен назад, на то, чтобы подняться до уровня идеального прошлого. «Я передаю, но не творю, я верю в древность и люблю ее» [8, с. 51–52].

По мнению Конфуция, «если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится» [8, с. 58].

Некоторые правители предпочитали воздействовать на народ не по-конфуциански, а по-легистски. И первым из них был император Цинь Шихуан.

К этому можно, правда, добавить, что не разделявшие идеалов Конфуция правители, как будет показано ниже, все же в конечном счете строили управление страной по конфуцианскому образцу. Ведь конфуцианская система во всем отдает предпочтение императору. Согласно Конфуцию, когда в Поднебесной царит дао,

власть исходит от императора и народ не ропщет. Напротив, когда дао отсутствует, власть исходит от сановников и народ начинает роптать [8, с. 138].

Конфуций верил в силу древних традиций и полагал, что утверждение тех принципов, которые существовали в древности, является не просто возможным, но необходимым. В доисторическом прошлом якобы имели место специфические социально-политические отношения, которые если не в те туманные годы, то в более позднее время соответствовали понятию «тепличных». Они были, с одной стороны, полностью отвечающими нравственным нормам, с другой – согласно тогдашним представлениям – достижимым идеалом. Последнее представление сейчас оспаривается.

Социальная структура Китая уже в средние века отличалась большей сложностью, чем это представлялось на первый взгляд. Дело в том, что «учеными» в Китае считались и крупный сановник, и полуграмотный человек, купивший у властей звание студента казенного провинциального училища [12, с. 14]. Показательно в этом отношении мнение известного исследователя этики В. Г. Иванова. В эпоху Хань конфуцианство стало официальной идеологией; тогда было положено начало государственному культу Конфуция. Оно заключало в себе учение о методах управления Поднебесной и освящало существующее государство и власть императора как сына Неба, т. е. обеспечивало этическую и религиозную санкции государственной власти. Конфуцианцы не только повсеместно распространили и внедрили в качестве обязательных свои нормы этики и культуры, но и превратили все эти нормы в эталон, в символ истинно китайского. Именно с эпохи Хань понятия «конфуцианское» и «китайское» стали совпадать почти полностью.

Если конфуцианство отличалось конкретностью, стремлением к четкому определению человеческой природы, к скрупулезной классификации человеческих качеств, к постоянному уточнению характеристик благородного мужа, к оценке поступков, к отличиям совершенно мудрых от благородных мужей, благородных мужей – от простолюдинов, к кодификации церемоний (ритуалов) с тем, чтобы дать исчерпывающие рекомендации по управлению Поднебесной и по самовоспитанию, то учение даосизма можно характеризовать как учение о предельном синтезе, в котором все определенное, ограниченное, конкретное утрачивает четкость очертаний, мельчает, превращается в исчезающе-неуловимый момент «вселенского процесса непрерывных перемен». И в абстрактно-философском выражении, и в предельно упрощенном – на уровне наивной магии и веры в духов гор, лесов и рек – обнаруживается мистический элемент этой, по определению известного исследователя культуры средневекового Китая В. М. Алексеева, самой «китайской» и самой народной традиции [2, с. 68–69].

В рамках конфуцианской и даосской традиций нашли место почти все виды утопий и получили выражение почти все основные темы утопического творчества, присущие ему во всем основном мире: изобильная природа и благодатное время, удивительные страны, описанные путешественниками и совершенные формы организации общества, разработанные философами. Китай способствовал развитию утопической мысли и достиг успехов в данном направлении до начала Нового

времени ничуть не меньше Европы благодаря тому, что в течение более чем двух тысячелетий в его культуре существенное, а временами неоспоримо ведущее место занимало то направление духовной жизни, которое по своим фундаментальным предпосылкам может быть названо утопическим [7, с. 52].

Полагают, что в истории китайской утопии можно выделить три периода: древний, ханьский и средневековый, связывая каждый с одной из трех ипостасей конфуцианской личности: философа, государственного деятеля и создателя художественных ценностей [7, с.12]. Как первый, так и последний из этих периодов находятся уже за рамками нашего исследования. Речь для нас, следовательно, может идти лишь об утопиях второго, средневекового периода.

Можно к этому добавить, что к подражанию старому пришли вожди повстанцев Хуан Чао в столице империи Чанъани в IX в. и Чжу Юаньчжан – император Китая, выходец из крестьян. Что касается Чжу Юаньчжана, то он, не будучи конфуцианцем, тем не менее последовательно проводил конфуцианскую политику, в том числе в организации администрации [1, с. 380–381].

Будучи приверженцем буддизма, Чжу Юаньчжан, тем не менее, издавал указы, написанные вполне в конфуцианском духе: «Платить налоги и выполнять повинности для императора – это долг простого народа» [14, с. 161].

Последователи Лао-Цзы, в общем, верно полагали, что народ голодает потому, что власти берут слишком много налогов, и выдвигали свой социальный идеал, также обращенный в прошлое. Но это уже было другое прошлое – «догосударственное». Именно такое состояние общества, которое, как считали даосы, существовало в далеком прошлом (эта точка зрения в целом была правильной), они считали возможным утвердить и в будущем.

Ряд народных движений проходил под лозунгами возврата именно к такому прошлому. Это можно заметить и в тех случаях, когда для даосских в сущности лозунгов избирается иная религиозная оболочка (буддийская, манихейская, но ни в коем случае не конфуцианская).

Социальный и политический кризис поздниханьской эпохи вызвал появление сект, руководимых даосами. В числе политически активных была секта «Тайпиндао» («Путь великого равенства»), основанная даосским магом-проповедником Чжан Цзюэ (вторая половина II в.). Проповедь Чжан Цзюэ носила ярко выраженный религиозно-этический характер. Болезни и страдания, учил Чжан Цзюэ, – следствие совершенных ранее поступков. Исправление человека лежит не в сфере закона, наказывающего за преступления, а в сфере морального возрождения путем раскаяния в совершенном грехе. В проповеди Чжан Цзюэ на слушателей производили огромное впечатление пафос утверждения индивидуальной моральной ответственности и религиозная экзальтация. Он предсказывал гибель погрязшей в пороках династии Хань и провозглашал наступление эры «Желтого неба», эры всеобщего благоденствия и счастья – в соответствии с учением «Тайпин цзина». За 15 лет число его сторонников превысило триста тысяч. В 184 г. началось восстание крестьян. Во время восстания погибли Чжан Цзюэ и многие члены его секты. Но восстание ширилось, охватывая

все новые провинции, поднимая на борьбу новых бойцов. В огне крестьянской войны, длившейся почти двадцать лет (184–204), погибла династия Хань.

Противоречивое соединение утонченных философских рассуждений с магическими обрядами, туманность толкования нередко привлекали к даосизму противостоящие социальные группы. Он был почитаем и любим в аристократических кругах поздниханьского и послеханьского общества, и в среде неграмотных крестьян. «Различие сводилось к мере посвященности верующих в тайны ритуальной символики, но мистическая высшая цель ритуала оставалась одинаково священной для всех». Этой целью было достижение бессмертия [2, с. 70–71].

Особенно заметна «революционная практика» даосизма в восстании «Желтых повязок», начавшемся в области Цзюйлу под руководством трех братьев: Чжан Цзяо, Чжан Бао и Чжан Ляна. Рассказывают, что один из братьев, Чжан Цзяо, собирая в горах целебные травы, встретил там старца, который передал ему три свитка носящего даосский характер сочинения, заявив, что это «основы учения Великого спокойствия». Об этих основах должно возвестить народу от имени Неба. В них спасение рода человеческого.

Братья Чжан «распространяли слухи, что Синему небу скоро конец, что на смену ему придет Желтое небо и что в первом году нового цикла в Поднебесной воцарится Великое благоденствие» [5, с. 24–25]. Относительно Ханьской династии Чжан Цзяо объявлял, что дни ее сочтены.

Народ откликнулся на призыв братьев Чжан. Императорские войска разбежались перед повстанцами – ведь силы их достигали, согласно источникам, почти полумиллиона человек.

В описаниях последнего из крупных народных движений в средневековом Китае – восстания под руководством Ли Цзычена – дается достаточно подробная картина взаимодействия восставших народных масс и части чиновничества, ставшего на сторону повстанцев. Центральный аппарат повстанцев состоял из верховного органа – Государственного совета (в него входили три человека) и шести административных управлений: чинов, финансов, ритуалов, военного, строительного и уголовных дел (наказаний). По существу, образцами для них служили шесть палат, существовавших в Минской империи и отражавших конфуцианскую схему организации власти.

Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что ставшая на сторону восставших часть чиновничества – это конфуцианцы-реформаторы, стремившиеся еще до восстания к мирной «рациональной» трансформации погрязшей в коррупции власти.

Относительно этих реформаторов историки говорят, что их отличало прежде всего признание незыблемости монархического режима, желание опереться на сильную власть «сына неба» [10, с. 67]. Потерпев неудачу в своих попытках мирными средствами реформировать систему власти, эти конфуцианские чиновники присоединились к восставшим и даже оказались среди «повстанческих вождей» [10, с. 254].

Как известно, восстание Ли Цзычена потерпело поражение потому, что гибнущая власть пошла на сотрудничество с захватчиками-маньчжурами. Однако в случае победы восставших государство, в чем можно не сомневаться, было бы организовано в соответствии с конфуцианским (а не даосским) идеалом. Так это уже было при удачных восстаниях Лю Бана и Чжу Юаньчжана. Так это было бы и в случае победы проходивших под даосскими лозунгами восстаний «желтых повязок» и Хуан Чао.

В данном контексте показательно, что уже после провозглашения КНР, в эпоху Мао Цзэдуна, конфуцианство порицалось как учение, препятствующее прогрессу. Исследователи отмечают, что несмотря на официальные гонения, конфуцианство фактически присутствовало в теоретических положениях и в практике принятия решений на протяжении как маоистской эры, так и переходного периода и времени реформ, проводимых под руководством Дэн Сяопина. Ведущие конфуцианские философы остались в КНР и были принуждены «покаяться в своих заблуждениях» и официально признать себя марксистами, хотя фактически писали о том же, чем занимались до революции. В конце 1971-х гг. культ Конфуция начал возрождаться, и в настоящее время конфуцианство играет важную роль в духовной жизни Китая [18; 19].

Вывод. Следует признать существование в конфуцианской культурной парадигме принципа, дающего основание для «права на восстание» как своего рода «критику снизу». В качестве такового нужно рассматривать принцип «исправления имен». В средневековом Китае он нашел отражение в концепции «перемены мандата», применимой не только к народному восстанию, но позднее также и к революции.

Список литературы

1. Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 495 с.
2. Иванов В. Г. История этики средних веков. – СПб.: Лань, 2002. – 464 с.
3. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов. – Харьков: Фолио, 2002. – 447 с.
4. Кульпин Э. А. Человек и природа в Китае. – М.: Наука, 1990. – 245 с.
5. Ло Гуаньчжан. Троецарствие. – М.: Худож. литература, 1984. – 791 с.
6. Малявин В. В. Конфуций. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 357 с.
7. Мартынов А. С. Конфуцианская утопия в древности и средневековье // Китайские социальные утопии. – М.: Наука, 1987. – С. 10–58.
8. Мудрецы Поднебесной. Сборник. – Симферополь: Реноме, 1998. – 384 с.
9. Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М.: Наука, 1993. – 440 с.
10. Сидихменов Л. А. Китай: прошлое и настоящее. – М.: Наука, 1981. – 344 с.
11. Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае. – М.: Наука, 1974. – 556 с.
12. Социальная структура Китая. – М.: Наука, 1990. – 438 с.
13. Торчинов Е. А. Даосская утопия в Китае на рубеже древности и средневековья // Китайские социальные утопии. – М.: Наука, 1987. – С. 104 – 125.
14. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М.: Прогресс, 1980. – 255 с.
15. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука, 1981. – 340 с.
16. Масаев М. В. Curriculum vitae парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций. Монография / М. В. Масаев. – Симферополь: ДОЛЯ, 2011. – 512 с.

17. Масаев М. В. Что символизирует понятие «диктатура» (философско-исторические подходы в свете учения Конфуция чжень-мин и концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов) / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 193. – С. 41–54.
18. Мартынов Д. Е. Конфуцианское учение в политической теории и практике КНР: 60–90-е гг. Х в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.03 Всеобщая история). – Казань, 2004. – 296 с.
19. Конфуцианство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфуцианство>. Дата обращения: 20.12.2017.

Miroshnikov O. A., Masayev M. V. Two Sides of the Confucian Cultural Paradigm // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 16–25.

Confucian cultural paradigm is analyzed in the article. The orientation of the paradigm on violations of justice criticism as «from the top» as «from below» is pointed out as an important feature of it.

The conclusion about necessity of recognition of the existence in the Confucian cultural paradigm of principle, giving rise to a "right to rebellion" as a kind of "criticism from below". As such, you need to consider the principle of "correction of names". In medieval China it is reflected in the concept of the "change of mandate" is applicable not only to a popular uprising, but later also to the revolution.

Highlights the fact that researchers are pretty unanimous in regard to the characteristics of Confucianism as the main paradigm of Chinese culture. However, in assessing the Confucian influence there is no unanimity. Some are quite low assessment of the role of Confucianism, noting that the breadth and accessibility of Confucian education had its downside: they were a stimulus for the spread of the most basic, the most primitive but also the most profitable for the ruling class moral and ethical principles of Confucianism. Others appreciate his role in this plan highly enough.

Key words: Confucian paradigm, Taoism paradigm, Confucianism, Taoism, public movement.

References

1. Vasilyev L.S. Istoriya vostoka [History of the East]: In 2 volumes. – Vol. 1, Moscow, Nauka, 1994, 495 p.
2. Ivanov V.G. Istoriya etiki srednikh vekov [History of the Middle Ages Ethics], Saint-Petersburg, Lan, 2002, 464 p.
3. Konfuciy. Izrecheniya. Kniga pesen i gimnov [Confucius. Dicta. The Book of Songs and Hymns], Harkov: Folio, 2002, 447 p.
4. Kulpin E.A. Chelovek i priroda v Kitaye [Human and Nature in China], Moscow, Nauka, 1990, 245 p.
5. Lo Guanchzhan. Troyetsarstviye [The Three Tsardoms], Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1984, 791 p.
6. Malyavin V.V. Confuciy [Confucius], Moscow, Molodaya gvardiya, 2010, 357 p.
7. Martynov A.S. Konfucianskaya utopiya v drevnosri i srednevekovye [Confucian utopia in Ancient and Medieval Times]. Kitayskiye socialnyje utopiji [Chinese Social Utopia], Moscow, Nauka, 1987, p. 10 – 58.
8. Mudretsy Podnebesnoy. Sbornik [Wise Men of the Middle Kingdom. Compendium], Simferopol, Renome, 1998, 384 p.
9. Perelomov L.S. Confuciy: zhizn, uchenije, sudba [Confucius: Life, Teaching, Destiny], Moscow, Nauka, 1993, 440 p.
10. Sidikhmenov L.A. Kitay: proshloye i nastoyasheye [China: Past and Present], Moscow, Nauka, 1981, 344 p.
11. Smolin G.Ya. Antifeodalnyje vosstaniya v Kitaye [The anti-feudal uprising in China], Moscow, Nauka, 1974. – 556 p.
12. Socialnaya struktura Kitaya [China's social structure], Moscow, Nauka, 1990, 438 p.
13. Torchinov Ye.A. Daoskaya utopiya v Kitaye na rubezhe drevnosti i srednevekovija [Taoist utopia in China at the turn of antiquity and the middle ages] Kitayskiye socialnyje utopiji [Chinese Social Utopia], Moscow, Nauka, 1987, p. 104-125.

14. U Khanj. Zhizneopisanije Chzhu Yiuanchzhana [The Biography Of Zhu Yuanzhang], Moscow, Progress, 1980, 255 p.
15. Perelomov L.S. Konfucianstvo i legizm v politicheskoy istoriji Kitaya [Confucianism and legalism in China's political history], Moscow, Nauka, 1981, 340 p.
16. Masayev M.V. Curriculum vitae paradigmalykh obrazov i simvolov epokh i tsyvilizatsiy [Curriculum vitae of paradigmatic images and symbols of epochs and civilizations], Simferopol, Dolya, 2011, 512 p.
17. Masayev M.V. Chto simvoliziruyet ponyatiye diktatura (filosofsko-istoricheskiye podkhody v svete ucheniya Konfuciya chzhen-min i koncepcii paradigmalykh obrazov i simvolov epokh, tsyvilizatsiy i narodov) [What symbolizes the concept of dictatorship (philosophical and historical approaches in the light of the teachings of Confucius Chzhen-min and the concept of paradigmatic images and symbols of epochs, civilizations and nations)] *Cultura narodov Prichernomoriya* [The Culture of the Black Sea Nations], 2010, № 193, p. 41-54.
18. Martinov D.E. Konfucianskoe uchenie v politicheskoy teorii i praktike KNR: 60-90-e gg. X v.. [The Study of Confucius in the Political Theory and Practice of PRC: 60-90 years]. *Dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk (07.00.03 Vseobshchaya istoriya)*. Kazan', 2004. – 296 s.
19. Konfucianstvo [The Confucianism]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Konfucianstvo>.

УДК 94 (392)

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ УВАРОВСКОЙ ТРИАДЫ

Папаяни Ф. А.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

E-mail: f.papayani@mail.ru

Россия находится в условиях гибридной войны с США, но не имеет внятной идеологии. Цель статьи – обосновать идеологию, которая могла бы объединить патриотические силы народов бывшего Советского Союза. На основе анализа, компаративистики и историко-генетического метода осуществлена попытка всестороннего исследования триады «Православие, Самодержавие, Народность». Рассмотрены генезис уваровской триады, включая корреляцию с известными тернарными идеологиями первой половины XIX века. Дан анализ причин исключительной популярности уваровской триады, поднимающей энергию воли и заявляющей о трех столпах русской государственности. С методологической точки зрения рассмотрены последующие пути эволюции уваровской триады, приводившие на разных исторических отрезках к ее модификации, отрицанию одного из членов триады (а, значит, к обрушению всей конструкции), дополнениям и полным отрицанием тернарного целого. Показано, что современная адаптация этой триады возможна и целесообразна. Неоидеология «Традиция, Империя, Народность» трактуется как адаптация уваровской триады для современных реалий постсоветского пространства. Такой адаптацией достигается не только перспективный вектор государственного строительства, но и консенсус между современными «красными» и «белыми», различными этносами, а также между верующими разных конфессий.

Ключевые слова: идеология, православие, самодержавие, народность, традиция, империя.

Россия находится в состоянии гибридной войны с США, но не имеет не только внятной идеологии, но даже идеологии-призыва, поднимающего энергию воли патриотов Отечества. На войне, как известно, без идеологической мотивации трудно одержать победу. Поэтому поиск современной идеологии-призыва является актуальным, если не сказать – жизненно необходимым для России. В царской России была такая триада, предложенная С. С. Уваровым, – «Православие, Самодержавие, Народность», объединяющая консервативные патриотические силы России. Эта знаменитая тернарная формула в современном политическом пространстве звучит редко, в основном в ортодоксально консервативных кругах, таких как, например, «Русское собрание» [1].

Исследованиям уваровской триады посвящены исследования Г. Ю. Любарского [2], А. Миллера [3], А. В. Гулыги [4], в основном в историко-генетическом контексте без намерения адаптировать триаду к современным условиям.

Исчерпан ли потенциал уваровской триады? Возможна ли ее адаптация для нынешней России и постсоветского пространства? Ответы на эти вопросы

составили содержание представленной статьи. На основе историко-генетического метода, компаративистики и анализа в статье осуществлена попытка всестороннего исследования знаменитой уваровской триады «Православие, Самодержавие, Народность» с целью обоснования такой ее современной модификации, которая могла бы объединить разновекторные патриотические силы России и шире – народов бывшего СССР.

О генезисе тернарной идеологии. В 1483 г. Т. Торквемада провозгласил главный лозунг-триаду для Испании – «Народ, империя, религия», кратко выражавший государственную идеологию [2, с. 45]. Безусловно, эта триада имела претензию на имперскую универсальность, указывая на три основы государственности. Лаконично и точно выраженная суть имперской идеологии, необходимой в то время для религиозного и политического объединения Испании, триада на века обрела идеологическую эталонность для строительства или регенерации имперских государственных образований.

В свою очередь, в начале XIX в. в Российской империи оформился девиз «За Веру, Царя и Отечество» («За Бога, Царя и Отечество»), получивший затем широкое распространение, поскольку лаконично и эмоционально-мажорно отражал стародавние традиционные заповеди русского воинства. Авторство триады неизвестно, но ее популярность привела к тому, что в 1812 г. девиз появился на Ополченском кресте – знаке Государственного ополчения Императора Александра I, а спустя 70 лет он появляется на Большом Государственном Гербе Российской империи.

Измененная версия этого популярного девиза и триады Т. Торквемады, предложенная графом С. С. Уваровым («Православие, Самодержавие, Народность»), была ориентирована уже не только на воинство, но и на широкие гражданские слои населения, и в первую очередь на интеллигенцию, занятую в сфере образования, а также студентов и гимназистов. С. С. Уваров, будучи по духу и должности государственным, имел консервативные взгляды на просвещение, науку и литературу. Иначе говоря, он имел воззрения, направленные на сохранение и укрепление государственности, которые были им изложены при вступлении в должность министра народного просвещения, в его докладе императору [5]. В версии С. С. Уварова триада претендовала на основополагающую идеологию России, апологию политики Николая I. Позднее триада «Православие, Самодержавие, Народность» стала знаковой идеологией консолидации консервативных политических сил, выступающих за свой, самобытно-русский (отличный от западного) путь исторического развития.

Триаду С. С. Уварова можно рассматривать как формулу идеологического тернарного монизма. В первоначальном наброске письма Государю Императору в марте 1832 г. С. С. Уваров формулирует триаду так: «...чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила – нам осталось три великих государственных начала, а именно: 1. Национальная религия. 2. Самодержавие. 3. Народность»[6]. На первом месте стоит национальная религия, что позволяет предложить, с одной стороны, равно уважительное отношение к религиям всех входящих в империю народов, с другой – в его текстах не обнаруживается никакого

насильственного стремления к единству вероисповедания, никакого навязывания православия. А сделанный позднее акцент на православии обусловлен религиозной традицией русского народа как доминирующего титульного культурного этноса империи. «Без любви к Вере предков, – считает С. С. Уваров, – народ, как и частный человек, должны погибнуть» [7, с. 304]. Тем более что справедливость замены понятия «национальная религия» на «православие» подтверждается тем, что, согласно историческим данным, православие сыграло первостепенную роль в становлении русской государственности [8]. В IX в. греческие монахи-миссионеры пришли на Русь, построили много монастырей, с традицией их строительства как окраинных крепостей. Затем княжества Руси (с признаками конфедерации) были объединены Владимиром Великим в X в. христианской верой, а позднее окраинные монастыри стали реперными точками границы единого русского государства, ставшего впоследствии мировой империей [9]. «Российская держава создана Вселенской Церковью» [9]. В царской России 1830-х гг. первый член окончательного варианта триады («Православие») воспринимался вполне естественно, как создатель русской государственности, как традиционная вера предков, как высочайший нравственный идеал, не вызывая вопросов к этому самому идеалу и прений по нему.

Второй член формулы – «Самодержавие» – требовал пояснений, которые были даны С. С. Уваровым. Он так определяет роль самодержавия: «Приняв химеры ограничения власти монарха, равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимой конституционной формой правления, колосс [С. С. Уваров имел в виду Российскую империю, вставшую на путь реформ. – Ф. П.] не протянет и двух недель. Более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены». Самодержавие трактуется С. С. Уваровым как «консервативный принцип, как инструмент сохранения империи в ее нынешнем виде» [3]. При всем уважении к монархической форме правления и лично к императору для С. С. Уварова главной ценностью, тем не менее, была именно империя, которая «сохраняет византийское понимание религии, Бога (опять же христианского) и несет его Западу, и за это она должна быть Западом вознаграждена, вознаграждена уважением» [3]. С. С. Уваров понял и поднял одну из важных задач-миссий, о которой многие будут потом говорить. Это задача цивилизационной привлекательности русско-имперского центра не только силы, но и культурной традиции (Третьего Рима).

Между тем, акцентируя внимание на традиции самодержавия и самоуправления в Российской империи, И. Л. Солоневич справедливо отметил их своеобразие, то, что они не могут быть определены терминологически. Путь их определения и понимания один – исторический: «русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительное и типично русское: «диктатура совести», как несколько афористически определил его В. С. Соловьев» [10, с. 55]. К этому можно добавить, что, согласно православному сознанию, «самодержавие – для народа, а не наоборот» [9]. Более того, русский народ нуждается в самодержавии: «Единство народа требует зрелого, очевидного, духовно-волевого

воплощения: единство центра, лица, персоны, живого единоличного носителя, выражающего правовую волю и государственный дух народа» [11, с. 457].

Что же касается третьего члена триады – «Народности», то последний не был детально расшифрован С. С. Уваровым. После Декабрьского восстания 1825 г. атмосфера в высших политических кругах империи была такова, что рассуждения о народности при отсутствии должной дипломатичности могли привести к опале, что не входило в планы графа. Будучи министром народного просвещения, он имел иную задачу – физически (на скамьях университетских аудиторий) и ценностно-идеологически объединить дворян и разночинцев, в равной степени необходимых для строительства государственности. С. С. Уваровым был сделан вывод о том, что цель всей образовательной деятельности империи – в «приноровлении... всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу» [7, с. 361]. То есть, говоря о народности, С. С. Уваров имел в виду дискурс исключительно «народного образования». Говоря о поздних мутациях понятия «народность», в первую очередь, следует упомянуть движение народничества, включающего как революционное, так и либеральное направления. Народничество провозглашало защиту интересов народа, под которым понималось только крестьянство, «светлое» будущее которого виделось исключительно в общинном социализме [12].

Следует отметить, что размышляя об этой триаде, как формуле русской культуры, А. В. Гулыга писал: «Нация – это общность святынь, религия – их создатель и хранитель» [4, с. 53]. При этом А. В. Гулыга вполне резонно замечает, что каждый из членов триады имеет причинное расположение, что само по себе методологически ценно для понимания сути византизма, в том числе его русской модификации. Так, «...самодержавие вытекает из православия: царь – помазанник Божий. Он носитель не только внешней власти, но и высшей благодати...» [4, с. 56].

Согласно убеждению современного исследователя А. Д. Каплина, «Уваровская триада – это не просто эпизод, этап русской мысли, истории первой половины XIX в. С. С. Уваров, пусть и в сжатой форме, обратил внимание на коренные русские начала <...> смысл коренных начал в сегодняшней жизни видится таким: подлинное православие и восстанавливаемое на его основе духовно-хозяйственно-культурно-бытовое своеобразие. А такое изменение содержания неизбежно будет способствовать и наиболее органичному государственному устроению» [13, с. 257].

В XIX–XX вв. эволюция уваровской триады как принципа единства трех столпов русской жизни шла весьма драматичными путями. С методологической точки зрения их четыре: 1) внутритернарная модификация; 2) отрицание одного из членов триады, а значит, обрушение всей конструкции; 3) дополнение и обновление как кодификация столпов русской жизни; 4) метафизическое отрицание всего тернарного целого.

В первом случае можно говорить о Н. Я. Данилевском как об идеологе панславизма. Его триада выражается несколько иначе: «Православие. Славянство. Крестьянский надел». Н. Я. Данилевский, имея геополитический дискурс, выделяет России и всеславянскому союзу миссию обновления исторической жизни всего человечества [14].

Во втором случае движение народничества полностью отрицает институт самодержавия как подлежащий полному социальному демонтажу в надежде, что основой построения «русского социализма» (А. И. Герцен) станет «крестьянская поземельная община» [12].

Третий вариант представлен творчеством представителей русского консерватизма К. Н. Леонтьева [15], И. А. Ильина [16] и других, которые уточнили и дополнили триаду С. С. Уварова «экономикой», «бытом», «наукой», «искусством», «правом» и т. п. Причем основной оставалась конструкция, где православной составляющей отдан приоритет, с условием государственной опеки и при широком народном участии. К этому варианту также можно отнести корректировку черносотенцев. В 1900 г. в России была создана православно-консервативно-монархическая общественно-политическая организация «Русское Собрание» (1900–1917 гг.), куда входили как монархисты-черносотенцы, так и другие национально-ориентированные патриоты. В их трудах предлагалась несколько видоизмененная уваровская триада: «Православие. Самодержавие. Русская народность». Иначе говоря, народность у черносотенцев была дополнена национальным акцентом [17].

В четвертом случае марксисты (В. И. Ульянов) напрочь отвергали православно-монархически-народностную тернарность. И именно этот вариант оказался для России роковым. Российская империя в 1917 г. рухнула, а ее руины на некоторое время «похоронили» уваровскую триаду. Взамен появилась проверенная Великой французской революцией знаменитая масонская триада «Свобода, равенство, братство» и большевистская тетрада «Власть Советам! Фабрики рабочим! Землю крестьянам! Мир народам!». Позднее советско-сталинскую мутацию уваровской триады могла бы формально выражать формула «Марксистская идеология, советская империя, коллективно-народная экономика», хотя она и не была таким образом артикулирована. Популярным на фронтах Великой Отечественной войны был солдатский девиз: «За Родину, за Сталина!», который в усеченной форме диады отражал рефлексию стародавнего девиза русского воинства «За Веру, Царя и Отечество!». Триадная речевка советского времени вроде: «Ленин, партия, комсомол!» или лозунг «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и близко не приближались ни по смыслу, ни по идеологической ценности к тому, чтобы серьезно претендовать на тернарные идеологемы. К великому сожалению, идеал конца советского периода, доминирующий над иными нравственно возвышенными идеологемами, негласно характеризовался потребительской триадой «Квартира, дача, машина». Затем (в том числе и по этой, идеологической причине) рухнул и Советский Союз. Основную идеологию 1990-х гг. (время «дикой приватизации» и потери государственного суверенитета) для формально деидеологизированной России фактически отражала новая формула: «вера в западно-либеральную демократию, полураспад государства-империи, свободно-дикий антинародный рынок». Эта формула, разумеется, не была артикулирована, хотя фактически предопределяла скорый развал уже самой РФ как осколка бывшей сверхдержавы. Но Россия выстояла, взяв с 2000 г. курс на постепенный отказ от последней самоубийственной формулы. Однако и переход к уваровской триаде пока не

проявился, обозначена лишь его тенденция. В этой тенденции, согласно О. Платонову, «главными духовными идеалами современной русской мысли остаются духовная цельность, неразрывность веры и жизни, добротолюбие, соборность, нестяжательство, державность и патриотизм» [18, С. 8]. Однако новая триада «Вера, Держава, Народ» [18, С. 8], формально более всего созвучная тринарному лозунгу Т. Торквемады («Народ, империя, религия»), требует уточнения для отечественных условий, во-первых, для сохранения неразрывной связи именно с русскими национальными идеями прошлых веков, а во-вторых, для ее современной адаптации. Возможна ли такая адаптация?

Советский Союз распался на 15 республик. Более 25 лет республики развивались самостоятельно, не как столетиями раньше, под эгидой единого имперского центра, формирующего то общее, что их объединяло, а, наоборот, под влиянием местных национальных элит, ищущих и обосновывающих свою непохожесть, отличительность от всех других для оправдания своей независимой от центра власти. Именно для этих политических реалий жизненно необходимо адаптировать уваровскую триаду, если, конечно, она адаптируема в принципе. Идеологический голод, ностальгия по национальной триаде ищут своего удовлетворения.

О первом члене триады. В известном смысле православие находится в состоянии восстановления, оно пока далеко от былого статуса второй составляющей «симфонии властей», который был в царской России. Поскольку народы бывшего СССР в большей или меньшей степени четверть века идут по пути восстановления национальных традиций, включающих в первую очередь национально-традиционные вероисповедания и культуры, то именно традиция является цементирующей основой воссоединения народов. Именно традиция в самом широком смысле опирается на религиозно-нравственную идею, лежащую в основании культуры каждого народа. Иначе говоря, опора на традицию означает в первую очередь опору на традиционную для каждого народа религию. Как показывает исторический опыт, народы (в отличие от политиков) ориентированы на восстановление традиций и мира, а не на конфронтацию и крушение традиций, обусловленных гегемонистскими устремлениями США. Тем более что либерализм исчерпал свои ресурсы и находится на краю своей гибели: в наше время главный его ресурс – отнюдь не привлекательность либерально-нравственных концепций, а финансово-политический. Последний подвел Запад к неизбежности экономического коллапса (как прогнозируемому концу любой финансовой пирамиды), а посему – к смене как финансового, так и политического курса США и в целом Запада. В Западной Европе провалился проект мультикультурализма, о чем свидетельствуют набирающие популярность партии и движения националистов-традиционалистов во Франции, Германии и Скандинавии. Для народов бывшего СССР приемлемыми остаются нравственные идеи их традиционных религий.

«Православие» как первый член уваровской триады в нынешней межгосударственной, этнической и политической ситуации может быть адаптирован категорией «традиция» как объединяющий народы фактор – не только народов России и Российской Федерации, но и всего постсоветского пространства.

Под традицией имеется в виду прежде всего возврат к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям. Для Русского народа – это то самое уваровское православие, которое превращает русских из народа-богоборца времен советской власти в народ-богоносец. Но даже если РФ сделает православие официальной государственной религией, речь ни в коем случае не идет о том, что православное государство будет директивно навязывать своим гражданам духовную и ритуальную составляющую христианской религии. Согласно византийско-русской православной традиции, церковь принимает в свои ряды только тех, кто стремится к ней по собственной и свободной воле, а вера и религия – личное дело и выбор каждого. Свобода совести должна быть в любом государстве, уважающем своих граждан. Речь идет только о принятии единых нравственных норм, без чего общество неминуемо саморазрушается. В условиях засилья материалистических и либеральных установок в умах соотечественников речь может идти только о нравственной составляющей христианства как отеческой культурной традиции, речь идет лишь о возвышающем нравственном идеале.

Для тюркских постсоветских народов Средней Азии «традиция» ассоциируется в основном с Исламом. И это естественно, ведь у каждого этноса – своя культурная традиция. Это вполне нормально для цивилизационной империи как симфонии культур. Опыт Российской империи убедительно показал возможность полной и благотворной совместимости многовекового сосуществования православных и мусульман. С другой стороны, мир исламской традиции не сможет самостоятельно выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада, о чем свидетельствуют реалии Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии. Нужно объединяться против гегемонии Запада и давления либерализма, безжалостно уничтожающего религиозную и культурную идентичность. И наилучшим естественным союзником мусульман здесь может оказаться воссозданная в новых формах Российская империя.

С другой стороны, для народов бывшего СССР понятие «традиция» включает не только царско-православный, но и советский периоды, которые в своих нравственных устремлениях 70–80-х гг. стали достаточно близки, во многом преемственны, поэтому могут бесконфликтно сосуществовать. Примирение современных «красных» (коммунистов, социалистов) и современных «белых» (православных империалистов) возможно на основе идеи объединения лучших традиций прошлого (советского и царского времени). В советское время сформировались новые, исключительно положительные традиции: в образовании, здравоохранении, военном строительстве и т. п. Все лучшее из этих традиций можно и нужно сохранить, в том числе сохранить многие госмонополии (государственная собственность на природные ресурсы, энергосистемы, торговлю спиртным, табаком и другие). Таким образом, под современной интерпретацией «традиции» следует иметь в виду возврат не только к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, но также и возврат ко всему ценному наследию СССР (традиций в образовании, науке, культуре, медицине, спорте, возврат к многим госмонополиям). Единство так понимаемой «традиции» – в многообразии, если не сказать в сумме, традиций. В этом же идеологическом направлении

синтеза всего значимого и ценного из всех периодов бытия русской цивилизации предлагает двигаться и Патриарх Московский и вся Руси Кирилл. Его формула гласит: «вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность» [19, с. 69].

О втором члене уваровской триады. Как было указано выше, для С. С. Уварова главной ценностью был не царский трон сам по себе, а именно – империя. Империя может иметь разные формы правления. Например, в Римской империи были периоды диархии (правление двух) и даже тетрархии (правление четырех). Однако самым эффективным и устойчивым (что доказано временем правления) является монархия (правление одного), в русском звучании – это самодержавие.

В последнее время гибридная война между США и Россией все чаще имеет признаки «горячей» фазы (например в Сирии). А на войне можно победить лишь при жесткой централизации власти верховного главнокомандующего. То есть единовластного правителя. Таким образом, война практически реанимирует институт абсолютной монархии во имя боеспособности государства. Несмотря на политические мифы о монархиях, несмотря на всю архаичность звучания терминов «царь» или «король», привитую идеологиями XX в., монархии в Европе – это отнюдь не миф, а реальность. В современной Европе существует 13 монархий, в их числе Великобритания, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Дания, Испания и другие. Да, редкостью является абсолютная монархия, когда в руках монарха сосредоточена исполнительная, военная и судебная власть. Ватикан, например, является абсолютной монархией, хотя и теократической. Современные монархии являются, как правило, конституционными, при которых реальная законодательная власть принадлежит парламенту, а исполнительная – правительству. При этом полномочия монарха могут быть достаточно существенными, как в Великобритании: без одобрения монарха не может быть утвержден ни премьер, ни министр обороны. Из существующих европейских монархов претензию на титул императора (короля королей) имеет лишь британская корона. Дело в том, что либеральная демократия «трещит по швам» и посему не обеспечивает более интересы мировой олигархии, нуждающейся в сильной власти. Поэтому имперско-монархическая рефлексия XXI в. имеет все шансы на реабилитацию этой формы правления.

Анализируя имперскую форму государственности, следует отметить, что главной геополитической тенденцией мировой истории является постоянное стремление к формированию империй как инструмента экономического, культурного и политического влияния, вплоть до мирового господства. Примеры тому – Персидская, Римская, Византийская, Татаро-монгольская, Османская, Германская, Британская, Австро-венгерская, Российская империи. Для СССР, современной России, США и КНР, в полном смысле империями не являющимися и императоров не имевших, тем не менее характерны существенные имперские признаки, позволяющие условно отнести их к «квазиимпериям» как мощным геополитическим образованиям, распространяющим свое имперское влияние на весь мир. Поэтому неслучайно З. Бжезинский любит сравнивать США с Римской империей [20], Советский Союз американские политики называли «империей зла».

Неслучайно герб США – одноглавый орел Римской империи, а герб России – двуглавый орел Византийской империи.

На исторические процессы вполне можно смотреть через призму борьбы всех вышеназванных империй и квазиимперий. Малым государствам остается рассчитывать лишь на благосклонность упомянутых тяжеловесов геополитики. Таким государствам приходится становиться вассалами или союзниками империй (квазиимперий), послушно плыть в фарватере их политики и идеологии.

Развивая имперскую апологию и имперскую аксиологию С. С. Уварова, следует отметить, что единство цивилизационной империи – в единстве множества населяющих ее народов. Для граждан цивилизационной империи, независимо от национальности и вероисповедания, является честью ей служить (что было нормой в имперской России, независимо от того, кто ты: немец, татарин или русский), а не прислуживать. Народам комфортно в цивилизационной империи, поскольку любые формы национальной исключительности жестко пресекаются, никому не позволяется притеснять малые народы. В Российской империи не было прибалтийских «лесных братьев», ОУН, УПА или иных массовых организаций нацистов, поскольку в ней провинции сохраняли свой национальный уклад, а национальные элиты вливались в имперскую элиту. Цивилизационная империя, по А. А. Проханову, – «это симфония. Это симфония народов, симфония языков, симфония пространств, симфония культур и верований. Это организация разрозненного, рассеченного человечества в огромную симфонию. Поэтому не надо бояться слова “империя”»[21]... История свидетельствует, что имперская форма объединения народов более стабильна, более долговечна, чем федерации, конфедерации или, тем более, содружества или союзы, организованные на основе межгосударственных договоров. Русский народ (великороссы-русские, малороссы-украинцы и белоруссы-белорусы) и дружественные им народы бывшей Российской империи стоят перед политическим выбором: стать вассальской периферией (далеко даже не провинцией, а лишь сырьевым придатком) Запада или стать свободными от этой варварской квазиимперии, восстановив свою цивилизационную, отеческую империю, которая всегда мирно сосуществовала со всеми этносами и которая способна защитить себя и других. Возрождение отеческой империи можно рассматривать как реализацию естественного права постсоветских народов на жизнь и суверенитет.

Второй член уваровской триады может быть адаптирован к современным политическим реалиям путем использования понятия «империя» при полной общественной реабилитации этого понятия.

О третьем члене уваровской триады. С. С. Уваров под народностью понимал некую социальную страту, а не этап национального становления в цепи «группа – народность – народ – нация». В этом контексте «народность» не может ограничиваться только вопросами образования, как это было артикулировано в XIX в. С. С. Уваровым. С одной стороны, методология гуманитарного образования (как в целом и культура) должна опираться на соответствующую религиозно-нравственную идею. С другой стороны, народность (как социальная страта) в современной интерпретации должна рассматриваться шире – политически,

демократически, и возможностей (например, социального «лифта») в их советском толковании. Народность – это еще и такой тип солидарности, при котором каждый член общества, воспитанный на традиционных ценностях и имперском единении, ощущает себя нужной клеткой единого государственного организма, именуемого Россией. Такое современное понимание народности само по себе созвучно стремлению современных левых (коммунистов, социалистов) к социальной справедливости и не противоречит православному вероучению, исламу и другим традиционным конфессиям.

По Конституции Российской Федерации, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной», а в Конституции Донецкой народной республики «признается идеологическое и политическое разнообразие». Но разве история знает примеры побед в войнах без идеологической мотивации? Если сегодня курс на разработку и принятие обществом идеологического концепта не видится тривиальной задачей, то принятие объединяющей идеологии – вполне реально. Для народов бывшего СССР неоидеологема «Традиция, Империя, Народность» артикулируется как современная и рациональная адаптация уваровской триады. Под «традицией», в первую очередь, имеется в виду возврат к собственным культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, а также уважительное, бережное отношение ко всем народам и к их культурам. Под «империей» понимается цивилизационная форма государственного устройства многонационального и многоконфессионального образования – как семья народов, как симфония культур. Под «народностью» понимаются такие элементы народовластия, как сочетание широкого использования референдумов и народного представительства в местных органах самоуправления, а также реальное равноправие в его советском толковании.

Таким образом, идеологема «Традиция, Империя, Народность» по своей сути провозглашает патриотический консенсус не только между разновекторными политическими силами, но и между разными этносами и верующими разных конфессий всего постсоветского пространства. Эта триада имеет все основания стать ядром нарождающейся идеологии России.

Список литературы

1. Русская народная линия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskline.ru/> (Дата обращения: 13.06.2018).
2. Любарский Г. Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие / Г. Ю. Любарский. – М.: Изд-во КМК, 2000. – 449 с.
3. Миллер А. Триада графа Уварова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (Дата обращения: 05. 03. 2007).
4. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. – М.: Соратник, 1995. – 320 с.
5. Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1876. – Т. 3. Изд. 2. – 700 с.
6. Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. – М.: НЛО, 1997. – № 26. – С. 96–100.
7. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. – 880 с.

8. Ишин А. В. Концепция «Москва – Третий Рим»: геополитическое измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 3-8.
9. Махнач В. В. Снова о параметрах христианской политики: вчера и сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/2001/20011019-mahnach.html> (Дата обращения: 16.11.2016).
10. Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. – Мн.: Лучи Софии, 1998. – 504 с.
11. Ильин И. А. О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
12. Герцен А. И. Русский народ и социализм / А. И. Герцен. – Берлин: Мысль, 1921. – 64 с.
13. Российская государственность и современность: проблемы идентичности и исторической преемственности. (К 1150-летию образования Государства Российского). Материалы международной научной конференции. – М.: РИСИ, 2012. – 396 с.
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский – М.: Книга, 1991. – 558 с.
15. Леонтьев К. Н. Избранное / К. Н. Леонтьев. – М.: Рарогъ: Моск. рабочий, 1993. – 397 с.
16. Ильин И. А. Наши задачи. Собрание сочинений: В 10 т. / И. А. Ильин. Т. 2. Кн. 1. – М. 1993. – 496 с.
17. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. – СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. – 736 с.
18. Вера, Держава, Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / Отв. редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1200 с.
19. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире / Сост. А. В. Щипков. – М.: Всемирный Русский народный собор, 2015. – 120 с.
20. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2010. – 256 с.
21. Поханов А. А. Александр Проханов: «Было бы страшно потерять идею Новороссии...» // Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля». – Донецк, 2015. – № 6 (9). – С. 43–47.

Papayani F.A. Present-day Interpretation of Uvarov Triad // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 26–37.

Russia has been facing a hybrid war with the USA but has no clear ideology. The paper aims to substantiate an ideologeme uniting patriotic forces. Based on the historico-genetic method and analysis, the author attempts to thoroughly examine the triad “Orthodoxy, Autocracy, Demos”. It looks into the genesis of Uvarov’s triad, including its correlation with well-known ternary ideologemes of the first half of the 19th century. The paper analyzes some causes of exceptional popularity of Uvarov’s triad which declares three pillars of Russian statehood. There are subsequent evolution ways of Uvarov’s triad examined from the methodological point of view, which brought about its modification, mutation and even temporary liquidation during different historical periods. It is shown that current adaptation of this triad is possible and expedient. The neoideologeme “Tradition, Empire, Demos” is articulated as adaptation of Uvarov’s triad for present-day realia of the post-Soviet space. Such adaptation secures not only a prospective vector of state formation but also a consensus between contemporary ‘red’ and ‘white’ forces, various ethnoses as well as believers of different confessions.

Key words: ideologeme, Orthodoxy, autocracy, demos, adaptation, tradition, empire, state formation.

References

1. Russkaya narodnaya liniya [Russian People's Line]. URL: <http://ruskline.ru/>. (Accessed: 13 June 2018).
2. Lyubarskii G.Yu. Morfologiya istorii: sravnitel'nyi metod i istoricheskoe razvitiye [Morphology of History: Comparative Method and Historical Development]. Moscow, KMK Publishing House, 2000, 449 p.
3. Miller. A. Triada grafa Uvarova [Count Uvarov's Triad]. URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>. (Accessed: 05 March 2007).
4. Gulyga A.V. Russkaya ideya i ee tvortsy [Russian Idea and Its Authors]. Moscow, Soratnik, 1995, 320 p.
5. Sbornik Postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. [Collection of Regulations Related to the Ministry of People's Education]. St. Petersburg, V.S. Balashev's Printing House, 1876. Volume 3. Issue 2. 700 p.
6. Uvarov S.S. Pis'mo Nikolayu I [Letter to Nicholas I]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literature Review]. Moscow, NLO, 1997, No. 26, P. 96-100.
7. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. Pervaya polovina XIX veka. Khrestomatiya. [Russian Socio-Political Idea. First Half of the 19th Century. Chrestomathy]. Moscow, Moscow State University Press, 2011, 880 p.
8. Ishin A.V. Kontseptsiya «Moskva – Tretii Rim»: geopoliticheskoe izmerenie [Conception 'Moscow – Third Rome': Geopolitical Dimension]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology]. Vol. 2 (68), 2016, No. 1, P. 3-8.
9. Makhnach V.V. Snova o parametrah khristianskoi politiki: vchera i segodnya [Going Back to the Parameters of Christian Policy: Yesterday and Today]. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2001/20011019-mahnach.html>. (Accessed: 16 November 2016).
10. Solonevich I.L. Narodnaya monarkhiya [People's Monarchy]. Minsk, Beacons of Sophia, 1998, 504 p.
11. Il'in I.A. O monarkhii i respublike [On Monarchy and Republic]. Collected works in 10 volumes. Moscow, Russkaya Kniga, 1994, Volume 4, 624 p.
12. Gertsen A.I. Russkii narod i sotsializm [The Russian People and Socialism]. Berlin, Mysl' [Mysl] Publ., 1921, 64 p.
13. Rossiiskaya gosudarstvennost' i sovremennost': problemy identichnosti i istoricheskoi preemstvennosti. (K 1150-letiyu obrazovaniya Gosudarstva Rossiiskogo). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Russian Statehood and Contemporaneity: Identity and Historical Succession Challenges. Toward the 1150-year Anniversary of Setting up the Russian State. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, RISI, 2012, 396 p.
14. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991, 558 p.
15. Leont'ev K.N. Izbrannoe [Selected Works]. Moscow, Rarog Publ, Moskovskii rabochii Publ., 1993, 397 p.
16. Il'in I.A. Nashi zadachi. Sobranie sochinenii: V 10 t. [Our Tasks. Collected Works: In 10 volumes]. Volume 2. Book 1. Moscow, 1993, 496 p.
17. Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala 20 veka [The Right Russia. Life History of Russian Monarchists of the Early 20th Century]. Compiled by A.A. Ivanov, A.D. Stepanov. St. Petersburg: Tsarskoe delo [Tsar's business], Russkaya narodnaya liniya [Russian People's Line], 2015, 736 p.
18. Vera, Derzhava, Narod: Russkaya Mysl' Kontsa XX Veka – nachala XXI Veka [Faith, State, People: Russian Thought of the Late 20th – Early 21st Centuries]. Executive Editor O.A. Platonov. Moscow, The Institute of Russian Civilization, 2016, 1200 p.
19. Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi. Sem' slov o Russkom mire [Cyril, Patriarch of Moscow and all Russia. Seven Words about Russian World]. Compiled by A.V. Shchipkov. Moscow: Vsemirnyi Russkii Narodnyi Sobor [Ecumenical Russian People's Convocation], 2015, 120 p.
20. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska [Great Chessboard]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 2010, 256 p.
21. Prokhanov A.A. Aleksandr Prokhanov: «Bylo by strashno poteryat' ideyu Novorossii...» [Prokhanov "It Would be Dreadful to Lose the Idea of Novorossiya..."] . Zhurnal Izborskogo kluba Novorossii «Novaya zemlya» [Journal "Novaya Zemlya" of Izborsky Club of Novorossiya]. Donetsk, 2015, No. 6(9), P. 43-47.

УДК 111-141.2-130.2

**ПРАВОСЛАВНОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО
КАК ВАРИАНТ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

Товбин К. М., Аморин Р. Ю., Кожурин К. Я.

*Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск, Российская Федерация;
Российский государственный аграрный университет им. К. А. Тимирязева, г. Москва, Российская
Федерация; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E-mail: kimito@yandex.ru (Товбин К. М.)

E-mail: atorin85@yandex.ru (Аморин Р. Ю.)

E-mail: kozhurin@list.ru (Кожурин К. Я.)

В статье описывается актуальность создания научной антологии, посвященной русскому старообрядчеству: его истории и современности, культуре и ментальности. Русское старообрядчество является одним из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано для современного научного сообщества для прояснения уникального курса развития России в мировом сообществе цивилизаций. Старообрядчество, выработав за столетия своего параллельного сосуществования с Российской империей собственные противодействия западническому курсу, в наши дни является арсеналом духовных, интеллектуальных и культурных методов сопротивления вестернизации, информационному капитализму и одномерной глобализации. В старообрядчестве выработаны ментальные механизмы, актуальные в наши дни для разработки стратегий устойчивого развития в условиях многополярной глобализации, построения социального государства на основе суверенной демократии и прочих современных социально-политических реалий. Для полноты изучения старообрядческого феномена в антологию должны быть включены как основные старообрядческие тексты, так и знаковые исследовательские и философские работы, посвященные староверию. Подбор старообрядческих текстов должен иллюстрировать различные течения старообрядческой мысли в разные эпохи, представляющие древлеправославие как идеологию, как мировоззрение, как ментальность, как образ жизни. Подбор текстов о старообрядчестве должен дать объективную картину места древлеправославия в истории и современности России. Редакторская работа должна строиться на предварительно выработанной методологии, препятствующей восприятию староверия в этнографическом или историко-музейном формате. Староверие должно быть представлено читателю в свете своих нынешних культуротворческих возможностей.

Ключевые слова: старообрядчество, староверие, древлеправославие, старообрядоведение, «параллельная Россия».

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00010-а «Православное старообрядчество как один из ликов российской цивилизации».

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, бывший в 1990-е большим местом любой дискуссии, а в 2000-е – основной темой гуманитарных исследований, сегодня подошел к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма, социальной солидарности и субсидиарности, традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиск современного исследователя теперь направлен к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, могущим вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этноконфессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость. Учитывая специфику всей политической истории России, таковых прецедентов весьма немного, но одним из наиболее ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество. За последние годы число российских исследований староверия неуклонно возрастало; ученые-старообрядоведы все чаще стали выходить за пределы историко-описательного, археографического, этнографического форматов – в области семиотики [1; 2] и аналитической культурологии [3; 4; 5; 6], исследований старообрядческой ментальности [7; 8; 9; 10] и повседневности [11], смелых биографических [12; 13; 14], историософских [15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23], кросс-культурных [24; 25], социально-философских [26; 27; 28] и геополитических [29; 30; 31] обобщений.

Не только политикам и исследователям интересно старообрядчество: его вес в российском обществе неуклонно возрастал в 1990–2000-е годы, чему свидетельством является и рост числа приходов старообрядческих согласий, и учащение участия старообрядческих деятелей в общественно-политической деятельности, и популярность самих тем древлеправославия и раскола в современном медийном дискурсе.

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «параллельной России». Посредством ненасильственного сопротивления западническому и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки старообрядцы планомерно создавали свое социально-экономическое чудо, всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов, российской научно-технической и экономической модернизации, просвещению и демократизации общества, вдохновляли русскую творческую интеллигенцию.

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело завязанного на традиционных ценностях, но в то же время необычайно гибко реагирующего на изменения внешней среды – вплоть до создания своих «островков Святой Руси» на инокультурной чужбине. В отличие от иных примеров «параллельной России» – хлыстов, скопцов или субботников, – староверы были чужды сковывающего интеллектуального догматизма и сектантского отношения к окружающему миру. Несомненно, отгородительная тенденция была спутницей древлеправославия все время его существования, но она всегда с лихвой

перекрывалась тенденциями конструктивности, толерантности, диалога и сотрудничества.

Древлеправославие – духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает в себя все роды консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлекссию над историческим опытом и условиями своего бытия и саморефлексию как правило жизни. Старообрядчество во всем цвете своих согласий и толков всегда было внимательно к самым цивилизационным основаниям России – во многом сохранение этих оснований является заслугой староверов, берегших древние книги и летописи, продолжавших основные традиции древнего народного творчества, материального и духовного. С XIX века старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «Русского модерна» во всех его направлениях: от традиционалистского до авангардистского [16, с. 44].

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий – богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты – всегда вдумчиво изучали западнический дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственного сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [15, с. 59], основной упор делая на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин – условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа.

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве за его трехсотлетнюю историю [6, с. 101], но, во-первых, со стороны основной части староверов различные сопротивления и самосожжения встречали не меньшую отповедь, чем со стороны силовых структур Российского государства и миссионеров официальной церкви. Во-вторых, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних братьев по вере – поэтому сектантское сознание не рассеивалось по основной массе староверов, становясь уделом осуждаемых маргиналов [15, с. 60].

Русское старообрядчество является замечательным примером суверенной, национальной демократии. Начала соборности, исстари присущие православному сознанию, в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточными хозяйственными общинами: Выговским общежитием, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волюнтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали демократию («соборность») как этос вседозволенности и нигилизма [10, с. 74–75]. Старообрядческая деятельность была деятельностью свободных и активных людей, легко создававших коммуникации и сообщества, но на основе традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации,

толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной юстиции, будоражащие сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и разнообразно разрешены в старообрядческих согласиях.

История старообрядческой мысли и письменности – кладезь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, вслед за с Д. С. Лихачевым и А. И. Солженицыным, в 2000-е годы пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители. Однако имеются весьма серьезные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых – музейное представление о староверии, на другом – фантастическое, не подтвержденное реальной жизнью и историей. Поэтому создание антологии старообрядческой письменности – ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде этого читатель должен увидеть ситуацию раскола XVII в.: его причины, ход, последствия – все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше время для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и выпестовавших старообрядчество как культурный и духовный феномен [9, с 19]. Для этого состав антологии должен быть лишен ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал: многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия – культ образованности и книжности, логоцентризм и сохранность языка, соборность и здравый национализм, самоорганизация и сетевые коммуникации, патриархальность уклада и традиционность ценностных оснований – не являлись изначально продуктами некой старообрядческой идеологии. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в старообрядчестве на протяжении столетий, проходя конкурентную борьбу своих версий, обкатываясь в специфичном быте, самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей свое присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен.

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение политического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Если конкретнее, сборник, во-первых, должен содержать:

- работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;
- письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всем их цвете;
- труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате диспутов и диалогов, ментальных сближений и разделений;
- наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Второй блок должен включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

- работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;
- труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственном формате;
- работы либеральных историков, переоткрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;
- «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX – начала XX века – времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России.

Третий блок должен содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Приведенный список не является планом антологии; конкретная структура и перечень включенных текстов и отрывков требовали предварительной разработки специальной методологии, которой будет посвящен отдельный очерк.

Отличительной чертой нашего сборника должна стать особенная редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиозно-этические справки перенесут древлеправославие из музейного в культуротворческий формат в глазах читателя.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители – известные исследователи разных сторон старообрядчества – в ряде вопросов находятся на разных позициях; этот факт должен быть явлен читателю – в этом состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысление актуальных данностей староверия.

Подытожим: антология актуальна не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации. Поэтому методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было оговорено ранее, тема иной статьи.

Список литературы

1. Кожурин К. Я. Богослужение как основа мирозерцания и культурной деятельности старообрядцев // Вестник ЛенГУ им А. С. Пушкина. – 2012. – № 4. – С. 69–77.
2. Расков Д. Е. Эсхатология и активность в миру староверов // Христианское чтение. – 2012. – № 6. – С. 82–94.
3. Баев В. Г., Давыденкова А. Г. Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 220–228.
4. Мурашова Н. С. Персоносфера старообрядческого духовного стиха // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 45. – С. 71–85.
5. Потехина Е. А. Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // Russian Peasant Studies. – 2017. – Vol. 2. – № 1. – С. 77–89.
6. Пулькин М. В. Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самоожжений // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 2. – С. 96–103.
7. Урушев Д. А. Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // Ценности и смыслы. – 2010. – № 4. – С. 116–123.
8. Аторин Р. Ю. Религиозное мировоззрение протопопа Аввакума и влияние его деятельности на развитие экклесиологии старообрядчества: Дисс. ... канд. филос. н. – Белгород: БелГУ, 2009. – 154 с.
9. Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 267 С.
10. Чистяков Г. С. Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: Труды ВНК к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова. Ч. 2. История, книжность и культура русского старообрядчества. – Ярославль, 2008. – С. 73–75.
11. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 555 [5] с.: илл. – («Живая история: Повседневная жизнь человечества»).
12. Кожурин К. Я. Духовные учителя сокровенной Руси. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.: илл. – (Серия «Лабиринты истории»).
13. Кожурин К. Я. Боярыня Морозова. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 380 с.: илл. — («Жизнь замечательных людей. Малая серия»).
14. Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 396 с.: илл. – («Жизнь замечательных людей»).
15. Бобков А. И. Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2017. – Т. 19. – С. 57–62.
16. Глинчикова А. Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? – М.: Культурная революция, 2008. – 384 С.
17. Керов В. В. Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 111–125.
18. Кожурин К. Я. Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия СПбГАУ (Спецвыпуск к 111-летию СПбГАУ). – 2015. – С. 55–58.
19. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. – М.: Концептуал, 2016. – 536 С.
20. Расков Д. Е. Экономические институты старообрядчества. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 344 С.
21. Товбин К. М. Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 1. – С. 109–120.
22. Урушев Д. А. Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. – М.: Вече, 2013. – 400 С.
23. Хирьянова Л. В. Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенденций современной старообрядческой культуры // Общество и этнополитика: Материалы III НПК СибАГС / Ред. Савинов Л. В. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2010. – С. 209–216.

24. Агеева Е. А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы VI МНПК. – Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2015. – С. 20–26.
25. Бубнов Н. Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. – 2016. – № 4 (56). – С. 54–63.
26. Баев В. Г., Воронова-Оренбургская С. О. Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2011. – Вып. 22. – № 30. – С. 27–31.
27. Муравьев А. В. Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // Социальная реальность. – 2010. – № 10. – С. 35–47.
28. Романова Е. В. Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII–XIX веках. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2012. – 288 с.
29. Аргудяева Ю. В., Хисамутдинов А. А. Из России через Азию в Америку. – Владивосток: ДВО РАН, 2013. – 427 с.
30. Дутчак Е. Е. Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 163–172.
31. Урушев Д. А. Начало русской драмы // История в подробностях. – 2013. – № 7 (37). – С. 20–25.

Tovbin K.M., Atorin R.Y., Kozhurin K.Y. Orthodox Old Believers as a Variation of the Russian Civilization: Problems of Relevance // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 38–45.

The article describes the urgency of creating a scientific anthology dedicated to the Russian Old Believers. Russian Old Believers are one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the history of Russia. Attention to the Old Believer intellectual heritage is relevant for clarifying the course of Russia's development in the world community of civilizations. The Old Believers developed mental mechanisms for sustainable development in the context of multipolar globalization, for the construction of a social state based on sovereign democracy. The anthology should include both basic Old Believer texts, as well as significant research and philosophical works about the Old Believers. A selection of Old Believer texts should illustrate the various trends of Old Believer thought in different epochs, to see the Old Believers as ideology, as a world view, as a mentality, as a way of life. The collection of texts on the Old Believership should give an objective picture of the place of the Ancient Orthodoxy in the history and present time of Russia. Old Believer should be presented to the reader in the light of his current opportunities for building a new great culture.

Keywords: Old Believers, Ancient Orthodoxy, "Parallel Russia", Russian Civilization, Russian culture.

References

1. Kozhurin K. Ya. Bogoslužhenie kak osnova mirosozertsaniya i kul'turnoy deyatel'nosti staroobryadtsev // Vestnik LenGU im A. S. Pushkina. – 2012. – № 4. – С. 69–77.
2. Raskov D. E. Eskhatologiya i aktivnost' v miru staroverov // Hristianskoe chtenie. – 2012. – № 6. – С. 82–94.
3. Baev V. G., Davydenkova A. G. Kategoriya "dukhovnost'" v kontekste staroobryadcheskoy kul'tury // Vestnik LenGU im A. S. Pushkina. – 2012. – № 1. – С. 220–228.
4. Murashova N. S. Personosfera staroobryadcheskogo dukhovnogo stikha // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2017. – Т. 45. – С. 71–85.
5. Potekhina E. A. Povsednevnyaya zhizn' krest'yanina-starobryadtsa // Russian Peasant Studies. – 2017. – Vol. 2. – № 1. – С. 77–89.
6. Pul'kin M. V. Istoricheskaya suitsidologiya: po materialam staroobryadcheskikh samosozhzhений // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. – 2012. – № 2. – С. 96–103.
7. Urushev D. A. Hudozhestvennoe voploshchenie obraza v ranney staroobryadcheskoy literature // Tsennosti i smysly. – 2010. – № 4. – С. 116–123.

8. Atorin R. Yu. Religioznoe mirovozzrenie protopopa Avvakuma i vliyanie ego deyatel'nosti na razvitie ekklesiologii staroobryadchestva: Diss. ... kand.filos.n. – Belgorod: BelGU, 2009.
9. Shakhov M. O. Staroobryadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i sotsial'naya pozitsiya. – Moscow: RAGS, 2001, 267 p.
10. Chistyakov G. S. Staroobryadcheskaya sobornost' kak forma konservativnoy demokratii // Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya: Trudy VNK k 40-letiyu polevykh arkhеоgraficheskikh issledovaniy MGU im. M. V. Lomonosova. CH. 2. Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo staroobryadchestva. – Yaroslavl', 2008. – S. 73-75.
11. Kozhurin K. Ya. Povsednevnyaya zhizn' staroobryadtsev. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2014.
12. Kozhurin K. Ya. Dukhovnye uchitelya sokrovennoy Rusi. – Saint-Petersburg: Piter, 2007.
13. Kozhurin K. Ya. Boyarynya Morozova. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2012, 380 p., (seriya "ZHizn' zamechatel'nykh lyudey").
14. Kozhurin K. Ya. Protopop Avvakum: Zhizn' za veru. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2013, 396 p., (seriya "ZHizn' zamechatel'nykh lyudey").
15. Bobkov A. I. Russkiy raskol kak filosofskoe protivostoyanie sobornosti i kvazireligioznosti // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie". – 2017. – T. 19. – S. 57-62.
16. Glinchikova A. G. Raskol ili sryv "russkoy Reformatsii"? – Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008, 384 p.
17. Kerov V. V. Mezhdru traditsionalizmom i modernizatsiey. Stat'ya 1. Krizis russkoy dukhovnoy kul'tury XVII veka i ideya otserkovleniya zhizni // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2010. – № 5. – S. 111-125.
18. Kozhurin K. Ya. Teorii yuzhno-zapadnorusskikh bogoslovov kak istochnik staroobryadcheskoy istoriosofii // Izvestiya SPbGAU. – 2015. – № 5. – S. 55-58.
19. Pyzhikov A. V. Grani russkogo raskola. Taynaya rol' staroobryadchestva ot 17 veka do 17 goda. – Moscow: Kontseptual, 2016, 536 p.
20. Raskov D. E. Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva. – Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012.
21. Tovbin K. M. Tserkovnyy raskol XVII veka kak stolknovenie mental'nykh proektov // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. – 2013. – № 1. – S. 109-120.
22. Urushev D. A. Tayna Svyatoy Rusi: Istoriya staroobryadchestva v sobyitiyakh i litsakh. – Moscow: Veche, 2013, 400 p.
23. Hir'yanova L. V. Mirovozzrencheskie predposylki tserkovnogo raskola XVII veka kak otrazhenie tendentsiy sovremennoy staroobryadcheskoy kul'tury // Obshchestvo i etnopolitika: Materialy III NPK SibAGS / Red. Savinov L. V. – Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2010. – S. 209-216.
24. Ageeva E. A. Staroobryadtsy v musul'manskom okruzenii: opyt vzaimodeystviya // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy VI MNPK. – Ulan-Ude: Izd-vo BuryatGU, 2015. – S. 20-26.
25. Bubnov N. Yu. Puteshestvie ural'skikh kazakov v Belovodskoe tsarstvo: pogonya za prizrakov // Peterburgskaya bibliotchnaya shkola. – 2016. – № 4 (56). – S. 54-63.
26. Baev V. G., Voronova-Orenburgskaya S. O. Sotsial'naya filosofiya staroobryadchestva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. – 2011. – Vyp. 22. – № 30. – S. 27-31.
27. Murav'ev A. V. Sotsial'naya al'ternativa russkogo staroobryadchestva. CH. 2 // Sotsial'naya real'nost'. – 2010. – № 10. – S. 35-47.
28. Romanova E. V. Massovyie sozhzheniya v staroobryadchestve v Rossii v XVII-XIX vekakh. – Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta, 2012, 288 p.
29. Argudyaeva Yu. V., Hisamutdinov A. A. Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku. – Vladivostok: DVO RAN, 2013, 427 p.
30. Dutchak E. E. Geopoliticheskaya simbolika skvoz' prizmu eskhatologii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2010. – № 3. – S. 163-172.
31. Urushev D. A. Nachalo russkoy dramy // Istoriya v podrobnostyakh. – 2013. – № 7 (37). – S. 20-25.

УДК 101.1

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУТИВНЫХ ЧЕРТАХ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ¹

Тузовский И. Д.

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: idtuzovsky@gmail.com

Необходимо констатировать, что с началом Четвертой промышленной революции окончательно наступила Цифровая эпоха. Однако информационное общество в том виде, который был спрогнозирован теоретиками, так и не состоялось. Между тем рассмотрение современной культуры как культуры Цифровой эпохи все еще осуществляется сквозь призму устаревших теоретических построений.

Атрибутами культуры Цифровой эпохи являются сверхтекучесть и динамизм развития, высокий потенциал рекуперации, отсутствие специально выделенного времени на потребление культурных продуктов, доминирование зрелищных и игровых практик в структуре потребления культуры, архаизация культурных практик, которая связана с ростом значимости аудиовизуального канала коммуникации, трансгенность различных видов искусства и художественного творчества.

Автор выделяет пары противоположных трендов, которые определяют культурный облик современности. Во-первых, меметизация культуры, которой противопоставлены ее континуальность, гипер- и интертекстуальность. Во-вторых, конвергенция и коадаптация коммуникативных средств в противовес продолжающемуся увеличению их разнообразия. В-третьих, конфликтный характер общества *Replique* против тренда возрастания толерантности, мультикультурализма, этнокультурной диверсификации и репрезентативности участия дискриминированных социальных групп в социально-политических, экономических и культурных процессах. В-четвертых, многопоточность современной культуры противопоставлена высокому потенциалу культурной инвазии и определенным явлениям нивелировки культурного разнообразия.

Прогнозировать развитие культуры в ближайшие десятилетия практически невозможно, поскольку сразу несколько трендов предполагает возможность развития по нескольким сценариям. Однако, вне всякого сомнения, сложность культурной системы в глобальном масштабе только возрастет.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая эпоха, культурный мем, конвергенция коммуникационных средств, конвергенция культур, коммерческая рекуперация культурных новаций.

¹ Статья опубликована в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

УСТАНОВЛЕНИЕ АТРИБУТОВ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В начале XXI века человечество лицом к лицу столкнулось с целым комплексом глобальных рисков и угроз. Полагаем важным тот факт, что современные проблемы человечества не автономны, а связаны в самый сложный комплекс технологических, экологических, политических, социальных, демографических, экономических и даже антропологических и культурных рисков. В числе значимых причин их возникновения и перехода из разряда рисков в непосредственные угрозы – отсутствие долгосрочного скоординированного планирования, предпочтение краткосрочных выгод, а также бытующие сегодня социокультурные модели, служащие катализатором возникновения новых рисков и углубления уже существующих проблем. Преодоление кризисных явлений в развитии становится невозможным без диагностики всего состояния человеческой цивилизации начиная именно с культуры: ведь не технология и даже не экономика создают запрос на цепную реакцию тех инноваций, которые не проходят экспертизу на риски и угрозы, а именно культурная парадигма Цифровой эпохи. И следует обратить внимание на то, что попытки теоретического концептуального осмысления социально-политических, демографических и экономических процессов во второй половине XX – начале XXI в. получили значительную популярность, в то время как фактически последней попыткой выстроить видение культуры стал постмодернизм. Проблемой исследования, таким образом, является отсутствие в общественных и гуманитарных науках концептуальных моделей современной культуры. Конечно, ученые и целые научные коллективы активно и плодотворно изучают отдельные культурные феномены, но попытки *понять* культуру Цифровой эпохи в ее противоречивой синкретической целостности фактически не предпринимаются. В данном исследовании осуществлена попытка осмысления культуры Цифровой эпохи в ее целостности, что и определяет его актуальность, теоретическую и практическую значимость.

Представленная в статье попытка научной диагностики культуры Цифровой эпохи является одним из крайне немногих (если не единственным) исследованием состояния культуры Цифровой эпохи во всей ее полноте. В числе важных положений научной новизны следует отметить применение атрибутивно-феноменального подхода – выявления обосновывающих черт, без которых объект не может существовать и быть помыслен, что позволяет характеризовать объект исследования по его сути, а не внешним проявлениям. Безусловной новизной обладает отказ от доминантных моделей описания культуры, которые до сих пор являются общепринятыми в историко-культурных и этнографических работах, но для описания современной культуры, синкретичной и многообразной, не могут быть применены. Предложенный вариант выявления полярных трендов в культурном развитии Цифровой эпохи уже сам по себе является достаточным основанием для построения прогнозных сценариев социокультурных трансформаций.

Вместе с тем при реализации оптимистичной попытки «спрогнозировать» развитие культуры в XXI веке следует учитывать «черного лебедя» – пока

непрогнозируемые последствия четвертой промышленной революции и саму сложность системы под названием «культура», которая, вероятно, в очередной раз значительно возрастет. Возможно, изменится сам глубинный смысл культуры, который заключался до сих пор в передаче социального опыта, аккультурации человека и приспособлении его к своей собственной истории, в «выживании в ней». Однако без осуществления постоянного мониторинга социокультуры (представляющей собой, по мнению П. А. Сорокина, триединство системы ценностей и смыслов, материальной культуры и всех культурных действий и интеракций, в том числе поведенческих ритуалов, церемоний, демонстративных поступков и т. д.) во всей полноте ее свойств не удастся, конечно, ни прогнозировать ее развитие, ни корректировать эти прогнозы, ни реагировать на прогнозные риски. Поэтому так важна выработка концептуального видения состояния культуры сейчас, в данный момент перед очередным «виражом», который совершит человечество.

Цель исследования продиктована настоятельной необходимостью выработки концептуальной модели культуры Цифровой эпохи, что невозможно без определения атрибутивных (т. е. сущностных и неустрашимых) ее черт.

Задачами исследования стали, во-первых, поиск и/или выработка подходящих методологических оснований и инструментария диагностики и современной культуры, во-вторых, определение атрибутов культуры Цифровой эпохи, и, в-третьих, исследование синкретических трендов ее развития.

Во второй половине XX в. состоялся технологический переход от Индустриальной эпохи к Цифровой. В настоящее время уже наметились черты «четвертой промышленной революции», использующей достижения конвергентных технологий – нано-, био-, информационных и когнитивных [1]. Однако социальная и экономическая утилизация (понятие «утилизация» означает здесь «употребление с пользой», «нахождение применению») НБИКС-технологий еще не наступила, и мы продолжаем жить в Цифровую эпоху, определенную «великой триадой» XX века: компьютерами, телекоммуникационными сетями и автоматами.

Хотя футурологи, государственные чиновники и лидеры ТНК продолжают высказывать умеренно оптимистичные оценки о скором наступлении «информационного общества», с ними сложно согласиться. Цифровая эпоха давно наступила, однако информационное общество в классическом виде, который прогнозировался в работах конца 1960 – начала 1990-х гг. [см. 2–5], так и не состоялось.

Индустриальная эра создала в политическом, экономическом, социальном измерении совершенно различные типы обществ: демократические и тоталитарные (крайние позиции политического измерения), рыночные и этатистские (экономическое измерение), консьюмерские и аскетические (социальное измерение). Мы не только можем ожидать того же от Цифровой эпохи, мы уже это наблюдаем. Например, на одном полюсе Цифровой эпохи находятся общества киберфронта, где действует или до настоящего времени действовал пакт сетевого нейтралитета и киберпространство оставалось слабoreгулируемой зоной полной свободы выражения любых идей. На другом же полюсе – общества «золотого

купола», которым государства «накрывают» свой сегмент Глобальной сети, устанавливая множество барьеров и ограничений: Китай, Иран, Пакистан, в некотором отношении Турция и даже Россия. Разные стратегии использования глобального информационного пространства приводят к серьезнейшим различиям и в культурном отношении. Однако с нашей точки зрения, сегодня уже можно выделить общие особенности обществ Цифровой эпохи.

СЛОЖНОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Изложить черты современной культуры в линейной последовательности сложно, поскольку сама система культуры чрезвычайно усложнилась, обрела огромное число прямых и обратных связей между отдельными элементами. Конечно, любая культура представляет собой сложную целостную систему, но на относительно хронологическом удалении мы можем оценить уже произошедшие последствия и выделить главные тенденции.

Во-вторых, современная культура не поддается статистическому анализу, поскольку занятые сбором статистики институты стараются (и этот подход верен для решения их задач!) максимально обезличить информацию. Между тем автор рискнет напомнить, что одно из самых значительных открытий в современной этологии было совершенно благодаря тому, что приматолог Франс де Вааль отказался от статистического подхода, доминировавшего в его время, и применил тотальную фиксацию и анализ конкретных кейсов. Для выбора кейсов, которые легли в основу содержательной части исследования, автор адаптировал классический метод «первых полос» применительно к анализу интернет-публикаций. Переход от статистического анализа к анализу кейсов стал ключевым методологическим основанием исследования.

В-третьих, в анализе современной культуры Цифровой эпохи мы сталкиваемся с необходимостью селекции выводов предшественников. Парадоксально, но в современной науке обозначился вакуум именно в области описания и концептуализации культуры Цифровой эпохи. Исследователи заняты выявлением, описанием и анализом отдельных культурных феноменов: гик-культуры, постграмотности, клипового мышления, экранных практик, компьютерных игр и т. д. Но в общих оценках используется терминология и концепция именно классических научных работ 1960–1980-х гг., которые были футурологическими по своей природе, и актуальная реальность серьезно отличается от изложенных в них прогнозов. Отказ от теоретических выводов, сделанных на основании неверифицированных прогнозов, опубликованных несколько десятилетий назад, стал методическим основанием исследования.

АТРИБУТЫ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Невероятное ускорение коммуникационных процессов, элиминировавшее пространственные барьеры, является, вероятно, одной из причин того, что современная культура является сверхтекучей, или сверхдинамичной [см. 6; 7]. Вплоть до середины XX в. технологиям, культурным феноменам, банальным модным тенденциям требовались годы для того, чтобы, появившись в одной точке земного шара, начать воздействовать на общества, проживающие в других регионах. Однако со второй половины XX века время между возникновением культурного феномена и его глобальным распространением стремительно уменьшается. Субкультуры, развивавшиеся на протяжении десятилетий, сокращают свой жизненный цикл до трех- или четырехлетнего существования. Инстатрендам или хэштегам в *Facebook* и *Twitter* требуются считанные сутки, чтобы возникнуть и добраться до «топов».

Следующая черта, которую следует назвать, имеет несколько провокационный характер. Сегодня довольно часто используется оборот «коммерциализация культуры». Однако этот оборот неточен: современная культура не просто имеет коммерческий характер, а обладает высочайшим рекуперативным потенциалом. Термин «рекуперация» был предложен Ги Дебором в работе «Общество спектакля» [см. 8] и подразумевал возможность восприятия, усвоения, переработки и превращения в коммерческий объект капиталистической культурой любых революционных коммунистических символов. В Цифровую эпоху рекуперации подвергается гораздо более широкий класс феноменов. Не только самая известная фотография команданте Эрнесто Че Гевары стала принтом на модной одежде, но и любой контркультурный или антикапиталистический феномен рекуперруется в той или иной форме. Становится культовым и массово популярным режиссер авторского кинематографа Ларс фон Триер. Техногики, игнорировавшие значимость любого из маркеров социальной успешности, превращаются в зацененных на апгрейде (а следовательно, и на покупке дорогостоящих комплектующих) геймеров и карнавальных жонглеров-косплееров, сопровождающих все мероприятия гик-культуры. В икону стиля превращается Стив Джобс, предпочитавший в качестве «рабочей униформы» кроссовки, джинсы и черную водолазку и даже презентации новых продуктов *Apple* проводивший именно в них.

Особый жизненный ритм, поточный характер восприятия квантифицированной информации приводят к изменению временной структуры приобщения к культуре и практики ее потребления, что является следующим фундирующим атрибутом. Восприятие художественных произведений происходит не в специальной обстановке и в особое выделенное время. Мы слушаем музыку по дороге на работу, читаем книги в метро, смотрим кинофильм за ужином. Акты специального потребления культуры чрезвычайно редки и имеют характер события, которое требует своей фиксации и публичного сообщения об этом достижении. Одновременно с этим меняется и характер практик приобщения к культуре: от созерцания, прослушивания, чтения и образования мы больше приобщаемся к

культуре через зрелищные и игровые формы (при этом баланс возрастного использования этих практик существенно сместился: по различным оценкам в начале 2010-х гг. средний возраст компьютерного геймера составлял 30–33 года [см. 9; 10]).

Уникальной по масштабам и глубине поворота тенденцией современной культуры является переход от многосотлетнего развития текстовой коммуникации к текстуально-визуальной, аудиовизуальной и чисто визуальной коммуникации. При визуализации сегодня происходит возврат к фигуративности, то есть к изображению реальных предметов действительности, в отличие от абстракций, что является одной из примет времени. Даже *эмотикон*-смайл, составленный из типографского двоеточия, дефиса и закрывающей скобки сегодня оказался повсеместно вытеснен пиктограммами-*эмодзи*, а к 2018 году – *стикерами* и картинками-*мемами*. В каком-то смысле мы можем говорить об архаизации культуры, в первую очередь – в отношении средств, которые она использует для творения смыслов. Повседневное восприятие окружающего мира нисходит на уровень первобытного чувственно-кинестетического мышления: *Homo Digitus*, подобно своим предкам времен Верхнего Палеолита, ощущает потребность в максимальном визуальном подобии знака изображаемому объекту.

Парадокс палеоарта заключается в том, что древнейшие его образцы характеризуются высоким техническим уровнем исполнения, натурализмом, даже использованием неровностей стен для создания стереоэффекта при отсутствии композиции, бедности сюжетного фонда. В то время как в эпоху неолита мы сталкиваемся с абстрактностью и условностью живописи, гораздо меньшим техническим совершенством изобразительного искусства в принципе [см. 11; 12].

Любопытно, что технология стереоскопического, или 3D, кино была изобретена практически одновременно с технологией киносъемки в принципе и первый фильм в таком формате демонстрировался на широких экранах уже в 1922 году [см. 13], то есть в период апогея развития печатной документной культуры. Однако стереоскопическая технология долгое время так и не пользовалась популярностью, и даже Джеймс Кэмерон, снявший короткометражку «Терминатор 2 – 3D» в 1996 году (после потрясающего коммерческого успеха «Терминатора – 2» в 1991 году), столкнулся с отсутствием интереса публики к этому формату. Ирония заключается в том, что спустя почти пятнадцать лет после этого фиаско именно «Аватар» Дж. Кэмерона откроет эру трехмерного кино, но привлечет внимание совершенно другого поколения, которое даже виртуальный мир познает тактильно и кинестетически, как люди эпохи Верхнего палеолита, – при помощи *сенсорных* мобильных устройств.

Следующая особенность, обосновывающая современную социокультурную ситуацию, – это трансгенность различных видов искусства и художественного творчества. Вопреки ожиданиям, кинематограф не убивает литературу так, как от него этого ожидали, – тем, что экран вытесняет книжную страницу. Однако кинематограф определяет новые стандарты и форматы описательной зрелищности, средств выразительности, подачи сюжетных ходов, самой фабулы. Специфические средства художественной выразительности, сюжетной композиции, характерные

сценарные ходы сериалов (например, так называемые клиффхэнгеры) проникают в кино «большого экрана», и наоборот, мультипликация в форме CGI заменяет собой натурные съемки и актерскую игру, аниматронику и моделирование. Писатели создают литературные произведения с оглядкой на их возможную экранизацию, компьютерные игры используют кинематографические кат-сцены и иные приемы, заимствованные у кинематографа. А одна из игр, определивших современные тенденции развития видеоигрового геймплея, «Fahrenheit: The Indigo Prophecy», стала первой игрой в жанре interactive movie – интерактивного фильма.

Украинский писательский дуэт Дмитрия Громова и Олега Ладыженского с сожалением констатирует жанровую смерть романа [14], на смену которому пришли литературные (в том числе – межавторские) «циклы», длящиеся, как правило, ровно столько, сколько длится интерес аудитории, что является использованием киносериального принципа в литературе. Конечно, стоит заметить, что литература в принципе родилась как сериал – ни эпические поэмы Гомера античности, ни рыцарские эпосы или народный «Роман о Лисе» Средневековья не могут быть воспроизведены и услышаны за один акт восприятия, да и многие романы XIX века, начиная с «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, выходили в журнальной серийной форме. Однако теле- и киносериал выработали собственные средства выразительности, жанровые приемы и, главное, методы удержания внимания зрителя, в первую очередь – открытый финал и клиффхэнгер².

Наконец, кинематограф, технически родившийся из фотографии и с ней «порвавший», долгое время разрабатывавший свои выразительные средства – от смены плана и «облета камеры» до клипового монтажа, компьютерных спецэффектов и т. д. – на рубеже веков заимствует выразительные средства фотографии в виде меметичного, запоминающегося зрелищного кадра, который затем начинает использоваться вне контекста самого произведения. Тут важно понять отличие: зрелищные сцены были и раньше, есть сейчас и будут в кинематографе всегда. Но именно с начала 2000-х гг. возникает особый характер связи операторской работы и монтажа, когда один наиболее впечатляющий и запоминающийся («меметичный») кадр длится в течение достаточно долгого времени. Акцентуация на отдельном «длительном кадре» и превращение его в мем окончательно осваивается киноискусством с выходом «Матрицы»

² Клиффхэнгер – это удержание внимания зрителя за счет прерывания сцены или произведения в целом на эмоционально напряженном моменте, предполагающем неопределенный финал и/или резкий сюжетный поворот в дальнейшем. Сам термин родился от выражения «висящий на обрывом»/«скалолаз» из-за использования этого приема еще в немом кино 1930-х гг., однако действительную популярность и частоту использования этот прием набирает в середине 2000-х гг. В это время происходит становление современной сериальной парадигмы, претендующей на интеллектуализм содержания, высокое качество актерской игры, переход от мелодраматизма мыльных опер к драматизму острых социальных конфликтов. Выход сериалов за пределы «культурного гетто» развлечения для домохозяек и подростков приписывается успеху сериалов «Lost» («Остаться в живых») и «House, M. D.» («Доктор Хаус»). Хотя, конечно, и ранее существовали телесериалы или многосерийные кинофильмы, отличающиеся обозначенными свойствами, например на советском и британском телевидении, но они не меняли видение сериала как дешевого телевизионного контента, чье производство поставлено на поток в ущерб режиссуре, работе сценаристов и т. д.

братьев Вачовски, где замедленное движение – *slo-mo* – стало краеугольным камнем киноязыка. Этот прием широко применялся Дж. Лукасом при съемках трилогии приквелов «Звездных войн» и получил повсеместно распространение в 2010-х гг.

Наконец, заключительная черта, которая определяет культурную картину современности, – взаимодействие в современной культуре пар противоположных трендов. Необходимо детально рассмотреть наиболее важные из них.

ПАРЫ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ТРЕНДОВ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Тренд 1. Меметизация культуры и разделение законченного и целостного произведения на мельчайшие смысловые единицы VS поточность восприятия информации, гипер- и интертекстуальность

Современная культура меметизирована, и единицей распространения культурного контента выступает уже не произведение, а цитата-мем, будь то музыкальная фраза или так называемая «главная тема» кино или телесериала, визуальный образ-кадр или текстовая цитата. Лишенный целостности произведения в его включенности в культурный контекст, мем агрессивно распространяется в культурном пространстве и является более простым для рецепции и воспроизведения человеком – его носителем. В результате культура «квантуется», или «дискретизируется», то есть разбивается на мельчайшие единицы, лишенные целостного контекста, необходимого для восприятия произведения искусства. В связи с этим сам онтологический статус произведения искусства в Цифровую эпоху оказывается под вопросом: бытуют ли в культуре в действительности романы французского прозаика и публициста Фредерика Бегбедера или российского писателя Виктора Пелевина или вскоре после публикации в сети они были деконструированы, дав жизнь миллиардам высказываний-мемов, которые «репостят» пользователи социальных сетей?

Дискретизации, или «квантованию», противопоставлены «континуальность» восприятия информации, гипертекстуальность организации информации (как технический аспект) и интертекстуальность (как художественный прием). Континуальность, непрерывность восприятия информации заключается в особом режиме ее восприятия: в социальных сетях это пролистывание «ленты новостей», а в Интернете в целом – «веб-серфинг». Следствием такой в буквальном смысле слова поточности восприятия информации является увеличение динамики повествования и укрупнение форм художественных произведений. Если мы сравним фильмы, ставшие символами массовой культуры, даже начала 1990-х годов, и их ремейки начала 2010-х годов, то обнаружим, что воспринимаемая визуальная динамика значительно ускорилась (за счет использования буквально десятков различных приемов: от клипового монтажа до стробоскопического освещения, от съемок «на живую» с помощью раскачивающейся в руках оператора камеры до выхватывания крупным планом ног бегущих героев и пр.). Однако «уплотнение» действия требует высокой детализации, поэтому в классическом фильме «Вспомнить все» 1990 года за 15 минут экранного времени происходит в полтора раза меньше продвигающих сюжет событий, чем в его же ремейке 2012 года. В результате длительность

фильмов увеличивается – и развлекательной лентой продолжительностью значительно более двух часов сегодня никого не удивишь.

Интертекстуальность художественных произведений – это один из немногих примеров самосбывающихся пророчеств, в данном случае связанных с манифестами постмодернизма. Реализуемые художественными средствами текстовые игры, расширяющие границы любого художественного произведения до всеобщего текста культуры, проникли из элитарной интеллектуальной литературы постмодернистов в комикс-фильмы, различные жанры популярной музыки, компьютерные игры и, естественно, «низкие» жанры литературы. Интертекстуальность стала общей, универсальной культурной чертой Цифровой эпохи, а отнюдь не только постмодернистского искусства.

Тренд 2. Заимствование средств выразительности, особенностей композиции и технических приемов между самостоятельными видами искусства, конвергенция и коадаптация коммуникационных средств VS радиация средств коммуникации

С переносом средств выразительности между отдельными видами современного искусства в Цифровую эпоху оказываются тесно связанными конвергенция и коадаптация коммуникационных средств и создаваемого при помощи этих средств культурного контента, а противопоставлена радиация³ средств коммуникации за счет рекомбинации различных уже имеющихся средств. Десятилетие назад деление интернет-мессенджеров на текстовые, аудиовизуальные и мобильные еще имело смысл, но сегодня практически все они универсальны. Коммуникационные отличия играют все меньшую и меньшую роль, однако пользовательская экология и сервисная стратегия существенно отличаются.

Тренд 3. Коммуникационная конфликтность общества Replique VS мультикультурализм, толерантность, этнокультурная диверсификации культурной продукции и репрезентативности участия дискриминированных социальных групп в социально-политических, экономических и культурных процессах

А. В. Костина и А. Я. Флиер справедливо указали, что одним из главных мотивов современной культуры является превентивное переживание будущего, и дали этому концепту название «общества репетирующих», в противовес «обществам концертирующих», существовавших в прошлом⁴ [см. 15; 16]). Вкупе с другими упоминавшимися атрибутами культуры это приводит к тому, что

³ Термины «конвергенция», «коадаптация» и иные были заимствованы коммуникативистами у экономистов и социологов, а они, в свою очередь, заимствовали их из биологии. В биологии *радиация* – это сравнительное быстрое и массовое возрастание таксономического разнообразия. Не совсем точно – взрывной по геологическому хронометражу процесс видообразования. Именно в этом значении использовал термин «культурная радиация» русский ботаник-эволюционист и педагог С. А. Рачинский в переписке с В. В. Розановым.

⁴ Костина А. В., Флиер А. Я. Куда история влечет культуру? (От «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») (Начало) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4. С. 27–37.

Костина А. В., Флиер А. Я. Куда история влечет культуру? (От «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») (Окончание) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 1. С. 46–59.

современная культура мутирует от общества «Magnum opus» – подготовленного «великого труда», дела жизни, к обществу «Replique» – торопливых и неподготовленных высказываний. Диалогичность, не располагающая временем для обдумывания слов собеседника, фактически исключающая контекстуальность любого высказывания, предполагающая необходимость максимального эпатажа для привлечения внимания публики к собственным словам, является, как нам кажется, одной из главных причин высокой коммуникационной конфликтности современной культуры. Среди самых свежих кейсов можно привести скандал вокруг рекламы мыла Dove [см. 17] или высказывание актера Джона Боейги о том, что телевизионное шоу «Игра престолов» является расистским из-за отсутствия в нем актеров африканского происхождения [см. 18] (что далеко от истины, более того – роли многих героев, которые в литературном источнике были «белыми», исполнили именно актеры-азиаты или африканцы).

Коммуникационной конфликтности противопоставлены идеи толерантности, мультикультурализма, этнокультурной диверсификации культурной продукции и репрезентативности участия дискриминированных социальных групп в социально-политических, экономических и культурных процессах. Не стоит останавливаться подробно на этом пункте, поскольку именно он получил всестороннее и довольно конфликтное освещение в российской и мировой науке.

Тренд 4. Многопоточность культурных процессов VS высокий потенциал культурной инвазии

Многопоточность культуры связана с современной спецификой глобализационных процессов, которые сегодня протекают, скорее, не по сценарию тотальной унификации по одному национальному образцу, а по двум другим взаимодополняющим сценариям: конвергенции и универсализации культур⁵.

⁵ В конце XIX – первой трети XX вв. целый ряд общественных деятелей и ученых высказывал опасения по поводу уменьшения культурного разнообразия, унификации всех культур по образцу западноевропейских (дискуссия по поводу статьи К. Леонтьева в переписке С. Рачинского и В. Розанова) или даже конкретно-британской (А. Дж. Тойнби в предисловии к «Постижению истории»). Однако мы не наблюдаем сегодня действительно всеохватного британского влияния. Многие наши современники выражают идентичные опасения по поводу культурной унификации по образцу США, «американизации» всего мира или китаизации всего мира в перспективе второй половины XXI столетия. Такой культурный алармизм выглядит не вполне обоснованным именно в силу известных нам примеров «другой глобализации», которые приводил как упоминавшийся Рачинский (эллинистическая, римская, христианская, исламская глобализации), так и современные исследователи. Т. е. унификация означает развитие ранее самостоятельных культур по образцу одной, доминирующей. Конвергенция же подразумевает, что культуры развиваются самостоятельно из разных точек исторической действительности, с различным историко-культурным «багажом», но под воздействием внешних для них объективных обстоятельства (в данном случае – глобального информационного пространства), приобретают внешнее сходство при сохранении сущностного своеобразия. Ближайшая аналогия – конвергенция рыб и морских млекопитающих, среди которых минимально различимы внешне два совершенно разных семейства: семейство дельфиновых отряда китообразных класса млекопитающих и, например, семейство сельдевых акул отряда ламнообразных акул класса хрящевых рыб. Универсализация же предполагает, что и внешнее сходство этих культур будет довольно ограниченным, при сохранении уникальности и своеобразия они будут вырабатывать какое-то число ценностей и артефактов, которые будут универсально применимы и привлекательны. Сами культуры при этом будут меняться не столько под внешними объективными обстоятельствами,

Культурно-коммуникационной средой, общей для всех *развитых* обществ планеты и посредством этого определяющей их конвергенцию, выступает сегодня киберпространство. Поэтому национальные культуры развиваются либо в некоем общем для них направлении, либо вырабатывая отдельные универсальные ценности и создавая универсально привлекательные артефакты. Таким образом, формируется глобальный поток современной культуры, который эклектически сочетает в себе самые разнообразные ценности и смыслы. Вместе с глобальным потоком культуры существуют и микроглобальные. Этот довольно неуклюжий термин призван описать интересную ситуацию, когда носителей определенных культурных ценностей численно мало, они рассеяны по всей планете, но коммуникационная среда Цифровой эпохи – киберпространство – позволяет им поддерживать связь, которая была бы абсолютно невозможна в эпоху первобытности, да и в раннюю индустриальную эру тоже, и потому сохранять общую идентичность. Существуют и локальные культурные потоки, которые относительно ограничены цивилизационными локусами или являются эксклавами в иных культурных традициях. И, наконец, нижний иерархический уровень занимают микропотоки, представленные культурой отдельных социальных групп, стремящихся к изоляции от глобального или локальных культурных потоков.

С одной стороны, многопоточность культуры способствует частичной культурной изоляции групп, обладающих наиболее радикальными взглядами (не обязательно религиозными). С другой стороны, само существование глобального информационного пространства, конвергенция и универсализация культурных феноменов приводят к культурной инвазии и, как следствие, радикальной реакции на нее, что также повышает отмечаемую ранее коммуникационную и культурную конфликтность.

Итак, мы рассмотрели основные черты культуры Цифровой эпохи, хотя и сделали это чрезвычайно кратко. Перечислим их еще раз:

- 1) сверхтекучесть и динамичность;
- 2) высочайший рекуперативный потенциал;
- 3) отсутствие специального времени для восприятия культуры, фрагментарность культурного потребления;
- 4) визуальный характер, фигуративность, реставрация архаичных практик;
- 5) заимствование различными видами искусства и художественного творчества средств выразительности, технических и иных приемов создания, композиции и т. д.;
- 6) парные противоположности феноменов и культурных трендов;
- 7) меметизация культуры и ее дискретизация (разделение законченного и целостного произведения на мельчайшие смысловые единицы) VS континуальность, или поточность, восприятия информации, гипер- и интертекстуальность;

сколько по внутренним причинам. Подробно эти вопросы рассматриваются автором в статье «Теоретические модели культурной глобализации в Цифровую эпоху» (Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 2.).

8) заимствование средств выразительности, особенностей композиции и технических приемов между самостоятельными видами искусства, конвергенция и коадаптация коммуникационных средств VS радиация средств коммуникации;

9) коммуникационная конфликтность общества Replique VS мультикультурализм, толерантность, этнокультурная диверсификации культурной продукции и репрезентативности участия дискриминированных социальных групп в социально-политических, экономических и культурных процессах;

10) многопоточность культурных процессов VS высокий потенциал культурной инвазии.

Этот обширный перечень служит, вероятно, достаточно полным теоретическим описанием культуры Цифровой эпохи. На практике он будет полезен при проведении анализа и для объяснения культурных феноменов конца XX – начала XXI вв.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Информационное общество и НБИКС-революция / Алексеева И. Ю., В. И. Аршинов. – М.: Институт философии РАН, 2016. – 196 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл; пер. с англ. В. Л. Иноземцев. – М.: Академия, 1999. – 949 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (Дата обращения: 05.03.2018).
4. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. – 795 с.
5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер ; пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
6. Бауман З. Текущая модерность. Взгляд из 2011 г. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (Дата обращения: 05.03.2018).
7. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочкова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
8. Дебор Г. Общество спектакля. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=82108> (Дата обращения: 05.03.2018).
9. Беспроигрышный ход. Мировая игровая индустрия делает ставку на российских геймеров. URL: <https://rg.ru/2013/10/08/igry.html> (Дата обращения: 05.03.2018).
10. Безопасность в Интернете. Статистика. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/statistika> (Дата обращения: 05.03.2018).
11. Куценков П. А. Психология первобытного и традиционного искусства / П. А. Куценков. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 232 с.
12. Первые произведения искусства появились раньше, чем Homo sapiens. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1673225> (Дата обращения: 05.03.2018).
13. Zone R. Stereoscopic cinema & the origins of 3-D film (University Press of Kentucky, 2007). URL: https://books.google.ru/books/about/Stereoscopic_Cinema_and_the_Origins_of_3.html?id=C1dgJ3-y1ZsC&redir_esc=y (Дата обращения: 05.03.2018).
14. Олди Г. Л. О бедном романе замолвите слово. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art2068.htm> (Дата обращения: 05.03.2018).
15. Костина А. В., Флиер А. Я. Куда история влечет культуру? (От «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») (Начало) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 4. – С. 27–37.
16. Костина А. В., Флиер А. Я. Куда история влечет культуру? (От «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») (Окончание) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2010. – № 1. – С. 46–59.

17. Dove удалила рекламный ролик после обвинений в расизме. Компания извинилась за видеоролик. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/10/09/737147-dove-reklamu-rasistskoi> (Дата обращения: 05.03.2018).
18. Джон Бойега раскритиковал «Игру престолов» за отсутствие темнокожих. URL: https://www.igromania.ru/news/69048/Dzhon_Boyega_raskritikoval_Igru_prestolov_zh_otsutstvie_temno_kozhih.html (Дата обращения: 05.03.2018).

Tuzovskii I.D. On the Attributes of the Culture in the Digital Age // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 46–59.

It should be stated that since the beginning of the Fourth Industrial Revolution the Digital Age finally came. However, the information society, in the form predicted by theorists, has not taken place. Meanwhile, the consideration of the contemporary culture as the culture of the Digital Age is still carried out through the prism of outdated theoretical constructions.

The attributes of the culture of the Digital age are superliquidity and dynamism of development, high potential of recuperation, the absence of specially allocated time for consumption of cultural products, the dominance of entertaining and gaming practices in the structure of consumption of culture, the archaization of cultural practices that are associated with the growth of the importance of the audiovisual communication channel, the transgenicity of varied species of art and artistic creativity.

The author identifies the pairs of opposite trends that determine the cultural appearance of modernity. Firstly, memetization of culture, which contrasts with the continuity of information, hyper- and intertextuality. Secondly, the convergence and co-adaptation of communicative means against their continuing radiation. Thirdly, the conflicting nature of the “Replique society” against the trend of growing tolerance, multiculturalism, diversification and representativeness. Fourth, the multithreading of the contemporary culture is contrasted with the high potential of cultural invasion and certain phenomena of leveling of cultural diversity.

Forecasting of the development of culture in the next few decades is almost impossible, because several trends provide the possibility of development in many scenarios. No doubt, however, the complexity of the cultural system on a global scale will only increase.

Key words: information society, digital age, cultural meme, convergence of media technology, cultural convergence, commercial recuperation of cultural innovations.

References

1. Alekseeva I. Yu. Informationsnoe obshchestvo i NBIKS-revolutsiya [The Information society and the NBIKS-revolution]. Moscow, Philosophy Institute of RSA, 2016, 196 p.
2. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo [Coming of Post-Industrial Society: Venture in Social Forecasting]. Moscow, Academy, 1999, 949 p.
3. Castells M. Informationsnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura [Rise of Network Society, Information Age: Economy, Society and Culture] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php. (Accessed: 5 March 2018).
4. Toffler A. Tret'ya volna [Third Wave]. Moscow, AST, 2010, 795 p.
5. Webster F. Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of Information Society]. Moscow, AspektPress, 2004, 400 p.
6. Bauman Z. Tekuchaya modernost'. Vzglyad iz 2011 g. [Liquid Modernity. View from 2011]. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman>. (Accessed: 5 March 2018).
7. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter, 2008, 240 p.
8. Debord G. Obshchestvo spektaklya [Society of Spectacle]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=82108>. (Accessed: 5 March 2018).
9. Besproigryshnyi khod. Mirovaya igrovaya industriya delaet stavku na rossiiskikh geimerov [A win-win move. The global gaming industry is betting on Russian gamers]. URL: <https://rg.ru/2013/10/08/igry.html> (Accessed: 5 March 2018).

10. Bezopasnost' v Internetе. Statistika [Security on the Internet. Statistics]. URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/statistika> (Accessed: 5 March 2018).
11. Kutsenkov P. A. Psikhologiya pervobytnogo i traditsionnogo iskusstva [Psychology of primitive and traditional art]. Moscow, Progress-Tradition, 2007, 232 p.
12. Pervye proizvedeniya iskusstva poyavilis' ran'she, chem Homo Sapiens [First works of art appeared earlier than Homo Sapiens]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1673225>. (Accessed: 5 March 2018).
13. Zone R. Stereoscopic cinema & the origins of 3-D film URL: https://books.google.ru/books/about/Stereoscopic_Cinema_and_the_Origins_of_3.html?id=C1dgJ3-y1ZsC&redir_esc=y. (Accessed: 5 March 2018).
14. Oldi G. L. O bednom romane zamolvite slovo [Say word on poor novel] URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art2068.htm>. (Accessed: 5 March 2018).
15. Kostina A. V., Flier A. Ya. Kuda istoriya vlechet kul'turu? (Ot «obshchestva kontsertiruyushchikh» k «obshchestvu repetiruyushchikh»). (Nachalo) [Where does history attract culture? (From "Concert Society" to "Rehearsing society"). (Start)]. Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2009, no 4, pp. 27–37.
16. Kostina A. V., Flier A. Ya. Kuda istoriya vlechet kul'turu? (Ot «obshchestva kontsertiruyushchikh» k «obshchestvu repetiruyushchikh»). (Konets) [Where does history attract culture? (From "Concert Society" to "Rehearsing society"). (Ending)]. Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2010, no 1, 46-59.
17. Dove udalila reklamnyi rolik posle obvinenii v rasizme. Kompaniya izvinilas' za videorolik [Dove removed commercial after accusations of racism. Company apologized for video]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/10/09/737147-dove-reklamu-rasistskoi>. (Accessed: 5 March 2018).
18. Dzhon Boiega raskritikoval «Igru prestolov» za otsutstvie temnokozhikh [John Boyega criticized “Game of Thrones” for lack of blacks]. URL: https://www.igromania.ru/news/69048/Dzhon_Boyega_raskritikoval_Igru_prestolov_zh_otsutstvie_temno_kozhih.html. (Accessed: 5 March 2018).

УДК 091:165.62

**СТРУКТУРА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО АКТА
КАК СТРУКТУРА ОПЫТА СОЗНАНИЯ
(К ПРОЯСНЕНИЮ ПОНЯТИЯ ИНТЕЦИОНАЛЬНОСТИ
В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ)**

Шиян А. А.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

В центре внимания в статье находится такое основное понятие феноменологии Гуссерля, как «интенциональность», обозначающее основное свойство сознания. В феноменологии Гуссерля выделяется два различных понимания интенциональности. Согласно первому пониманию, представленному в I исследовании «Логических исследований», интенциональный акт суждения – это акт выражения значения, которое относится к предмету. Согласно второму, введенному в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», интенциональность – это направленность сознания на предмет, то есть интенциональный акт имеет не тройственную, как в первом случае, а двойную структуру. Автор высказывает мнение, что представленное в I Исследовании понимание интенциональности является важным новаторством Гуссерля и лежит в основании его понимания опыта восприятия, являющегося, с точки зрения Гуссерля, основным модусом сознания. С целью обоснования этого тезиса в статье терминология, используемая Гуссерлем в I исследовании для описания интенционального акта, соотносится с аналогичной терминологией из первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». В результате делается вывод, что, несмотря на различное использование понятий «смысл», «значение», «предмет» и др. в «Логических исследованиях» и первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», акт восприятия, по Гуссерлю, имеет такую же структуру, как и акт суждения: акт, данное, подразумеваемое. Именно эта сложная структура интенционального акта не позволяет причислить Гуссерля к сторонникам концепции чистой данности, поскольку данность предмета в опыте сознания обусловлена «подразумеваемым», которое уже присутствует в нашем сознании.

Ключевые слова: феноменология, Гуссерль, сознание, восприятие, суждение, интенциональность, смысл, значение, предмет.

Какую роль феноменология Гуссерля сыграла в философии XX века? Принято считать, что весьма важную и существенную. По крайней мере, без понятий интенциональности и жизненный мира (отчасти и редукции) нельзя представить современную философию. Но если мы решим содержательно остановиться на вкладе Гуссерля в мировую философскую мысль, то зафиксировать конкретные результаты не так уж просто. У понятий интенциональности и жизненного мира

множество толкований, нередко имеющих к Гуссерлю весьма отдаленное отношение.

Я предлагаю с легкой руки Н. И. Кузнецовой рассматривать феноменологию как проект, который несет в себе некоторые принципы исследования, оказавшиеся созвучными основным тенденциям XX в. Один из них – принцип интенциональности, являющийся особым способом описания структуры нашего опыта сознания, обеспечивающей контакт с окружающим миром.

Как известно, интенциональность как основное свойство сознания Гуссерль обстоятельно вводит и обсуждает в V исследовании [4, с. 315–461]. Однако уже в I исследовании «Выражение и значение» [4, с. 29–98] при рассмотрении логических выражений Гуссерль, специально не оговаривая введение понятия интенциональности, ведет речь о разного типа интенциональных актах: актах придания значения, актах осуществления значения, актах суждения и восприятия и т. д. Для нас важно подчеркнуть, что именно в I исследовании Гуссерль вводит сущностную структуру интенционального акта, которая присутствует в любом опыте сознания и на которой в той или иной степени основываются все феноменологические исследования Гуссерля.

Гуссерль исходит из рассмотрения логического выражения как языкового знака и применяет к нему семантические представления Фреге (треугольник Фреге) в варианте для собственных имен. Фреге выделяет у знака смысл и значение, которое в случае собственных имен совпадает с предметом. «Некоторый знак (слово, словосочетание или графический символ) мыслится не только в связи с обозначаемым, которое можно было бы назвать значением знака, но также и в связи с тем, что хотелось бы назвать смыслом знака, содержащим способ заданности [обозначаемого]. <...> Точно так же у выражений “Вечерняя звезда” и “Утренняя звезда” одно и то же значение, но не смысл» [6, с. 26], – пишет Фреге¹.

Однако Гуссерль, в отличие от Фреге, исходит не из знака, а из интенционального акта выражения суждения. Он различает: акт выражения (суждение), значение (смысл), предмет. Несмотря на несколько другую, чем у Фреге, терминологию (у Гуссерля смысл и значение являются синонимами, а предметом Гуссерль называет то, что у Фреге является значением), Гуссерль и Фреге различают в суждении «то, что говорится» и «то, о чем говорится». Важно обратить внимание, что, по Гуссерлю, целью акта суждения является выражение значения, но одновременно с этим «акт выражения значения (der Akt des Bedeutens) определенным способом подразумевает (meinen) соответствующий предмет»² [4, с. 50]. Бросая взгляд на творчество Фреге и Гуссерля с точки зрения «семантического треугольника», можно сказать, что для Фреге главный интерес представляла сфера значений, так называемый «универсум Фреге», в которую входят идеальные и реальный предметы, истинностные значения, пробеги значений функций и т. д.³ Тогда как для Гуссерля на первом месте в его исследованиях

¹ Мы здесь не рассматриваем «общие имена» и проблему их смысла.

² Пер. скорректирован мной. – А. А. Шиян.

³ Об универсуме Фреге см. [1, с. 449].

находилась идеальная область смыслов (значений), хотя сфера того, «о чем говорится», также не оставалась без внимания.

Однако у Гуссерля есть и другое, идущее от Brentano понимание интенциональности. Согласно ему, интенциональность – это свойство сознания быть сознанием о чем-то или быть направленным на что-то. «От сущности любого актуального *cogito* неотделимо то, что оно есть сознание чего-либо. <...> Поскольку же интенциональные переживания суть сознания чего-либо, говорится, что они с этим же “интенционально сопряжены” [3, с. 111], – пишет Гуссерль в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Именно это понимание интенциональности можно найти в учебниках по истории философии, и именно его чаще всего воспроизводят, определяя интенциональность.

В соответствии с этим пониманием интенциональности акт сознания имеет двойную структуру: акт и предмет, на который этот акт направлен. В случае восприятия, которое Гуссерль считал основным модусом сознания, это означает, что предмет нам может быть дан непосредственно, так как он сам есть. В этом Гуссерля можно причислить к сторонникам концепции «чистой данности», считающим, что существует опыт непосредственной данности предмета. В этом основатель феноменологии движется вполне в русле всех трех волн позитивизма, в котором чистый опыт играет основополагающую роль.

Для нас представляется важным разобраться, как соотносятся эти два понимания интенциональности. Для этого нужно ответить на следующие вопросы. Куда пропало различие предмета и значения (смысла) в понимании интенциональности как «сознания о ...»? Остается ли в тройственной структуре акта (акт – значение [смысл] – предмет) миф о чистой данности или же опыт предмета всегда опосредован значением? Как это нужно понимать?

Прежде, чем рассмотреть, как отвечает на эти вопросы Гуссерль, обратимся к творчеству К. Твардовского, который также был учеником Brentano и занимался исследованием структуры интенциональных актов. В своей работе «К учению о содержании и предмете представлений» [5] Твардовский рассматривал структуру интенционального акта представления, частным случаем которого является, согласно Твардовскому, восприятие. В акте представления Твардовский выделяет содержание и предмет. «Когда представляющий представляет предмет, он в это же время представляет и отнесенное к предмету содержание» [5, с. 54], – пишет Твардовский. Можно в какой-то степени согласиться с Твардовским, что в акте представления, например, когда мы вспоминаем увиденную вчера лошадь, мы посредством содержания представления как-то соотносимся с реальной лошадью. Но Твардовский настаивает на том, что не только содержание соотносится с предметом, но и сам акт представления направлен одновременно и на содержание, и на предмет, и при этом содержание выступает отображением предмета. Это означает, что содержание в таком же смысле является отображением лошади, в каком картина – отображением пейзажа. Но в нашем реальном опыте сложно

выделить эту двойную направленность интенционального акта в явном виде. Еще сложнее зафиксировать ее в акте восприятия, например, в восприятии той же лошади зафиксировать одновременно лошадь как предмет и лошадь как содержание. По-видимому, именно эти основания заставили Гуссерля выступить с критикой⁴ этой теории отражения Твардовского, в которой между предметом и сознанием появлялся посредник в виде содержания предмета. Гуссерль же настаивает, что в восприятии нам дан «сам предмет», без всяких посредников и образов. Решение Твардовского неприемлемо для Гуссерля и с точки зрения «тройственной» структуры интенционального акта, введенной в I исследовании [4, с. 29–98]. Значение в ней имеет идеальный объективный характер, тогда как у Твардовского содержание – это чисто субъективный продукт нашего сознания.

В отношении понимания интенциональности у Гуссерля мой тезис заключается в следующем. Понятие интенциональности, введенное Гуссерлем в I исследовании [4, с. 29–98] на примере акта суждения, является более фундаментальным и представляет собой новаторский для того времени ход. Здесь я не соглашаюсь с мнением К. Шумана, что теория ноззиса и нозмы не является развитием раннего понятия интенциональности [12, с. 48]. Да, это развитие не представляется очевидным и требует специального обоснования. Прежде чем к этому обоснованию приступить, хотелось бы заострить внимание на одном парадоксальном моменте. Речь идет о том, что Гуссерль считал восприятие базовым актом сознания, дающим доступ к «самой действительности», это можно понимать так, что восприятие непосредственно направленно на предмет. Где же здесь третий член в виде значения или смысла? Но прежде чем перейти к обсуждению того, что в акте восприятия выступает как данное, а что является подразумеваемым, сделаем еще несколько общих замечаний, касающихся пониманию восприятия у Гуссерля.

Как это парадоксально ни звучит, акт восприятия для Гуссерля является одной из вариаций акта суждения. Об этом Гуссерль прямо пишет в предисловии к «Опыту и суждению», в котором подчеркивает, что основной признак суждения – активность – присущ также (пусть и минимально) восприятию, и даже вводит понятие «допредикативного суждения» [8, с. 62]. Конечно, одного этого заявления явно недостаточно, чтобы считать гуссерлевское восприятие суждением. Нужно показать, как трактовка восприятия в качестве суждения сказывается на описании функционирования восприятия. Кроме того, в современном феноменологическом сообществе есть спекуляции на тему, что предисловие к «Опыту и суждению» написал Л. Ландгребе и что его заверения в аутентичности воспроизведения мысли Гуссерля могут быть ошибочными.

Для обоснования гуссерлевского понимания восприятия как суждения обратимся к финальному тезису V исследования [4, с. 315–461], что в основе всех актов сознания лежат объективирующие акты. Это утверждение Гуссерль выдвинул

⁴ См., например: [4, с. 51], [3, с. 288, 402].

и обосновал в противовес положению Brentano о том, что в основании всех актов сознания лежит представление. При этом Гуссерль молчаливо принимает Brentanовское понимание и представления, и суждения: в представлении нечто представляется (появляется в сознании), в суждении нечто признается или отвергается. Это означает, что суждение подразумевает некую субъективную активность по отношению к тому, что просто представляется [2, с. 24–26]. Объективирующие акты, согласно Гуссерлю, – это акты, допускающие противоположный бытийный статус [4, с. 446–449]. Например, акт восприятия стола имеет своей противоположностью акт, в котором этот стол полагается несуществующим или существующим сомнительно. Здесь Гуссерль неявно проводит мысль, что в основе сознания лежат акты, которые как-то бытийно полагают свой предмет. Эту же мысль в явном виде можно найти в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Рассматривая нозтико-ноэматические структуры на примере актов восприятия, Гуссерль утверждает, что любому акту восприятия присущ тетический момент, то есть в любом акте восприятия утверждается какой-либо бытийный модус в отношении его предмета: предмет может быть дан нам как просто существующий, как существующий в модусе вопроса, сомнения или в нейтральном модусе. Это означает, что в любом акте восприятия присутствует активное (идущее от субъекта) полагание бытийного статуса объекта, что, согласно Гуссерлю, равносильно тому, что восприятие является суждением. Получается, что Гуссерль несколько сужает свой ранний тезис об объективирующих актах. В основе сознания лежат не просто любые объективирующие акты, а только акты восприятия. Такое особое внимание к восприятию обосновано тем, что для Гуссерля только в восприятии может быть дан действительный предмет, то есть предмет как он есть «на самом деле». Но для нашей темы это не имеет значения. Наша задача – показать, где в акте восприятия может быть заложена структура акта суждения, описанная в I исследовании [4, с. 29–98]: то, что дано, и то, что подразумевается. Или, переформулируя эту задачу на гуссерлевском языке исследования суждения, нам нужно определить, что в случае восприятия выступает как значение (смысл), а что – как предмет.

Сначала обратимся к термину, который в I исследовании [4, с. 29–98] Гуссерль называет «предметом» в структуре суждения: «акт сознания – значение (смысл) – предмет». Предметом в акте суждения является то, о чем в нем говорится, что в нем подразумевается. В первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», рассматривая суждения, Гуссерль говорит обычно о предмете в смысле I исследования [4, с. 29–98] как о том, что в суждении подразумевается. «У каждого сознания – свое “что”, и каждое подразумевает свое предметное»⁵ [3, с. 406], – пишет Гуссерль в разделе «Разум и действительность» первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Однако, в целом, Гуссерль терминологически обращается с «предметом» весьма

⁵ Перевод скорректирован мной. – А. А. Шиян.

непоследовательно: «предметом» у него может называться любое «нечто», которое является объектом исследования. Так, различие между предметом и значением Гуссерль уже в I исследовании [4, с. 29–98] обозначает как различие между интендированным и данным предметами [4, с. 52]; предметом он иногда называет то, что по логике I исследования [4, с. 29–98] является, скорее, значением⁶; в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» предметами выступают переживания сознания и их нозмы [3, с. 316] и т. д. Неслучайно Метцгер – один из участников гуссерлевского «Ежегодника по феноменологической философии» – рассматривал феноменологию Гуссерля как учение о разных типах предметов [10, с. 613–770].

Необходимо обратить особое внимание на то, что подразумеваемое в суждении не является действительным (а для Гуссерля действительный – это материальный) предметом. То, что предмет подразумевается, означает для Гуссерля не что иное, как то, что его подразумевание есть переживание. Как подчеркивает К. Шуман, предмет как чисто подразумеваемое есть в действительности ничто [12, с. 66]. Хотя некоторые примеры, взятые Гуссерлем у Фреге, могут заставлять думать, что в случае структуры акта суждения (акт – значение – предмет) речь идет о действительном предмете: значение ‘победитель при Йене’ и ‘побежденный при Ватерлоу’ относятся к одному предмету – Наполеону. Но если вдуматься, то этот предмет (Наполеон) находится у нас в сознании, в конкретной действительной ситуации мы имеем дело либо с «победителем при Йене», либо с «побежденным при Ватерлоу».

Имея в виду это замечание, легко найти подразумеваемое («предмет» на языке I исследования) в акте восприятия. И это делает сам Гуссерль в четвертом разделе первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Воспринимая, например, яблоню (любимый пример Гуссерля) с разных позиций, в разные моменты времени, мы понимаем, что все данности яблони принадлежат к одной и той же яблоне, и даже если мы что-то не разглядели, мы компенсируем это, вписывая соответствующие детали в общее представление о яблоне, которое у нас есть. Это подразумеваемое, то, что мы имеем в виду в случае любого восприятия, Гуссерль называет «неким X», субъектом возможных предикаций [3, с. 226]. Оно является X вовсе не потому, что есть нечто «неизвестное», а потому, что оно является неопределенным и конкретизируется в процессе нашего опыта сознания. Откуда берутся в сознании эти подразумеваемые – отдельный вопрос, выходящий за пределы данной статьи. Коротко, бросая взгляд в целом на феноменологию Гуссерля, можно здесь лишь сказать, что они обусловлены нашим опытом, который, в свою очередь, имеет определенную сущностную структуру.

Теперь обратимся к тому, что дано в актах сознания, к значению (смыслу) в терминологии I исследования [4, с. 29–98]. Своеобразие «Логических исследований» состоит в том, что в них идет речь преимущественно о значениях как

⁶ «Мы осуществляем поворот от реального отношения актов к идеальному отношению их предметов или, скорее, содержаний» [4, с. 45].

об идеальных и всеобщих единствах (Гуссерль иногда их называет идеальными предметами), то есть как о неких «значениях-в-себе», на исследование которых и направлен его проект обоснования логики. Смысл же (значение) в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» является ядром нозмы, которая, в свою очередь, есть данность предмета сознанию, то есть содержательно смысл (значение) совпадает с предметом, взятым в феноменологической установке. Поскольку свой анализ сознания и его коррелятов Гуссерль проводит в основном на примере восприятия действительных материальных предметов, то смысл – это данность индивидуального предмета сознанию, которая фиксируется в феноменологической установке. Да, «смысл» в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», так же, как и «значение» в «Логических исследованиях», идеальны, но уровень обобщенности у них разный: значение является всеобщей сущностью, тогда как смысл – индивидуален. Это означает, что значение не может быть дано нам непосредственно, для его схватывания нужен специальный акт сущностной интуиции.

Хотя некоторые примеры Гуссерля заставляют усомниться, что в «Логических исследованиях» всегда речь идет об идеальных «значениях-в-себе». Так, если значение «равносторонний треугольник» может претендовать на всеобщность, то значение выражение «победитель при Йене» является, на первый взгляд, индивидуальным. Дело в том, что в I исследовании Гуссерль обращается в том числе и к языковым выражениям квази-повседневного языка, но и их значение не схватывается непосредственно сменой естественной установки на феноменологическую⁷. Чтобы понять значение высказывания, нужно совершить герменевтическое усилие, хотя бы для того, чтобы отделить психологические коннотации говорящего. Проблематика речевых значений выходит на первый в герменевтике Гадамера и в аналитической традиции исследования языка. Гуссерль же после «Логических исследований» оставляет в стороне концепцию языковой интенции и занимается исследованиями логических значений лишь с точки зрения их формально-синтаксических структур.

Как обращает внимание один из лучших современных феноменологов Р. Бернет в статье «Значение и интенциональное сознание. Гуссерлевское понятие феномена значения» [7, с. 31–64], Гуссерль в период с 1901 по 1913 гг., то есть от выхода «Логических исследований» до публикации первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», читает несколько циклов лекций, в которых вводит понятие эмпирического, или нозматического, значения, которое соотносится с индивидуальным предметом восприятия⁸. С учетом этого момента уже не кажется странным, что в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль отождествляет смысл

⁷ В этом мы согласны с В. Пальмой, хотя Гуссерль иногда и склоняется к тому, что значения выражения нам даны непосредственно как звуки, цвета и т. д. См. [11, с. 57].

⁸ См., например, [9].

как ядро нозмы (а нозма – предмет, взятый в рефлексивной установке) со значением. И если мы вслед за Гуссерлем всмотримся в нозму (то есть в смысл), то заметим, что она соотносится с предметом, который Гуссерль называет Х. Это означает, что структура интенционального логического акта сохраняется у Гуссерля и применительно к акту восприятия действительного предмета.

И тогда тот факт, что при рассмотрении нозтико-нозматических структур Гуссерль вводит «предмет» только в первой главе четвертого раздела первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», а до этого производит свои анализы исходя из «традиционного» понимания интенциональности как «сознания о ...», вполне объясним. Изначально анализ Гуссерля касается анализа нозтико-нозматических структур с точки зрения разных типов полагания: тетических актов, модусов сознания и т. д. А предмет как то, к чему отсылает содержательная стороны нозмы (то есть смысл), появляется позже, только в первой главе четвертого раздела, где идет речь о действительности. Это вполне соответствует утверждению Гуссерля из «Логических исследований», что значение – это способ подразумевания предмета.

Итак, мы показали, что «тройственная» структура интенционального акта, введенная Гуссерлем при исследовании актов суждения, сохраняется и в случае акта восприятия – базового акта сознания, согласно Гуссерлю. Причем эта структура принципиально отличается от структуры акта представления/восприятия у Твардовского: акт – содержание – предмет. Мы не согласны с теми исследователями, которые считают, что нозма с ее смыслом играет у Гуссерля роль посредника между предметом и сознанием, подобно тому, как у Твардовского содержание – посредник между актом сознания и предметом⁹. Такое мнение основано на том, что Гуссерль, исследуя структуру нозмы, не всегда акцентирует внимание на том, что он совершает рефлексии над реальным опытом сознания, хотя и подчеркивает, что в феноменологической установке исследуется то, что происходит в естественной установке. «Говоря образно, все заключенное в скобки отнюдь не стерто с доски феноменологии, – оно лишь заключено в скобки, и не более того, а это значит, снабжено определенным индексом. Но, снабженное индексом, оно остается главной темой научного исследования» [3, с. 226], – пишет Гуссерль. Но если этот момент не удерживать, то создается впечатление, что Гуссерль выстраивает некоторую объясняющую модель. Кроме того, сама гуссерлевская терминология может вводить в заблуждение: обыденное употребление слова «предмет» отсылает нас к действительному материальному предмету, и тогда нозму можно рассматривать как идеального посредника между сознанием и окружающим миром. Однако в феноменологической установке и то, и другое является идеальным, а «предмет» в гуссерлевском смысле и в естественной установке – идеален, так как он уже находится в сознании в качестве того, что подразумевается в опыте сознания и, в определенной степени, определяет данность

⁹ Например, [12, S. 73–73].

предмета. В ходе восприятия предмета это смутное подразумеваемое может конкретизироваться. Так понимаемая интенциональность разрушает миф о чистом опыте, который явно проступает, если интенциональность понимается как «сознание о...», либо «направленность на...».

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что анализ наследия Гуссерля с точки зрения «тройственного» понимания интенциональности (акт, данное и подразумеваемое) может внести вклад в актуализацию феноменологии в философском контексте XXI в.

Список литературы

1. Бирюков Б. В. Послесловие. В логическом мире Фреге / Готлиб Фреге Логика и логическая семантика. Сборник трудов. Пер. с немецкого Б. В. Бирюкова. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 443–509.
2. Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения / Франц Brentano Избранные работы. Пер. с нем. В. В. Анашвили. – М.: ДИК, 1996. – С. 11–91.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / Гуссерль Э. Пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Том II. Часть 1 / Гуссерль Э. Пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2011. – 565 с.
5. Твардовский К. К учению о содержании и структуре представлений. Психологическое исследование. Пер. с немецкого Я. Саноцкого / Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 38–159.
6. Фреге Г. Смысл и значение. Пер. с нем. В. А. Куренного / Готлиб Фреге: Избранные работы. – М.: ДИК, 1997. – С. 25–49.
7. Bernet R. Bedeutung und intentionales Bewusstsein. Husserls Begriff des Bedeutungsphänomens // Phänomenologische Forschungen. Studien zur Sprachphänomenologie. – 1979 – Bd. 8. – S. 31–64.
8. Husserl E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999. – 492 s.
9. Husserl E. Vorlesungen über Bedeutungslehre. Sommersemester 1908 // Husserliana 26. Herausgegeben von Ursula Panzer. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1987. – 269 S.
10. Metzger A. Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstand // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Hrsg. E. Husserl. – 1925 – 7. Band. – S. 613–770.
11. Palma V. Husserls phänomenologische Semiotik / Edmund Husserl. Logische Untersuchungen. Hrsg. Verena Mayer. – Berlin: Akademie Verlag, 2008. – S. 43–61.
12. Schumann K. Intentionalität und intentionaler Gegenstand beim frühen Husserl // Phänomenologische Forschungen. Perspektiven und Probleme der Husserlschen Phänomenologie. – 1991 – Bd. 24/25 – S. 46–74.

Shiyan A.A. The Intentional Act Structure as a Concious Experience Structure (to Explain the Concept of the Intentionality in Husserl's Phenomenology) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 60–69.

The focus of the article is the basic concepts of Husserl's phenomenology – intentionality, which Husserl identifies as the most basic property of consciousness. There are two different treatments of intentionality in Husserl's phenomenology. According to the first understanding presented in the 1st Logical investigations, the intentional act of judgment is the act of expression of meaning which relates to the subject. According to the second, introduced in the First Book of "Ideas to Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy", intentionality is the direction of consciousness toward an object, that is, the intentional act has not threefold structure as in the first case, but dual structure. The author expresses and substantiates the idea that the understanding of intentionality presented in the 1st Logical investigation is the important innovation of Husserl and lies at the base of Husserl's understanding of the experience of perception, which is the basic

mode of consciousness for him. This article relates to the terminology used by Husserl in the 1st Logical investigation and the first book "Ideas for a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy" to describe an intentional act. In the result it is concluded that the act of perception by Husserl has the same structure as the act of judgment (the act, given and implied) in spite of the different use of concepts "sense", "meaning", "subject" etc. in the "Logical investigations" and the first book "Ideas for a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy". It is this complex structure of intentional act does not allow to classify Husserl to the supporters of the concept of pure reality, since the reality of the object in the experience of consciousness is due to "implied", which is already present in our minds.

Key words: phenomenology, Husserl, consciousness, perception, judgment, intentionality, meaning, sense, subject.

References

1. Biryukov B. V. Posleslovie. V logicheskom mire Frege [Afterword. In the logical world of Frege] / Gotlib Frege Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov. Perevod s nemetskogo B. V. Biryukova. [Logic and logical semantics. The collection of works. Translated from the German] – Moskva: Aspekt Press, 2000. – P. 443–509
2. Brentano F. Psikhologiya s empiricheskoi tochki zreniya [Psychology from an empirical standpoint] / Frants Brentano Izbrannye raboty. Perevod s nemetskogo V.V. Anashvili [Selected works. Translated from the German]. – M.: DIK, 1996. – P. 11–91.
3. Gusserl E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kn. Pervaya [Ideas to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. KN. First] / Gusserl E. Per. s nem. A. V. Mikhailova [Translated from the German] – M.: Akademicheskii proekt, 2009. – 489 P.
4. Gusserl E. Logicheskie issledovaniya. Tom II. Chast 1 [Logical investigations. Vol. II. Part 1] / Gusserl E. Per. s nem. V. I. Molchanova [Translated from the German]. – M.: Akademicheskii proekt, 2011. – 565 P.
5. Tvardovskii K. K ucheniyu o sodержanii i strukture predstavlenii. Psikhologicheskoe issledovanie. Per. s nemetskogo Ya. Sanotskogo [To the teaching of the content and structure of representations. Psychological Investigation. Translated from the German] / Tvardovskii K. Logiko-filosofskie i psikhologicheskie issledovaniya [Logical-philosophical and psychological Investigations] – M.: ROSSPEN, 1997. – P. 38–159.
6. Frege G. Smysl i znachenie. Per. s nem. V. A. Kurennoego [On Sense and Reference. Translated from the German] / Gotlib Frege Izbrannye raboty. [Selected Works] – M.: DIK, 1997. – P. 25–49.
7. Bernet R. Bedeutung und intentionales Bewusstsein. Husserls Begriff des Bedeutungsphänomens // Phänomenologische Forschungen. Studien zur Sprachphänomenologie. – 1979 – Bd. 8. – S. 31–64.
8. Husserl E. Erfahrung und Urteil / E. Husserl; Red. u. hrsg. von L. Landgrebe. – Hamburg: Meiner, 1999. – 492 s.
9. Husserl E. Vorlesungen über Bedeutungslehre. Sommersemester 1908 // Husserliana 26. Herausgegeben von Ursula Panzer. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1987. – 269 S.
10. Metzger A. Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstand // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Hrsg. E. Husserl. – 1925 – 7. Band. – S. 613–770.
11. Palma V. Husserls phänomenologische Semiotik / Edmund Husserl. Logische Untersuchungen. Hrsg. Verena Mayer. – Berlin: Akademie Verlag, 2008. – S. 43–61.
12. Schumann K. Intentionalität und intentionaler Gegenstand beim frühen Huserl // Phänomenologische Forschungen. Perspektiven und Probleme der Husserischen Phänomenologie. – 1991 – Bd. 24/25 – S. 46–74.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 2. С. 70–80.

УДК 32.019.5

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ПРОПАГАНДИСТСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОСНОВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Марецкая Н. А., Халанская Л. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: maretska.n@gmail.com (Марецкая Н. А.)

E-mail: larazbritskaya@gmail.com (Халанская Л. Г.)

В статье рассматриваются дипломатические и пропагандистские внешнеполитические стереотипы, проводится их сравнительное исследование. Выявляется, что пропагандистский стереотип чаще всего создается на основе непроверенной информации, которая носит эмоциональный, а не рациональный характер. Напротив, дипломатический стереотип основывается на секретной информации. Второстепенные факторы имеют большее значение для дипломатического имиджа, чем для пропагандистского. Дипломатический имидж может искажать действительность не меньше, чем пропагандистский. Чаще всего дипломатические и пропагандистские стереотипы не совпадают друг с другом, а также полностью или частично не совпадают с действительностью. Но несмотря на все имеющиеся различия, каждый из этих стереотипов является неотъемлемой частью внешнеполитического имиджа страны. Они работают в любой международной системе, рационально и эмоционально формируя те образы государств, которые в дальнейшем используются как населением самих государств, так и мировой общественностью для определения дальнейших стратегий формирования имиджа, а также принятия политических решений, определяющих реальную политику государств на международной арене.

Ключевые слова: стереотип, имидж, внешняя политика.

Не секрет, что в современном мире политика государств по отношению друг к другу определяется не только комплексом взаимных договоренностей и реальных действий, но и совокупностью представлений этих государств друг о друге, а также мнений мировой общественности о каждом из них. Этот комплекс взаимных представлений и мнений является одновременно и продуктом целенаправленной деятельности, и совокупностью традиционно сложившихся в государствах современного мира правил и норм политической деятельности.

Независимо от истоков основой этого комплекса мнений зачастую выступают стереотипы как наиболее простые и при этом устойчивые формы человеческого мышления. Их преимуществом над другими формами сознания людей является тот

факт, что стереотипы легко становятся массовыми – и именно через них становится возможна оценка таких сложных и опосредованных для человеческого восприятия явлений, как процессы внешней политики государств.

Очевидно, что благодаря стереотипам каждое современное государство обладает такой «информационной надстройкой», как внешнеполитический имидж. Для его комплексного анализа и стоит остановиться на рассмотрении внешнеполитических стереотипов, независимо от того, какой природой они обладают: рациональной (дипломатические стереотипы) или эмоциональной (пропагандистские стереотипы).

Рассмотрение этих двух категорий стереотипов (дипломатических и пропагандистских) и является **целью данной работы**.

Задачи, которые можно определить для достижения поставленной цели:

- кратко охарактеризовать два типа внешнеполитических стереотипов: дипломатический и пропагандистский;
- дать их сравнительную характеристику;
- охарактеризовать внешнеполитический имидж страны, исходя из типов рассмотренных стереотипов.

Объектом статьи являются коммуникативные аспекты международных отношений, а **предметом** – внешнеполитический имидж, через определение стереотипов, лежащих в его основе. Теоретико-методологическую основу статьи составляют работы зарубежных и отечественных авторов, рассматривавших проблему стереотипов и внешнеполитического имиджа страны. Исследование материалов с помощью общеполитических методов анализа, синтеза, сравнения, а также использование мониторинга материалов СМИ позволило рассмотреть выбранные концепты и сформировать выводы, которые в дальнейшем смогут стать основой прикладной работы над проблемой формирования внешнеполитического имиджа страны.

«Классик» и пионер исследования стереотипов У. Липпман дает им достаточно пространное определение. Он рассматривает их как «предвзятые мнения», которые управляют процессом восприятия мира, создавая широкий спектр представлений: «от истинного индекса до неопределенной аналогии» [1, с. 31]. Отечественные исследователи Казанцев А. А. и Меркушев В. Н. несколько конкретизируют это представление и говорят, что стереотип – «это стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное» представление о целой категории однородных явлений или объектов [2, с. 14].

Использование стереотипов для объяснения как внутривнутриполитических, так и международных процессов является неизбежным. Как пишет известный политический психолог Д. В. Ольшанский, «Законы массовой коммуникации требуют усредненно-обобщенного, стереотипизированного общения: сам акт трансляции, например, некой политической идеи на массовое сознание возможен только в форме определенных стереотипов. Процесс тиражирования социально-политической информации, имеющий целью вызвать в сознании и политическом поведении людей сколько-нибудь однородную, стереотипную реакцию, возможен только посредством использования информационных стереотипов, вызывающих, в

свою очередь, соответствующие психологические и поведенческие стереотипы у реципиентов» [3, с. 140].

При таком понимании становится очевидным, что внешнеполитические стереотипы являются основным компонентом любой пропаганды. Государства посредством медиа конструируют и поддерживают как внешнеполитические стереотипы о своей стране, так и стереотипы о других контрагентах международной политики. Выстраиваемая государствами система внешнеполитических стереотипов является многоуровневой и многокомпонентной. В ней стереотип выстраивается посредством символов, которые были бы понятны не только создающей стороне, но и другим политическим субъектам. Это система не является преднамеренной, а идет из самой природы стереотипа. У. Липпман объясняет это с помощью выделения одной из функций стереотипа, функции упрощения. «Необученный наблюдатель вычленил из внешнего мира те знаки, которые он может распознать. Знаки являются символами идей, а идеи исполняют роль имеющейся у нас в запасе системы образов. Это связано с экономией усилий. Ведь попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и способы обобщения, утомительна, а если вы очень заняты, то она практически обречена на провал» [1, с. 103].

При этом в международной политике упрощение коммуникации происходит не всегда, а в том случае, когда необходимо договариваться об общих интересах, изменении их смысла или о том, что данные действия не должны восприниматься как знак [4, с. 56]. Однако если международная политическая деятельность государства идет в разрез с заявлениями и дипломатическими актами, то, безусловно, это означает, что на его знаки нельзя полагаться и, соответственно, нельзя предвидеть его дальнейшее поведение, в связи с чем такое государство теряет доверие других.

Международные союзные договоры также могут служить примером формирования внешнеполитического имиджа. Заключение союза между государствами способно усилить или ослабить позиции в глазах других международных акторов, а также изменить геополитическую обстановку: «Ответные действия заинтересованных государств могут расшатать или даже ликвидировать заключенный союз, но могут наоборот, привести к его упрочнению» [5, С. 59].

Из всего выказанного возникает понимание того факта, что внешнеполитические стереотипы можно разделить как минимум на две большие группы: дипломатические стереотипы и пропагандистские. Каждый из них играет определенную роль в политических процессах и занимает свое место в структуре внешнеполитического имиджа государства.

Говоря о дипломатических стереотипах, отечественный исследователь Л. А. Зак отмечает, что их комплекс формирует представление любого правительства обо всей системе международных отношений и вероятных тенденциях ее развития, более того, тем самым оказывает непосредственное воздействие на выработку внешнеполитических доктрин, стратегий и тактик. Дипломатический стереотип системы международных отношений оказывает обратное воздействие на внешнеполитические стереотипы отдельных стран. Когда же внешнеполитический

стереотип отражает не реальность, а лишь тенденциозные реакционные концепции, его обратное воздействие оказывает деформирующее влияние, которое чаще всего искажает дипломатический стереотип отдельных стран [5, с. 92].

При этом можно отметить, что существуют официальный (пропагандистский) и неофициальный стереотипы. Как отмечает Д. В. Ольшанский, «важным источником формирования стереотипа является целенаправленная деятельность средств массовой информации и политической пропаганды» [3, с. 72]. Бывают случаи, когда подается знак, который ухудшает официальный дипломатический стереотип страны, однако в то же время он может улучшить неофициальный стереотип.

Л. А. Зак выделяет подлинные и мнимые дипломатические стереотипы:

– подлинный стереотип – действительное представление правительства страны А о политике страны Б;

– мнимый стереотип – это то представление, которое будто бы сложилось у правительства страны А о политике страны Б, основанное на публичных и дипломатических заявлениях.

Данные виды стереотипов могут в некоторых случаях как совпадать, так и расходиться, частично или полностью. Так, стране А может быть выгодно создавать впечатление у общественности других стран, будто бы стереотип правительства страны Б отличается от настоящего стереотипа, который сложился в действительности. Правительство страны А может распространять информацию, что дипломатический стереотип страны Б включает представление о наличии у него агрессивных намерений, что может не входить в содержание подлинного дипломатического стереотипа.

Следует отметить, что при создании дипломатического имиджа государства, помимо военных, экономических, культурных, особую роль играют идеологические факторы. Для создания дипломатического имиджа политические акторы должны достаточно тесно взаимодействовать с традиционными и новыми медиа, зачастую они являются собственниками и направляют деятельность СМИ для создания пропагандистского стереотипа (осуществляют контроль за организацией государственной пропаганды).

У. Липпман считает такую информационную деятельность очень важной, так как, по его мнению, «уже не остается никаких сомнений в том, что постоянное информирование публики о ненаблюдаемой среде вполне возможно. Подобное информирование обычно ведется на низком уровне, но сам факт его существования подтверждает возможность его осуществления, а его низкий уровень показывает, что оно может осуществляться лучше. С разной степенью умения и честности информация об отдаленных проблемах каждый день доносится отдельными журналистами – до отдельных читателей. Это самые предварительные, но в то же время радикальные начинания, гораздо более радикальные, чем повторяющиеся войны, революции, отречения от престола и реставрации монархии» [1, с. 250].

При этом Л. А. Зак отмечает, что проведение информационных кампаний одной страны против другой имеет нередко прямое отношение не только и даже не столько к пропагандистскому, сколько к дипломатическому стереотипу. Не всегда

целью такой кампании ставится воздействие на общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Чаще всего цель кампании – повлиять на дипломатический имидж этой страны в других государствах [5, с. 105–106]. Традиционные и новые медиа являются важным источником информации о внешнеполитических событиях не только для населения, но и для самих политических деятелей, которые в силу обстоятельств также вынуждены полагаться на информацию общего и конкретного порядка, которая поступает к ним из медиа. Более того, на основе данной информации политические акторы могут принимать те или иные внешнеполитические решения [5, с. 111].

Основываясь на результатах опросов, проведенных в разных странах, исследователи пришли к выводу о том, что интерес к внешней политике возрастает во время возникновения кризисных ситуаций и падает с их разрешением. И когда интерес к внешней политике возрастает, лидер мнения может оказывать влияние на менее информированную и активную часть населения. Одним из примеров такого интереса может служить показатель внимания россиян к событиям на Украине до и после кризиса 2014 года. Так, согласно данным Левада-центра, максимальным этот интерес был в марте, июне, августе 2014 года, а к концу 2016 года он стал минимальным. Общую динамику легко проследить на представленном службой графике [6].

Рис.1. Динамика внимания россиян к украинским событиям по данным Левада-центра.

Конечно же, современный человек все больше противится идеологическому принуждению со стороны правящей элиты и не всегда, но в ряде случаев может

отличить объективную информацию от продуктов пропагандистской машины. В связи с этим не все пропагандистские утверждения можно навязать массам. Более того, «часто руководители СМИ, учитывая некоторую неподатливость масс к некоторым тезисам реакционной пропаганды, вынуждены видоизменять их или даже вовсе исключать из содержания “психологической войны”, чтобы избежать дискредитации своей пропагандистской машины» [5, с. 120–121]. Кроме того, некоторые элементы, вошедшие в пропагандистский имидж, но негативно оценивающиеся политической элитой, должны учитываться ими как существующая реальность [5, с. 121].

Известный зарубежный психолог Ф. Зимбардо по этому поводу пишет: «Эффективность коммуникатора возрастает, если он сначала выражает мнения, соответствующие взглядам аудитории. Представляйте одну сторону аргумента, если аудитория в общем дружелюбна. Представляйте обе стороны аргумента, если аудитория уже не согласна с вами или есть вероятность, что аудитория услышит противоположное суждение от кого-нибудь еще» [7, с. 35].

Характеризуя пропагандистские стереотипы, отечественные исследователи отмечают их бинарность: создаваемые основными СМИ и существующие в сознании большинства населения, вопреки воздействию СМИ. Соотношение между этими стереотипами и есть проблема эффективности пропагандистской машины [5, с. 121]. Стоит также отметить, что каждый человек в зависимости от уровня образования, доходов, принадлежности к тому или иному классу по-разному реагирует на пропагандистскую информацию: он может полностью ее усвоить или, напротив, категорически не принять.

Очевидно, что стереотипы, создаваемые как медиа, так и общественностью, оказывают влияние друг на друга. Более того, они могут оказывать воздействие на внешнюю политику государства. Безусловно, ряд исследователей отмечает, что на пропагандистские стереотипы оказывает влияние действительность, под воздействием которой разрушаются созданные пропагандистские мифы и, напротив, усиливаются те элементы имиджа, которые соответствуют объективной реальности международных отношений [5; 8].

Проводя сравнение между дипломатическим и пропагандистским имиджами, стоит отметить, что Л. А. Зак в своей монографии «Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы» разводит эти понятия [5]. По его мнению, основное различие заключается в том, что дипломатический имидж создается правящими кругами для себя, а пропагандистский создается для народа посредством СМИ. Он отмечает, что пропаганда западных стран формирует задачу не только сформировать стереотип, но и побудить к определенным действиям.

Пропагандистский имидж государства А в государстве Б возникает в первую очередь в результате воздействия СМИ самой страны Б, а потом уже страны А и прочих акторов международной политики [5, с. 127]. В качестве примера можно привести Евромайдан 2013 года и произошедшие после события в Крыму и на Востоке Украины, а также их освещение в украинских медиа. В них Российская Федерация позиционировалась как агрессор, оккупант, оперирующая искаженной информацией о происходящих событиях в Украине. Россия якобы хочет установить

свое влияние на всей территории страны, уничтожить украинское государство. В свою очередь, в российских медиа был сформирован образ Украины как националистического государства, жители которого не приемлют все русское, почитают С. Бандеру и хотели бы, чтобы Российская Федерация исчезла с политической карты мира. Таким образом, украинские СМИ создали образ «Россия – враг и агрессор», а образы, возникшие в медиа России в отношении Украины, были скорее реакцией, чем изначальной государственной установкой.

В свою очередь, дипломатический имидж государства А в государстве Б формируется в результате действий государства А, которое навязывает интерпретацию своих действий и их оценку другими странами. Здесь можно в качестве примера привести дипломатический имидж западных стран (в частности США и Германии), который сформировался у украинцев (как и прочих сторонников евроинтеграции), а именно: западные страны способствуют развитию демократии во всех развивающихся странах, они готовы помочь Украине в ее экономическом и политическом развитии, помимо этого, они готовы противостоять «агрессивным» действиям России по отношению к Украине и другим странам. При всей готовности украинцев принять подобный имидж очевидно, что изначально формировался он извне и является одной из устойчивых стереотипных форм «западного мышления».

Еще в 1922 году американец У. Липпман писал по этому поводу: «Нам недостаточно сказать, что мы более справедливы, чем наш враг, что наша победа над врагом будет больше способствовать развитию демократии, чем победа врага над нами. Нам нужно подчеркнуть, что наша победа положит конец войне навсегда и подготовит весь мир к наступлению демократии. А когда, окончив войну, мы сталкиваемся с гораздо меньшим злом, чем то, над которым мы одержали победу, относительность результата уходит на задний план, а абсолютность настоящего зла овладевает нашим духом, и мы чувствуем свою беспомощность, потому что не оказались абсолютно непобедимыми. Маятник качается между всемогуществом и бессилием. Реальное время, реальное пространство, реальные цифры, реальные связи, реальный вес и объем утрачиваются. Перспектива, основа и параметры действия сжимаются и застывают в стереотипе» [1]. В приведенном примере все воплощается в стереотипе демократии и благополучия.

Зачастую расхождение дипломатического и пропагандистского имиджа очевидно. Пропагандистский стереотип чаще всего создается на основе непроверенной информации, которая носит скорее эмоциональный, чем рациональный характер. Напротив, дипломатический стереотип основывается на секретной информации. Дипломатический и пропагандистский стереотипы могут присутствовать в имидже в разном соотношении. Чаще всего они не совпадают друг с другом и полностью или частично не совпадают с действительностью.

Еще одно различие между рассматриваемыми стереотипами заключается в том, что второстепенные факторы имеют большее значение для дипломатического имиджа, чем для пропагандистского, и, соответственно, дипломатический имидж может искажать действительность не меньше (порой и больше), чем пропагандистский. Но вопреки имеющимся различиям каждый из этих видов стереотипа является неотъемлемой частью внешнеполитического имиджа страны.

Кратко характеризуя виды внешнеполитического имиджа, можно говорить о двух наиболее часто встречающихся:

– государство-агрессор/государство-спаситель (сильное государство) – в данном случае в качестве примера мы можем привести Россию, которую западные страны рассматривают как агрессора, а крымчане как спасителя, миротворца;

– государство-жертва (слабое государство) – здесь в качестве примера можно привести Украину, которая сформировала как внутри страны, так и за ее пределами образ жертвы и слабого государства, которое неспособно решить внутривнутриполитические проблемы самостоятельно, без привлечения внешних сил.

Говоря об образе сильного государства, стоит упомянуть известного американского политолога Г. Спраута, который предложил следующую классификацию различных видов внешнеполитической активности [5, с. 141]:

- 1) дипломатические переговоры;
- 2) публичные заявления о внешней политике;
- 3) другие формы связи с общественностью по внешнеполитическим проблемам;
- 4) экономическая и техническая мощь;
- 5) психологическая война;
- 6) экономическая война;
- 7) ограниченное применение насилия – саботаж и военные силы;
- 8) неограниченное применение насилия – всемирная война.

Очевидно, что все эти виды внешнеполитической активности способны сильно повлиять на внешнеполитический имидж государства. Помимо них, на дипломатический имидж также могут оказывать влияние такие действия, как угрозы, обращения, дипломатические признания или непризнания, заключения договоров и прочие. Высказывания государственных лидеров можно рассматривать как знак, оказывающий непосредственное или опосредованное воздействие на дипломатический или пропагандистский стереотипы.

Государство может изменить свой дипломатический стереотип в другой стране посредством разных методов. Однако, изменения дипломатического стереотипа страны А в стране Б может привести к изменению внешнеполитического курса страны Б. И если для страны Б возникнет угроза от страны А, то это может привести к сближению страны Б с противниками страны А. Зак Л. А. отмечает, что чаще всего страна А пытается деформировать дипломатический стереотип страны Б в третьих странах посредством искажения и дискредитации установленной идеологии в стране Б [5].

Многие государства способны распространять и поддерживать разные дипломатические имиджи для разных адресатов. Например, для Запада Украина сформировала образ беззащитной страны, которая сопротивляется российской угрозе, отстаивая свою независимость и целостность. А в России ее имидж представляет собой образ слабого враждебного националистического государства, действиями которого руководят западные страны. Истоком такой двойственности можно считать политику многовекторности, изначально провозглашенную экс-президентом Украины Кучмой Л. Д., которая в итоге сформировала два разных имиджа на Западе и на Востоке: желание Украины вступить в ЕС и в то же время

тесно сотрудничать с Российской Федерацией. Позже (во время правления В. А. Ющенко и В. Ф. Януковича) во внешнеполитической доктрине Украины был задекларирован курс на ассоциацию с ЕС и вступление Украины в НАТО, однако политические лидеры Украины продолжали «обещать» тесное экономическое сотрудничество с Россией.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что, поскольку в основу внешнеполитического имиджа государства заложены стереотипы, все же нельзя рассматривать понятия внешнеполитического имиджа и внешнеполитического (дипломатического и пропагандистского) стереотипа как тождественные, поскольку понятие внешнеполитического имиджа шире. Внешнеполитический имидж включает в себя: стереотип, сложившийся внутри страны, стереотип, имеющийся у других государств о данной стране; военные, экономические (природные ресурсы, промышленный потенциал, уровень благосостояния народа), географические, культурные (национальные традиции), исторические и политические показатели страны. Ядро внешнеполитического имиджа – стереотипы, которые также включают в себя как объективную, так и субъективную (заведомо искаженную) информацию об экономических, политических, социальных, военных и пр. показателях страны.

В формировании внешнеполитического стереотипа немаловажную роль играют «новые» и «старые медиа», ведь «если люди определяют ситуацию как реальную, она является реальной по своим последствиям» [5, с. 218]. В связи с этим в мире происходит постоянная борьба стереотипов, которая выражается в желании одной страны навязать свой стереотип другим государствам.

Также на внешнеполитический стереотип оказывают влияние устные выступления политических лидеров, причем следует отметить, что важен как контент сообщения, так и интонация лидера.

Дипломатический имидж, или внешнеполитический стереотип, нередко способен влиять на принятие политических решений. Сформированное специально в дипломатическом имидже ошибочное представление о стране может оказать такое же влияние на принятие политических решений, как и реальное событие. В качестве примера по формированию необъективного, искаженного мнения можно привести позицию украинской власти по вопросу референдума в Крыму в 2014 г., которая основывалась на следующих высказываниях: крымчан заставляли идти голосовать под дулами автоматов; желание присоединить Крым к России – это желание меньшинства крымчан; большая часть жителей бойкотировала референдум и т. д. В соответствии с этими представлениями в западных странах был сформирован стереотип «оккупированного Крыма», что повлекло за собой множество политических решений, направленных против Российской Федерации, наиболее известным из которых стал режим санкций. Таким образом, в очередной раз стереотипы и имидж повлияли на реальные события и реальную политику государств.

Подводя итог, отметим, что внешнеполитический имидж государства является комплексным и достаточно сложным образованием. Одной из его основ выступает внешнеполитический стереотип, который, в свою очередь, можно разделить на две

большие группы: стереотипы дипломатические и пропагандистские. Эти виды стереотипов работают в любой международной системе, рационально и эмоционально формируя те образы государств, которые в дальнейшем используются как населением самих государств, так и мировой общественностью для определения дальнейших стратегий формирования имиджа, а также принятия политических решений, определяющих реальную политику государств на международной арене.

Список литературы

1. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
2. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. – 2008. – № 2. – С. 1–19.
3. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
4. Черных А. И. Медиа и демократия / А. И. Черных. – М.; СПб.: Университетская книга, 2011. – 272 с.
5. Зак Л. А. Западная дипломатия и внешне-политические стереотипы / Л. А. Зак. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 287 с.
6. Россияне перестали интересоваться тем, что происходит в Украине URL: <https://inforesist.org/rossiyane-perestali-interesovatsya-tem-chto-proishodit-v-ukraine/> (Дата обращения: 15.07.2017).
7. Кара-Мурза Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 864 с.
8. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований / Г. Г. Почепцов. Серия: Образовательная библиотека. Изд.: Рефл-бук, 2001. – 576 с.
9. Вайнштейн Г. И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации [Электронный ресурс]. «Неприкосновенный запас». – 2007. – № 1 (51). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/va3.html> / (Дата обращения: 17.06.2017).
10. Водолагин А. А. Интернет-СМИ как арена политической борьбы / А. А. Водолагин // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 49–67.
11. Кастельс М. Информационная эпоха, экономика, общество и культура / М. Кастельс: пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, – 2000. – 608 с.
12. Кондратенко Г. М. Об особенностях стереотипизации / Г. М. Кондратенко. – М.: Вестник МГУ, 1966. – № 1. – С. 112–113.
13. Шихирев П. Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке / П. Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – № 5. – С. 168–175.
14. Ядов В. А. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии / В. А. Ядов // Философские науки. – 1960. – № 2. – С. 98–100.

Maretskaya N.A., Halanskaya L.G. The Diplomatic and Propagandist Stereotypes as the Basis of the Foreign Image of the State // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 70–80.

The article considers such foreign policy stereotypes as diplomatic and propagandistic, their comparative study is conducted. It is revealed that the propaganda stereotype is most often created on the basis of unverified information, which is emotional rather than rational. On the contrary, the diplomatic stereotype is based on secret information. Secondary factors are more important for the diplomatic image than for the propaganda, and, accordingly, the diplomatic image can distort reality no less than propaganda. Most often diplomatic and propaganda stereotypes do not coincide with each other, and also completely or partially do not coincide with reality. But, despite all the differences, each of these stereotypes is an integral part of the country's foreign policy image. They work in any international system, rationally and emotionally forming those images of states that are subsequently used by the population of the states themselves and by the world

community to determine the further strategies of image formation, as well as the adoption of political decisions that determine the real policy of states in the international arena.

Key words: stereotype, image, foreign policy.

References

1. Lippman W. Obshchestvennoe mnenie [Public opinion] / W. Lippman. Moscow, Institute of the Foundation "Public Opinion", 2004, 384 p.
2. Kazantsev A.A., Merkushev V.N. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya «myagkoi sily» [Russia and the Post-Soviet Space: the Prospects for Using the "Soft Power"]. Policy, 2008, №2, p. 1–19.
3. Olshansky D.V. Osnovy politicheskoi psikhologii [The Foundations of Political Psychology]. Ekaterinburg, Business book, 2001, 496 p.
4. Chernykh A.I. Media i demokratiya [Media and Democracy]. Moscow, St. Petersburg, University Book, 2011, 272 p.
5. Zak L.A. Zapadnaya diplomatiya i vneshne-politicheskie stereotipy [Western Diplomacy and Foreign Policy Stereotypes]. Moscow, Intern. Relations, 1976, 287 p.
6. Rossiyanе perestali interesovat'sya tem, chto proiskhodit v Ukraine [Russians Have Ceased to be Interested in What is Happening in Ukraine]. URL: <https://inforesist.org/rossiyane-perestali-interesovatsya-tem-chto-proiskhodit-v-ukraine/> (Accessed: 15.07.2017)
7. Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem [Manipulation by Consciousness]. Moscow, 2005, 864 p.
8. Pocheptsov G.G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy [Information Warfare. The Fundamentals of Military - Communicative Research]. Series: Educational Library. Publishing house: Refl-beech, 2001, 576 p.
9. Vainshtein G.I. Rossiya glazami Zapada: stereotipy vospriyatiya i real'nosti interpretatsii [Russia Through the Eyes of the West: Stereotypes of Perception and Reality of Interpretation]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/va3.html> (Accessed: 17.06.2017)
10. Vodolagin A.A. Internet-SMI kak arena politicheskoi bor'by [Internet Media as an Arena of Political Struggle]. Social Sciences and Modernity, 2002, № 1, P. 49–67.
11. Castells M. Informatsionnaya epokha, ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age, Economics, Society and Culture]. Moscow, State University Higher School of Economics, 2000, 608 p.
12. Kondratenko G.M. Ob osobennostyakh stereotipizatsii [On the Peculiarities of Stereotyping]. Vestnik MSU, 1966, No. 1, P. 112–113.
13. Shikhirev P.N. Issledovaniya stereotipa v amerikanskoj sotsial'noi nauke [Research of a Stereotype in the American Social Science]. Questions of philosophy, 1971, No. 5, P. 168–175.
14. Yadov V.A. K voprosu o teorii «stereotipizatsii» v sotsiologii [On the Question of the Theory of "Stereotyping" in Sociology]. Philosophical Sciences, 1960, No. 2, P. 98–100.

УДК 327.8

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Онопко О. В., Загородний В. В.

Донбасская юридическая академия, г. Донецк, ДНР

E-mail: onopko.oleg@gmail.com (Онопко О. В.)

E-mail: valeryzagorodniy@gmail.com (Загородний В. В.)

В статье раскрыты особенности организации систем внешних сношений, концептуально-политического и конституционно-правового регулирования внешней политики Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Приднестровской Молдавской Республики, Нагорно-Карабахской Республики, Донецкой и Луганской Народных Республик. Обнаружено, что уровень развития институциональных оснований внешней политики в данных государствах существенно различается. Сделано обоснованное предположение, что это вызвано осознанием отдельными национальными политическими элитами невозможности международного признания. Де-факто государства развивают свою нормативно-правовую базу в сфере внешних сношений исходя из сложившейся ситуации. Также длительные сроки по признанию суверенитета подталкивают их к развитию собственных концепций в сфере налаживания взаимоотношений не только с Россией – главной силой в регионе, но и с иными непризнанными государствами, а также государствами – членами ООН. Выявлено, что главным институтом принятия внешнеполитических решений в постсоветских непризнанных и частично признанных государствах является институт президента (главы республики). В статье также обоснована острая необходимость разработки концепций, доктрин и стратегий внешней политики, которые бы закрепили принципы внешнеполитической деятельности, ее идеологию и механизмы.

Ключевые слова: внешняя политика, непризнанные государства, де-факто государства, политические институты, постсоветское пространство.

В 1933 г. с подписанием Конвенции Монтевидео были установлены критерии, которым должны соответствовать государства, чтобы считаться признанными субъектами международного права. К ним относятся наличие постоянного населения, определенной территории и правительства, а также способность вступать в сношения с другими государствами [1]. Последний критерий зачастую несправедливо воспринимается как несущественный. Вместе с тем именно способность на институциональном уровне вести внешнюю политику окончательно закрепляет то, что де-факто государство обладает субъектностью в международной среде.

Распад Советского Союза и геополитические процессы, последовавшие за ним, привели к появлению на политической карте мира ряда т. н. де-факто

государств [2], непризнанных (в отдельных случаях – признанных частично) мировым сообществом. Республики Абхазия и Южная Осетия, Приднестровская Молдавская и Нагорно-Карабахская, а также Донецкая и Луганская Народные Республики обладают всеми признаками государственности, содержащимися в Конвенции Монтевидео, в т. ч. осуществляют внешнеполитическую деятельность.

Внешняя политика непризнанных и частично признанных государств – одна из наименее изученных тем в современной российской и постсоветской политической науке. Для нее характерны:

- высокая степень междисциплинарности – на стыке истории, экономики, международного права, политологии, теории международных отношений, геополитики;

- «объектный» подход, рассматривающий внешнюю политику де-факто государств не как самостоятельное явление, а сквозь призму влияния на нее признанных субъектов международных отношений – Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии, России, Украины (работы С. Вострикова [3], Т. Далявской [4], А. Девяткова [5], Н. Добронравина [6], А. Дудник [7], В. Литвиненко [8], Т. Мансурова [9], М. Махалкиной [10] и др.);

- популярность метода case study, при котором основное внимание уделяется внешнеполитическим курсам конкретных государств (исследования Н. Бабилунги [11], М. Засеева [12], С. Осиповой [13], С. Петровой [14], Н. Штански [15] и др.).

Принимая это во внимание, авторы преследовали цель – выявить институциональные особенности формирования внешней политики непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства.

Выбор объекта (внешняя политика постсоветских де-факто государств) и предмета (ее институциональные основания) исследования обусловили авторскую методологию, представляющую собой синтез компаративистики и классического политического институционализма. Исходя из принципа максимальной схожести избранных для сравнения де-факто государств (подобные условия возникновения, политические системы и режимы), авторы акцентировали внимание на институциональной сфере их внешней политики. Будучи целенаправленной деятельностью государства в сфере мировой политики и международных отношений, внешняя политика напрямую зависит от политических институтов, которые определяющим образом влияют на формулирование, защиту и реализацию национальных интересов, внешнеполитическое целеполагание, идеологию, образ действий и курс государства. Говоря об институциональных основаниях внешней политики де-факто государств, авторы предлагают рассматривать, прежде всего, классические политические институты: политические установления (совокупность принципов и норм) и политические образования/учреждения [16].

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ БАЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Де-факто государства вынуждены интенсивно развивать свои внешнеполитические доктрины, а также каналы внешних сношений, особенно с признанными субъектами международных отношений. Контакты с ними – выход на новый уровень мировой политики, требующий принятия оптимальных по всем параметрам внешнеполитических решений, которые должны соответствовать интересам де-факто государств на международной арене и одновременно удовлетворять ключевые политические силы в них [17]. Данный консенсус находит свое отражение в концепциях внешней политики и в конституционном праве, определяющем:

1) основные институты, ответственные за выработку, принятие и реализацию внешнеполитических решений;

2) цели и принципы осуществления внешней политики.

В Республике Абхазия внешнеполитическая деятельность органов государственной власти опирается на Конституцию [18] и закон «О международных договорах Республики Абхазия» [19]. Так, статья 3 Конституции закрепляет, что «Абхазия – субъект международного права – вступает в договорные отношения с другими государствами. Порядок заключения, опубликования, ратификации и денонсации международных договоров устанавливается законом» [18]. В статье 53 Конституции закреплены полномочия президента в сфере внешней политики: «обеспечение исполнения международных обязательств; определение основных направлений внутренней и внешней политики; официальное представление государства в международных делах; право подписи межгосударственных договоров; назначение и отзыв дипломатических представителей в иностранных государствах и международных организациях» [18]. Преамбула закона «О международных договорах Республики Абхазия» дублирует норму ст. 3 Конституции и утверждает, что «Абхазия как субъект международного права вступает в договорные отношения с другими государствами» [18]. Также отмечается, что «международные договоры – существенный элемент стабильности международного правопорядка и отношений Республики Абхазия с зарубежными странами, функционирование правового государства» [19].

На сегодняшний день нет формально закрепленной концепции внешней политики Республики Абхазии. Несмотря на это, руководство де-факто государства периодически подчеркивает, что его «внешняя политика направлена на обеспечение суверенитета страны и безопасности граждан, развитие отношений и связей с субъектами мировой политики, укрепление мира и стабильности в регионе», а главным внешнеполитическим вектором является «укрепление стратегического партнерства с Россией» [20].

В Республике Южная Осетия внешняя политика также конституционно урегулирована. В главе I Конституции, посвященной конституционному строю, содержатся принципы, на основании которых должна осуществляться внешнеполитическая деятельность: «стремление к всеобщему и справедливому миру; взаимовыгодное сотрудничество; вхождение в системы коллективной

безопасности; членство в международных организациях и иных объединениях, а также общепризнанные принципы и нормы международного права; международные договоры Республики Южная Осетия являются основой отношений с другими государствами» [21]. Права и обязанности главы государства перечислены в главе III Конституции «Президент Республики Южная Осетия». Вместе с основными полномочиями главы государства Конституция определяет его полномочия в сфере международно-правовых отношений. В ч. 3 и 4 ст. 47 Конституции установлено, что «определять основные направления внутренней и внешней политики государства» прерогатива именно президента [21]. Президент осуществляет представительскую функцию как внутри страны, так и в международных отношениях. Статья 50 Конституции закрепляет несколько его прав в сфере внешней политики: п. 1 – на осуществление общего руководства внешней и внутренней политикой; п. 19 – обращаться к народу и парламенту с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внешней и внутренней политики государства, а п. 20 предоставляет право на ведение переговоров и подписание межгосударственных и международных договоров и соглашений [21].

Регулирующим внешнеполитическую деятельность, порядок заключения, ратификации, выполнения и прекращения международных договоров является закон «О международных договорах Республики Южная Осетия» [22]. Как отмечает В. Гогичев, «югоосетинское сообщество полностью сконцентрировалось на себе самом» [23]. Законодательно внешняя политика республики не развивается, что может стать возможностью для нивелирования уже имеющихся внешнеполитических достижений.

В Нагорно-Карабахской Республике (Республике Арцах) Конституция и законы достаточно подробно регламентируют внешнеполитическую деятельность. В соответствии с диспозицией статьи 12 Конституции «внешняя политика осуществляется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» [24]. Пункты 11 и 12 статьи 68 Конституции перечисляют среди иных полномочий президента республики, функции в сфере внешней политики государства, как то: «представлять Нагорно-Карабахскую Республику в международных отношениях, осуществлять общее руководство внешней политикой, подписывать международные договоры, представлять международные договоры Национальному Собранию на ратификацию и подписывать их ратификационные грамоты, утверждать, приостанавливать или прекращать международные договоры, не требующие ратификации; назначать и отзывать дипломатических представителей НКР в иностранных государствах и при международных организациях; принимать верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей иностранных государств и международных организаций» [24]. К законам, составляющим конституционно-правовые механизмы в сфере внешних сношений, относятся: «О дипломатической службе» [25] и «О консульской службе» [26].

Внешнеполитическая деятельность нашла свое закрепление в Программе Президента Республики Арцах на 2017–2020 гг. в п. 2 «Внешняя политика и оборона» [27]. Согласно Программе, «приоритетными направлениями внешней

политики являются вопросы международного признания независимости Республики Арцах и мирного урегулирования азербайджано-карабахского конфликта», а также «обеспечение поступательного развития дружественных отношений и сотрудничества между различными зарубежными странами посредством децентрализованного взаимодействия, что позволит реализовать разнообразные программы в сферах культуры, образования, спорта, торговли и местного самоуправления» [27]. Также в ней рассматривается перспектива проведения последовательной работы по обеспечению вовлеченности НКР в международные и региональные процессы, в частности через информационную политику и использование действующих и новых информационных ресурсов.

Руководящие принципы осуществления внешней политики Приднестровской Молдавской Республики закреплены в статье 10 Конституции этого новейшего государства и включают в себя: суверенное равенство государств, неприменение силы, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела других государств [28]. В пункте «д» ч. 1 ст. 56 Конституции ПМР говорится, что «функции, направленные на осуществление внешнеполитической деятельности, реализуются через создаваемые в установленном Конституцией и законодательством порядке органы государственной власти и управления, а также государственных должностных лиц» [28]. В ч. 3 и 4 ст. 59 Основного закона устанавливается, что президент ПМР как главное должностное лицо «представляет республику внутри страны и в международных отношениях, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» [28]. Часть 6 ст. 63 Конституции в перечне основных внешнеполитических полномочий также указывает, что президент не только осуществляет руководство внешней политикой, но и «ведет переговоры и подписывает международные договоры, подписывает ратификационные грамоты, принимает верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей» [28]. Пункт «н» ч. 1 ст. 66 Конституции возлагает на главу исполнительной ветви власти «назначение и отзыв после консультаций с соответствующими комитетами и комиссиями Верховного Совета дипломатических представителей ПМР в иностранных государствах и международных организациях» [28].

Вопросы внешней политики в ПМР рассматриваются не только сквозь призму Конституции, но и через подзаконные акты. С принятием указа президента «О некоторых вопросах реорганизации исполнительных органов Государственной власти Приднестровской Молдавской Республики, в ведении которых находятся вопросы внешней политики в связи с формированием Кабинета министров» [29] было реформатировано МИД, обозначена общая стратегия внешней политики ПМР. Последующее принятие указа президента «О координирующей роли Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики в проведении единой внешней политики ПМР» [30] закрепило принятую стратегию.

Основным нормативно-правовым актом, закрепившим содержание, приоритеты, цели и задачи, основные направления внешней политики ПМР, механизмы ее осуществления, стал указ президента ПМР «Об утверждении Концепции внешней политики Приднестровской Молдавской Республики» [31]. В

документе были учтены последние тенденции, принципы и нормы международного права, а также прецеденты по признанию новых государств, выстроены цели и задачи как по политическому признанию и вступлению в ООН, так и по участию в международных экономических союзах, внешнеэкономическая деятельность, защита, укрепление экономической и информационной безопасности. Указ президента ПМР утверждает, что «важным направлением внешнеполитической деятельности Приднестровской Молдавской Республики является реализация информационной политики государства, направленной на доведение до международной общественности актуальной информации о текущих процессах и тенденциях в Республике, а также обеспечение информационной безопасности государства в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова» [31].

С провозглашением независимости Донецкая и Луганская Народные Республики заявили о себе как о новых суверенных государствах, воспользовавшись правом народа на самоопределение. Отсутствие международного признания вносит свои коррективы в осуществление и развитие отношений ДЛНР с другими государствами. В настоящее время внешнеполитическая деятельность ДЛНР и их государственных органов регулируется конституциями республик и подзаконными актами. При этом институциональные основания внешней политики в ДНР значительно шире, чем в ЛНР, поскольку вплоть до конца 2017 года в последней в рамках выполнения Минских соглашений ведения внешней политики не предполагалось.

В соответствии с главой 4 Конституции ДНР, а также положениями ст. 56 «Глава республики является высшим должностным лицом и главой исполнительной власти» [32]. В приоритет его деятельности на посту первого должностного лица входит «определение основных направлений развития ДНР» [32]. В части внешней политики государства, в соответствии с ч. 4 ст. 56 Конституции, «Глава ДНР представляет Донецкую Народную Республику в отношениях с иностранными государствами, при этом он вправе подписывать международные договоры от имени Донецкой Народной Республики» [32].

Диспозиция п. 1 ч. 1 ст. 59 Конституции ДНР предусматривает, что «Глава ДНР обеспечивает соблюдение прав и свобод человека, Конституции и законов Донецкой Народной Республики, ее международных обязательств» [32]. Исходя из содержания п. 8 ч. 1 ст. 70 и ст. 73 Конституции, глава ДНР вправе не только подписывать международные договоры от имени государства, но и расторгать их.

Закон ДНР «О международных договорах» [33] определяет порядок заключения, ратификации, выполнения и прекращения международных договоров. Согласно ст. 4 данного закона, «международные договоры республики наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы» [33]. Статья 1 положения «О Министерстве иностранных дел ДНР» закрепляет, что МИД является «государственным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений ДНР» [34]. Также в этой статье

указано, что руководство деятельностью МИД ДНР осуществляет глава республики, таким образом, за ним закрепляется право определять внешнюю политику государства и ее реализацию. Основными задачами МИД являются: «разработка общей стратегии внешней политики; реализация внешнеполитического курса; обеспечение дипломатических и консульских отношений ДНР с иностранными государствами, сношений с международными организациями; обеспечение дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты суверенитета, безопасности, территориальной целостности ДНР; координация международной деятельности других государственных органов исполнительной власти и др.» [34].

Авторы убеждены, что для укрепления институциональных оснований внешней политики в современных условиях непризнанным и частично признанным государствам постсоветского пространства необходимо совершенствование национального права. В первую очередь, речь идет о конституционном законодательстве и конституционно-правовых механизмах в сфере внешних сношений. Острой потребностью является совершенствование системы институтов государственной власти, а также нормативное закрепление принципов и концепций внешней политики, исходя из опыта частично признанных и непризнанных государств, ведущих активную внешнеполитическую деятельность (ПМР, НКР).

ИНСТИТУТЫ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ

Эффективное осуществление внешней политики не представляется возможным без наличия в государстве системы профильных политических институтов и вспомогательных учреждений.

Государственные органы внешних сношений являются основным компонентом данной системы. Они представляют собой «действующие на территории страны и за ее пределами специальные органы, представляющие государства в их официальных отношениях с другими государствами и иными субъектами международного права и обеспечивающие выполнение их внешнеполитических целей мирными, предусмотренными международным правом средствами, с целью защиты прав и законных интересов данного государства, а также его организаций и граждан, находящихся за рубежом» [35, с. 100]. В непризнанных и частично признанных государствах внешнеполитические органы выполняют не только свои прямые, но и символическую функцию. При этом отдельные элементы проводимой ими как внутри, так и за пределами государства политики могут быть отнесены к разряду символических эрзац-акций, создающих «правдоподобную для глаз видимость именно тех политических действий, которые власть не может или не хочет производить» [36], например, добиваться международного признания.

Подробный анализ структуры и деятельности органов внешних сношений Абхазии, Южной Осетии и ПМР был проведен украинской ученой А. Шелест. Она акцентировала внимание на приоритете российского вектора во внешней политике этих государств и отсутствии делегирования внешнеполитических полномочий странам, неформально им покровительствующим [37].

МИД ДНР с 2015 г. имеет устойчивую структуру, соответствующую главным направлениям работы данного органа власти.

За рубежом органами внешних сношений ДНР являются представительские центры в Греции, Италии, России, Финляндии, Франции и Чехии. Их основная задача – популяризация республики в указанных странах посредством акций публичной дипломатии. Организационная особенность центров – специфический юридический статус: будучи, с точки зрения ДНР, структурными подразделениями МИД, в государствах пребывания они имеют статус неправительственных организаций.

Отдельными элементами системы внешних сношений в ДНР являются специальные негосударственные структуры. В частности, к ним относятся Интеграционный комитет «Россия – Донбасс» и «Русский центр».

В ЛНР внешнеполитическое ведомство было организовано в сентябре 2017 г., а до этого, по словам бывшего руководителя республики И. Плотницкого, «его функции выполняли профсоюзы, администрация главы ЛНР, а также уполномоченные лица» [38]. На сегодняшний день в публичном доступе крайне мало информации о деятельности луганского МИД. В то же время нельзя говорить о том, что таковая не ведется, в частности 7 февраля 2018 г. ЛНР и Южная Осетия подписали соглашение о сотрудничестве. Как отметил министр иностранных дел ЛНР В. Дейнего, данный документ – это «серьезный толчок для развития отношений между республиками во всех абсолютно сферах: культурной, образовательной, практически во всех плоскостях жизни республик» [39].

С учетом того, что ДЛНР существуют на политической карте мира 4 года, их внешнеполитические институты не так развиты, как в других непризнанных и частично признанных государствах постсоветского пространства. При этом ДНР по интенсивности формирования и работы системы органов внешних сношений значительно опережает ЛНР.

Для новейших государств наличие собственных внешнеполитических ведомств и зарубежных представительств атрибут и важный фактор сохранения собственной независимости. Способность напрямую контактировать с другими субъектами мирового политического процесса определяющим образом влияет на легитимность и имидж государств, их безопасность, экономический, культурный и оборонный потенциал, а потому дальнейшее развитие системы органов внешних сношений представляется неизбежным.

Анализ институциональных оснований внешней политики непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства позволяет сделать следующие выводы:

- постсоветские де-факто государства обладают достаточной нормативно-правовой базой для формирования и реализации своей внешней политики. С помощью как международного, так и национального – конституционного – права они регулируют основные принципы внешнеполитической деятельности;
- президентская форма правления обуславливает ключевую роль института главы государства в процессе разработки, принятия и реализации решений в сфере внешней политики;
- уровень развития институциональных оснований внешней политики отличается в каждом из де-факто государств. В ПМР и НКР он значительно выше,

что может быть объяснено осознанием их политической элитой безальтернативности дальнейшего существования в состоянии непризнанных государств. В Абхазии и Южной Осетии органы внешних сношений и система нормативного регулирования внешней политики находятся в законсервированном состоянии. Динамично развиваются внешнеполитические институты в ДНР и ЛНР;

– все постсоветские де-факто государства обладают зарубежными органами внешних сношений;

– за исключением ПМР, де-факто государства не имеют концепций или доктрин внешней политики, что существенно влияет на их возможности эффективно участвовать в мировом политическом процессе. Актуальной является разработка подобных документов, которые бы закрепили принципы внешнеполитической деятельности. Позитивно повлиять на внешнюю политику постсоветских непризнанных и частично признанных государств может разработка стратегий следования международному праву, программ развития органов внешних сношений, стратегий создания условий по развитию внешнеэкономических связей. Развитие конституционного законодательства, концепций и стратегий внешних сношений позволит де-факто государствам быть более прозрачными и «понятными» для других субъектов мировой политики.

Список литературы

1. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (Дата обращения: 15.02.2018).
2. Маркедонов С. Государства de facto. URL: <https://www.apn.ru/publications/article10896.htm> (Дата обращения: 15.02.2018).
3. Востриков С. В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 3. – С. 73–86.
4. Далявська Т. П. Феномен невизнаних держав: політологічний аналіз. – Киев: НПУ ім. М. Драгоманова, 2016. – 230 с.
5. Девятков А. В. Республика Молдова в контексте внешней энергетической политики Европейского союза // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2017. – № 1. – С. 166–192.
6. Добронравин Н. А. Новые регионы и внешняя политика непризнанных государств // *Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: Ежегодный альманах/ ред. В. С. Ягья*. – 2011. – Вып. 5. – С. 62–71.
7. Дудник А. Нагорно-Карабахский вопрос во внешней политике Украины (1992–2012 гг.) // *Кавказ и глобализация*. – 2014. – Т. 8., Выпуск 1–2. – С. 40–64.
8. Литвиненко В. Вопросы институционального становления государственности квазигосударств // *Власть*. – 2009. – № 10. – С. 119–122.
9. Мансуров Т. З. Теоретико-методологические подходы к проблеме региональной идентичности в политической науке // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. – 2011. – Т. 153., Кн 1. – С. 181–190.
10. Махалкина М. А. Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье во внешней политике России (1991–2008 гг.). Дисс...канд. истор. наук. – Краснодар, 2015. – 257 с.
11. Бабилунга Н. В. Государственность Приднестровья: история и современность. – Тирасполь: Полиграфист, 2007. – 362 с.
12. Засеев М. Проблемы соотношения внешней и внутренней политики Республики Южная Осетия // *Вестник Владикавказского научного центра*. – 2010. – Т. 10, № 3. – С. 56–57.

13. Осипова С. А. Непризнанные государства постсоветского пространства: политические предпосылки возникновения и перспективы развития // Актуальні проблеми політики. – 2014. – Вип. 51. – С. 177–185.
14. Петрова С. В. Внешняя политика непризнанных государств (на примере Республики Абхазия) // Вестник СГУТиКД. – 2011. – № 2 (16). – С. 233–235.
15. Штански Н. В. Проблемы урегулирования конфликта в Приднестровье/Молдове: международные аспекты: дис ... канд. полит. Наук. – М., 2012. – 211 с.
16. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 146–186.
17. Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 25–37.
18. Конституция Республики Абхазия. URL: <https://goo.gl/uUyvJx> (Дата обращения: 15.02.2018).
19. Закон Республики Абхазия «О международных договорах Республики Абхазия». URL: <https://goo.gl/TTRHdy> (Дата обращения: 15.02.2018).
20. Внешняя политика Абхазии направлена на обеспечение суверенитета страны – Александр Анкваб. URL: <https://regnum.ru/news/1608664.html> (Дата обращения: 15.02.2018).
21. Конституция Республики Южная Осетия. URL: <http://www.parliamentso.org/node/13> (Дата обращения: 15.02.2018).
22. Закон Республики Южная Осетия «О Международных договорах Республики Южная Осетия». URL: <http://www.parliamentso.org/node/88> (Дата обращения: 15.02.2018).
23. Гогичев В. Внешняя политика Южной Осетии и югоосетинские НПО. URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/4058-vneshnyaya-politika-yuzhnoj-osetii-i-yugoosetinskie-npo> (Дата обращения: 15.02.2018).
24. Конституция Нагорно-Карабахской Республики. URL: <http://gov.nkr.am/ru/nkr-constitution> (Дата обращения: 15.02.2018).
25. Закон Нагорно-Карабахской Республики «О дипломатической службе». URL: <http://www.nankr.am/ru/549> (Дата обращения: 15.02.2018).
26. Закон Нагорно-Карабахской Республики «О консульской службе». URL: <http://www.nankr.am/ru/826> (Дата обращения: 15.02.2018).
27. Программа Президента Республики Арцах на 2017–2020 годы. URL: <http://www.president.nkr.am/media/documents/constitution/PresidProgramm2017-2020Rus.pdf> (Дата обращения: 15.02.2018).
28. Конституция Приднестровской Молдавской Республики. URL: <http://www.vspmr.org/legislation/constitution> (Дата обращения: 15.02.2018).
29. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 03.08.2000 г. №258. URL: <https://pravopmr.ru/View.aspx?id=gtw11MgcKHsPByVJ3zrWWw%3D%3D> (Дата обращения: 15.02.2018).
30. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 709.2012 г. №589. URL: <http://mfapmr.org/ru/Shr> (Дата обращения: 15.02.2018).
31. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 20.11.2012 г. №766. URL: <http://pravopmr.ru/View.aspx?id=gSzeONndkmsbeoCDwG50Cg%3D%3D> (Дата обращения: 15.02.2018).
32. Конституция Донецкой Народной Республики. URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (Дата обращения: 15.02.2018).
33. Закон Донецкой Народной республики «О международных договорах». URL: <http://www.mid-dnr.ru/ru/pages/docs/zakon-o-mezhdunarodnyh-dogovorah-doneckoj-narodnoj-respubliki-0124/> (Дата обращения: 15.02.2018).
34. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 1–32 «Об утверждении Положения и структуры Министерства иностранных дел Донецкой Народной Республики» от 10.01.2015 г. URL: <http://www.mid-dnr.ru/media/uploads/-no1-32.pdf> (Дата обращения: 15.02.2018).
35. Гулиев А. Д. Международно-правовой контекст внешних сношений в условиях глобализации: монография. – Киев: Изд.-во Нац. авиац. ун-та «НАУ-друку», 2011. – 464 с.
36. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–74.

37. Shelest H. Foreign Policy Particularities of the De Facto States in the Black Sea Region. URL: https://www.academia.edu/20037627/Foreign_Policy_Particularities_of_the_De_Facto_States_in_the_Black_Sea_Region (Дата обращения: 15.02.2018).
38. Плотницкий создал МИД ЛНР специально под Минский процесс. URL: <https://regnum.ru/news/2325653.html> (Дата обращения: 15.02.2018).
39. Соглашение о сотрудничестве станет толчком в развитии отношений ЛНР и Южной Осетии – МИД ЛНР. URL: <http://lug-info.com/news/one/soglashenie-o-sotrudnichestve-stanet-tolchkom-v-razvitiiotnoshenii-lnr-i-yuzhnoi-osetii-mid-lnr-32265> (Дата обращения: 15.02.2018).

Onopko O. V., Zagorodniy V. V. Foreign Policy of the Unrecognized and Partially Recognized States of the Post-Soviet Area: Institutional Foundations // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 81–93.

The article reveals the features of the organization of external relations systems, the conceptual, political and constitutional legal regulation of the foreign policy of the Republic of Abkhazia, the Republic of South Ossetia, the Pridnestrovian Moldavian Republic, the Nagorno-Karabakh Republic, the Donetsk and Lugansk People's Republics. It was found that the level of development of the foreign policy's institutional foundations is significantly different in these states. It was made a reasonable assumption that this is a result of the position of particular national political elites supposing that international recognition of their states is impossible. In current situation, unrecognized and partially recognized republics need to develop their legal and regulatory foundations in the sphere of external relations. Also, long terms for recognizing of the post-Soviet de facto states encourage them to develop their own concepts in the area of establishing relations not only with Russia, main power in the region, but also with other unrecognized states, as well as UN member states. It also was revealed that the institute of the president (the head of the republic) is main for making foreign policy decisions in the post-Soviet unrecognized and partially recognized states. The article substantiates the acute need to develop concepts, doctrines and foreign policy strategies that would consolidate the principles of foreign policy activity, its ideology and mechanisms.

Key words: foreign policy, unrecognized states, de-facto states, political institutes, post-Soviet area.

References

1. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (Accessed: 15 February 2018).
2. Markedonov S. Gosudarstva de facto [De-Facto States]. URL: <https://www.apn.ru/publications/article10896.htm> (Accessed: 15 February 2018).
3. Vostrikov S. V. Karabahskiy krizis i politika Rossii na Kavkaze [The Karabakh Crisis and the Russia's Policy in the Caucasus]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1999, no. 3, pp. 73–86.
4. Dalyavska T. P. Fenomen neviznannih derzhav: politologicheskii analiz [The Phenomenon of Unrecognized States: Political Analysis], Kiev, National Pedagogical Dragomanov University, 2016, 230 p.
5. Devyatkov A. V. Respublika Moldova v kontekste vneshney energeticheskoy politiki Evropeyskogo soyuza [The Republic of Moldova in the Context of the Foreign Policy of the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics], 2017, no. 1, pp. 166–192.
6. Dobronravin N. A. Novyye regiony i vneshnyaya politika nepriznannykh gosudarstv [The New Regions and the Foreign Policy of the Unrecognized States]. *Aktualnyye problemy mirovoy politiki v XXI veke: Ezhegodnyy almanakh* [Actual Problems of World Politics in the 21st Century: Annual Almanac], 2011, no. 5, pp. 62–71.

7. Dudnik A. Nagorno-Karabakhskiy vopros vo vneshney politike Ukrainy (1992–2012 gg.) [The Nagorno-Karabakh Issue in the Foreign Policy of Ukraine (1992–2012)]. *Kavkaz i globalizatsiya* [Caucasus and Globalization], 2014, Vol. 8., no. 1–2, pp. 40–64.
8. Litvinenko V. Voprosy institutsionalnogo stanovleniya gosudarstvennosti kvazigosudarstv [Issues of Institutional Formation of the Statehood of Quasi-States]. *Vlast* [Power], 2009, no. 10, pp. 119–122.
9. Mansurov T. Z. Teoretiko-metodologicheskoe podhody k probleme regionalnoy identichnosti v politicheskoy nauke [Theoretical and Methodological Approaches to the Problem of Regional Identity in Political Science]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki* [Scientific Notes of Kazan University], 2011, Vol. 153, Book 1, pp. 181–190.
10. Mahalkina M.A. Abkhaziya, Yuzhnaya Osetiya i Pridnestrovo vo vneshney politike Rossii (1991–2008 gg.) [Abkhazia, South Ossetia and Transnistria in the Foreign Policy of Russia (1991–2008)]. Candidate's thesis, Krasnodar, 257 p.
11. Babilunga N.V. Gosudarstvennost Pridnestrovyia: istoriya i sovremennost [Statehood of Transnistria: History and Modernity], Tiraspol, Poligrafist [Polygraphist], 2007, 362 p.
12. Zaseev M. Problemy sootnosheniya vneshney i vnutrenney politiki Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Problems of Correlation of Foreign and Domestic Policy of the Republic of South Ossetia]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center], 2010, vol. 10, no. 3, pp. 56–57.
13. Osipova S. A. Nepriznannyye gosudarstva postsovetского prostranstva: politicheskie predposylki vozniknoveniya i perspektivy razvitiya [Unrecognized States of the Post-Soviet Area: Political Prerequisites for the Emergence and Prospects for Development]. *Aktualni problemi politiki* [Actual Problems of Politics], 2014, no. 51, pp. 177–185.
14. Petrova S. V. Vneshnyaya politika nepriznannykh gosudarstv (na primere Respubliki Abkhaziya) [The Foreign Policy of Unrecognized States (on the Example of the Republic of Abkhazia)]. *Vestnik SGUTiKD* [Bulletin of Sochi State University of Tourism and Resorts], 2011, no. 2 (16), pp. 233–235.
15. Shtanski N.V. Problemy uregulirovaniya konflikta v Pridnestrovo/Moldove: mezhdunarodnyie aspekty [Problems of Conflict Settlement in Transnistria / Moldova: International Aspects]. Candidate's thesis, Moscow, 211 p.
16. Patrushev S. V. Instituttsionalizm v politicheskoi nauke: etapy, techeniya, idei, problemy [Institutionalism in Political Science: Stages, Trends, Ideas, Problems]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2001, no. 2, pp. 146–186.
17. Batalov E. Ya. «Novyi mirovoi poryadok»: k metodologii analiza ["The New World Order": to the Methodology of Analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2003, no. 5, pp. 25–37.
18. Konstitutsiya Respubliki Abkhaziya [The Constitution of the Republic of Abkhazia]. URL: <https://goo.gl/uUyvJx> (Accessed: 15 February 2018).
19. Zakon Respubliki Abkhaziya «O mezhdunarodnykh dogovorakh Respubliki Abkhaziya» [Law of the Republic of Abkhazia "On International Treaties of the Republic of Abkhazia"]. URL: <https://goo.gl/TTRHdy> (Accessed: 15 February 2018).
20. Vneshnyaya politika Abkhazii napravlena na obespechenie suvereniteta strany – Aleksandr Ankva [Foreign Policy of Abkhazia is Aimed at Securing the Sovereignty of the Country – Aleksandr Ankva]. URL: <https://regnum.ru/news/1608664.html> (Accessed: 15 February 2018).
21. Konstitutsiya Respubliki Yuzhnaya Osetiya [The Constitution of the Republic of South Ossetia]. URL: <http://www.parliamentso.org/node/13> (Accessed: 15 February 2018).
22. Zakon Respubliki Yuzhnaya Osetiya «O Mezhdunarodnykh dogovorakh Respubliki Yuzhnaya Osetiya» [Law of the Republic of South Ossetia "On International Treaties of the Republic of South Ossetia"]. URL: <http://www.parliamentso.org/node/88> (Accessed: 15 February 2018).
23. Gogichev V. Vneshnyaya politika Yuzhnoi Osetii i yugoosetinskie NPO [Foreign Policy of South Ossetia and South Ossetian NGOs]. URL: <http://ugo-osetia.ru/index.php/society/item/4058-vneshnyaya-politika-yuzhnoj-osetii-i-yugoosetinskie-npo> (Accessed: 15 February 2018).
24. Konstitutsiya Nagorno-Karabakhskoi Respubliki [The Constitution of the Nagorno-Karabakh Republic]. URL: <http://gov.nkr.am/ru/nkr-constitution> (Accessed: 15 February 2018).
25. Zakon Nagorno-Karabakhskoi Respubliki «O diplomaticheskoi sluzhbe» [Law of the Nagorno-Karabakh Republic "On the Diplomatic Service"]. URL: <http://www.nankr.am/ru/549> (Accessed: 15 February 2018).

26. Zakon Nagorno-Karabakhskoi Respubliki «O konsul'skoi sluzhbe» [Law of the Nagorno-Karabakh Republic "On Consular Service"]. URL: <http://www.nankr.am/ru/826> (Accessed: 15 February 2018).
27. Programma Prezidenta Respubliki Artsakh na 2017 – 2020 gody [Program of the President of the Republic of Artsakh for 2017–2020]. URL: <http://www.president.nkr.am/media/documents/constitution/PresidProgramm2017-2020Rus.pdf> (Accessed: 15 February 2018).
28. Konstitutsiya Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki [The Constitution of Transnistria]. URL: <http://www.vspmr.org/legislation/constitution> (Accessed: 15 February 2018).
29. Ukaz Prezidenta Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki ot 03.08.2000 g. №258 [Decree of the President of Transnistria Dated 03.08.2000 No. 258]. URL: <https://pravopmr.ru/View.aspx?id=gtw11MgcKHsPByVJ3zrWWw%3D%3D> (Accessed: 15 February 2018).
30. Ukaz Prezidenta Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki ot 709.2012 g. №589 [Decree of the President of Transnistria Dated 07.09.2012 №589]. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/Shr> (Accessed: 15 February 2018).
31. Ukaz Prezidenta Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki ot 20.11.2012 g. №766 [Decree of the President of Transnistria Dated 20.11.2012 №766]. URL: <http://pravopmr.ru/View.aspx?id=gSzeONndkmsbeoCDwG50Cg%3D%3D> (Accessed: 15 February 2018).
32. Konstitutsiya Donetskoi Narodnoi Respubliki [The Constitution of the Donetsk People's Republic]. URL: <http://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/konstitutsiya/> (Accessed: 15 February 2018).
33. Zakon Donetskoi Narodnoi respubliki «O mezhdunarodnykh dogovorakh» [Law of the Donetsk People's Republic "On International Treaties"]. URL: <http://www.mid-dnr.ru/ru/pages/docs/zakon-o-mezhdunarodnykh-dogovorah-doneckoj-narodnoj-respubliki-0124/> (Accessed: 15 February 2018).
34. Postanovlenie Soveta Ministrov Donetskoi Narodnoi Respubliki № 1–32 «Ob utverzhdenii Polozheniya i struktury Ministerstva inostrannykh del Donetskoi Narodnoi Respubliki» ot 10.01.2015 g. [Resolution of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic No. 1–32 "On the Approval of the Regulations and Structure of the Ministry of Foreign Affairs of the Donetsk People's Republic" Dated 10.01.2015]. URL: <http://www.mid-dnr.ru/media/uploads/-no1-32.pdf> (Accessed: 15 February 2018).
35. Guliev A. D. Mezhdunarodno-pravovoi kontekst vneshnikh snoshenii v usloviyakh globalizatsii: monografiya [International Legal Context of External Relations in the Conditions of Globalization: Monograph], Kiev, National aviation university Publ. «NAU–druk», 2011, 464 p.
36. Potseluev S. P. Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatii dlya podkhoda k problem [Symbolic Policy: Constellation of Concepts for Approach to the Problem]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies], 1999, no.5, pp. 62–74.
37. Shelest H. Foreign Policy Particularities of the De Facto States in the Black Sea Region. URL: https://www.academia.edu/20037627/Foreign_Policy_Particularities_of_the_De_Facto_States_in_the_Black_Sea_Region (Accessed: 15 February 2018).
38. Plotnitskii sozdal MID LNR spetsial'no pod Minskii protsess [Plotnitskii created the MFA of the LNR Specifically for the Minsk Process]. URL: <https://regnum.ru/news/2325653.html> (Accessed: 15 February 2018).
39. Soglasenie o sotrudnichestve stanet tolchkom v razvitii otnoshenii LNR i Yuzhnoi Osetii – MID LNR [Agreement on Cooperation Will Give Impetus to Development of Relations Between LPR and South Ossetia: MFA of LPR]. URL: <http://lug-info.com/news/one/soglasenie-o-sotrudnichestve-stanet-tolchkom-v-razvitii-otnoshenii-lnr-i-yuzhnoi-osetii-mid-lnr-32265> (Accessed: 15 February 2018).

УДК 327.8

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ИНСТИТУТЫ
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ**

Пашковский П. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: petr.pash@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемы и противоречия в реализации полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации в рамках государственного внешнеполитического механизма в условиях новых вызовов национальной безопасности. Проанализировано содержание доктринальных документов. Представлены мнения исследователей. Показано, что реализация полномочий российских парламентских институтов во внешнеполитической сфере осложняется наличием нескольких уровней существующих проблем и противоречий. Первый уровень включает проблемы, связанные с несовершенством отечественного законодательства: отсутствие специального законодательного акта, посвященного внешней политике; четко не прописаны механизмы реализации международной деятельности; отсутствует регламентация порядка прохождения внешнеполитических документов по инстанциям на разных стадиях подготовки. На втором уровне располагаются проблемы и противоречия, присущие внешнеполитическому механизму России: дублирование внешнеполитических функций субъектов власти, приводящее к их латентному или открытому конфликту и влияющее на скорость и качество принятия и реализации внешнеполитических решений; падение уровня прозрачности внешнеполитического процесса; различия во внешнеполитических установках групп российской элиты. Третий уровень характеризует проблемы и противоречия в реализации внешнеполитических полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации: неполнота и нечеткость нормативно-правовой базы; отсутствие реальных возможностей полностью воплотить имеющиеся полномочия в структуре внешнеполитического механизма государства; недостаточное использование потенциала межпарламентского сотрудничества; противоречия во взаимодействии палат парламента по внешнеполитическим вопросам, что уменьшает возможности и эффективность воздействия парламентских институтов на государственную внешнюю политику.

Ключевые слова: парламентские институты, внешнеполитический механизм, Российская Федерация, Государственная Дума, Совет Федерации.

Специфика исследования механизма формирования и реализации внешней политики государства характеризуется сложностями, возникающими вследствие «размытости» находящегося в динамике и постоянно ускользающего из поля зрения предмета анализа [1–10]. «Мало в какой области так, как в этой, – отмечал российский ученый А. Салмин, – уместна аналогия с “черным ящиком”, на входе в

который все и вся, а на выходе – собственно внешнеполитические действия. Отчасти это связано с естественной закрытостью предмета от посторонних глаз» [11, с. 102–103]. В то же время изучение особенностей воздействия парламентских институтов на государственную внешнюю политику позволяет определить роль влиятельных (в том числе неформальных) «групп давления» и личностей в процессе функционирования внешнеполитического механизма, выделить и охарактеризовать внутренние факторы принятия и реализации внешнеполитических решений.

Исследование российского парламентаризма располагает обширной отечественной и зарубежной историографией. Однако вопросы его значения во внешнеполитическом механизме государства находили преимущественно ситуативное освещение [12–22]. Актуальность изучения роли парламентских институтов во внешнеполитическом процессе Российской Федерации увеличивается вследствие возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности нашего государства: общая нестабильность в обстоятельствах продолжающейся трансформации международной системы; глобальный финансово-экономический кризис и его последствия; распространение международного терроризма; развитие средств глобального разрушения; обострение этнических конфликтов; противоречия в энергетической плоскости; возникновение киберугроз и новых вызовов информационной безопасности; последствия глобальных климатических изменений и т. д. К обозначенным позициям в последние годы прибавились проблемы, связанные с увеличением международной напряженности, обострением конфликта России с Западом и последствиями антироссийских санкций, появлением очагов нестабильности в непосредственной близости к границам Российской Федерации, что дополнительно актуализирует экспертные дискуссии относительно функциональности и эффективности государственной внешней политики.

Учитывая отмеченную ситуацию относительно исследования роли парламентских институтов в российском внешнеполитическом механизме, несомненную научную новизну имеет обозначение противоречий в процессе осуществления их полномочий во внешнеполитической сфере. Целью данной статьи является обзорная характеристика проблем и противоречий в реализации полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации в рамках государственного внешнеполитического механизма в условиях новых вызовов национальной безопасности.

Объект исследования – внешнеполитический механизм России. Предмет – проблемы и противоречия, возникающие в процессе осуществления внешнеполитических полномочий и функций парламентских институтов Российской Федерации на современном этапе.

Понятие «внешнеполитический механизм», имеющее множество дефиниций, в настоящем исследовании будет характеризоваться как политическая система, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов, направлений внешней политики государства и выделение ресурсов для ее осуществления. В данном случае применяется расширенный вариант определения, когда элементы внешнеполитического механизма разделены на конституционные

(государственные органы) и внеконституционные (политические партии, НПО, экономические структуры, общественное мнение) [5, с. 455].

Парламентские институты, относимые к конституционным (государственным) элементам внешнеполитического механизма, в России представлены Федеральным Собранием, состоящим из Государственной Думы (нижняя палата) и Совета Федерации (верхняя палата), а также их профильных органов (подразделений). Их полномочия, степень и особенности участия во внешней политике государства определены Конституцией (ст. 71, 83, 102, 103, 106) [23], базовыми доктринальными документами [24; 25; 26] и регламентами [27; 28]. Так, в действующей Концепции внешней политики России (от 30.11.2016) отмечается, что «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий ведут работу по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения международных обязательств Российской Федерации, а также способствуют повышению эффективности парламентской дипломатии» [25].

Для понимания генезиса и сущности рассматриваемых проблем следует уточнить, что Федеральное Собрание имеет ряд прямых и косвенных возможностей влияния на государственную внешнюю политику, среди которых: рассмотрение и принятие Государственной Думой и Советом Федерации законов о ратификации международных договоров России, становящихся правовой базой развития сотрудничества с зарубежными государствами; рассмотрение вопросов об использовании вооруженных сил за пределами российских границ (Совет Федерации уделяет особое внимание миротворческим действиям на постсоветском пространстве); официальные визиты и переговоры руководителей обеих палат с зарубежными партнерами; участие в международных форумах и других мероприятиях иностранных парламентариев (под эгидой Совета Федерации проводятся авторитетные Петербургский и Байкальский экономические форумы); взаимодействие с Министерством иностранных дел (высшие должностные лица МИД принимают участие в пленарных заседаниях, парламентских слушаниях, заседаниях парламентских фракций и профильных комитетов, конференциях и «круглых столах»); встречи руководителей обеих палат Федерального Собрания с Министром иностранных дел и обсуждение важнейших вопросов межпарламентского сотрудничества и законотворческого процесса в сфере внешней политики; участие парламентариев на регулярной основе в работе многочисленных международных парламентских организаций [2; 12–18; 21; 22].

К числу косвенных функций Федерального Собрания относятся полномочия по утверждению бюджета РФ, который ежегодно принимается Государственной Думой, одобряется Советом Федерации (в форме закона), а затем подписывается Президентом. Бюджет содержит специальный раздел, предусматривающий выделение средств на осуществление внешней политики и международной деятельности, в том числе на функционирование российских загранучреждений, получение и предоставление кредитов, участие в международных организациях и т. д. Дума устанавливает пределы государственных заимствований, в соответствии

с которыми ведутся переговоры и заключаются соглашения с МВФ, МБРР, ЕБРР и другими международными и финансовыми организациями [2, с. 12]. Однако эти функции парламента имеют реальное значение лишь при существенных вложениях в какие-либо внешнеполитические инициативы, поскольку в ином случае исполнительная власть сможет выделить средства, распределив расходы по утвержденным статьям бюджета или воспользовавшись резервными фондами, предусмотренными Бюджетным кодексом [14, с. 19].

Определенное влияние на государственный внешнеполитический процесс Государственная Дума оказывает через принятие законов, прямо или косвенно затрагивающих международную сферу. Одной из главных задач для Президента и Правительства является обеспечение принятия законов, способствующих развитию внешнеэкономических, торговых, культурных, научно-технических связей с другими странами. Имеются и «внутренние» законы (о налоговой системе, тарифах, акцизах и т. д.), которые принимаются Государственной Думой, обуславливая предоставление России зарубежных кредитов [2, с. 13].

Также к инструментам воздействия Государственной Думы, которые могут ограниченно применяться для внешнеполитических инициатив, можно отнести парламентский запрос, депутатский запрос и парламентское расследование [14, с. 20].

В составе обеих палат Федерального Собрания имеются подразделения, в полномочия которых входят внешнеполитические вопросы. Их названия и количество в разные годы менялось. Что касается Государственной Думы, то на современном этапе перечень вопросов, относящихся к процессу формирования и реализации внешней политики России, входит в компетенцию таких ее подразделений, как Комитет по международным делам, Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и Управление международного сотрудничества Аппарата Государственной Думы. Кроме того, в деятельности 12 международных парламентских организаций активно участвуют постоянные делегации Государственной Думы, сформированные на принципах равного или пропорционального фракционного представительства. На постоянной основе осуществляют свою деятельность депутатские группы по связям с парламентами зарубежных стран [27].

Среди перечисленных структурных подразделений Государственной Думы особые возможности воздействия на внешнюю политику государства имеет Комитет по международным делам. Каждое из межгосударственных и межправительственных соглашений, подлежащих ратификации, предварительно проходит правовой и лингвистический анализ в аппарате данного Комитета и Правовом управлении Государственной Думы. Подготовленные заключения обсуждаются на заседаниях Комитета с участием представителей разных думских фракций, после чего выносятся на рассмотрение пленарного заседания Государственной Думы. Депутаты, являющиеся членами Комитета, готовят проекты заявлений и обращений Государственной Думы по актуальным вопросам международной политики, формируют собственные оценки от имени Комитета, организуют парламентские слушания и «круглые столы» по вопросам, входящим в

его компетенцию. Комитет по международным делам принимает активное участие в работе над очередным бюджетом страны, высказывая свои рекомендации, связанные, прежде всего, с подразделом «Международные отношения и международное сотрудничество». На заседаниях Комитета (с учетом консультаций с Комитетом Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками совместно с другими комитетами Государственной Думы) рассматриваются предлагаемые Президентом кандидатуры послов РФ и даются рекомендации в отношении их назначения на должности или отзывов [15; 16; 17; 21].

Совет Федерации, согласно Конституции России, утверждает указы Президента о введении военного или чрезвычайного положения, решает вопрос об использовании вооруженных сил за рубежом [23]. Верхняя палата российского парламента одобряет законы, принятые Государственной Думой, которые могут затрагивать сферу внешней политики. Совет Федерации одобряет ратифицированные Государственной Думой международные договоры и соглашения, утверждает бюджет, содержащий посвященный международной деятельности раздел, оказывая прямое влияние на внешнеполитическую работу органов исполнительной власти [28].

Верхняя палата может заслушивать отчеты Министерства иностранных дел о проводимой внешней политике, высказывать свои рекомендации, которые, как правило, учитываются Президентом, Правительством и МИД. Основные функции по реализации внешней политики верхней палаты парламента выполняют: Председатель Совета Федерации и его заместители, Комитет Совета Федерации по международным делам, Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности, Управление международных связей Аппарата Совета Федерации (осуществляющее организационное обеспечение всей работы палаты по международным связям), некоторые подразделения Аналитического управления (осуществляющие информационно-аналитическое обеспечение этой работы). Существенную роль в осмыслении внешнеполитических проблем играет Экспертный совет Комитета по международным делам. Комитет Совета Федерации по международным делам непосредственно ответственен за реализацию верхней палатой парламента ее внешнеполитических полномочий [22, с. 24–25].

Актуальные вопросы внешней политики государства и международного положения регулярно обсуждаются в рамках проводимых в верхней палате слушаний на заседаниях указанных Комитетов и Временной комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации. Итоги обсуждений принимаются во внимание органами исполнительной власти. Верхняя палата парламента России может принимать заявления и постановления по международной тематике, которые носят рекомендательный характер [2, с. 13].

Значительный объем международной деятельности Совета Федерации (как и Государственной Думы) составляют парламентские связи и участие российских представителей в международных парламентских организациях [15]. Связи верхней палаты российского парламента с парламентами других стран впоследствии могут

приводить к предложениям законодательного корпуса по внесению изменений в Налоговый, Бюджетный кодекс, по законодательному улучшению экономического и инвестиционного климата. Совет Федерации развивает межпарламентский диалог и на базе т. н. «групп по сотрудничеству», или «групп дружбы», которыми ежегодно проводятся «круглые столы», семинары и другие мероприятия. В рамках верхней палаты действуют комиссии межпарламентского сотрудничества и проводятся разного рода форумы. Совместная работа иногда способствует внесению в законодательство поправок, затрагивающих интересы российских компаний в целях развития экономического сотрудничества, подписанию соглашений между аппаратами верхних палат и отдельных комитетов. Также формой активного взаимодействия являются официальные визиты делегаций Совета Федераций, ответные визиты иностранных делегаций в Россию и обмены визитами отдельных парламентариев [22, с. 23–24].

Вместе с тем верхняя палата российского парламента не имеет таких существенных механизмов влияния на внешнеполитический процесс, как право внесения поправок в принятые Государственной Думой законы и доминирование при решении кадровых вопросов во внешнеполитической сфере. Закрепление за Государственной Думой права контроля над деятельностью Правительства, в том числе во внешнеполитической сфере, уменьшает относительный вес верхней палаты в механизме принятия внешнеполитических решений [22, с. 16–17].

Указанные полномочия и возможности влияния российского парламента на государственную внешнюю политику на практике сталкиваются с рядом проблем и противоречий, обусловленных причинами внутреннего характера и внешними вызовами.

Характеристику проблем функционирования внешнеполитического механизма России исследователи зачастую начинают с констатации отсутствия в российском законодательстве специального акта, посвященного внешней политике. Отношения во внешнеполитической сфере регулируются Конституцией и отдельными положениями ряда законов и подзаконных актов, закрепляющих компетенцию и функции государственных органов в данной области [21, с. 67]. Примечательно, что в самой Конституции нет специальной главы о внешней политике. Детально не прописаны механизмы реализации международной деятельности. Кроме того, в действующих законах и подзаконных актах отсутствует четкая регламентация порядка прохождения проекта документа в различных структурных подразделениях ведомства или на различных стадиях его подготовки [22, с. 17]. В последние годы эта ситуация начала меняться в результате принятия нескольких основополагающих документов [24; 26], предназначенных сделать внешнюю политику государства более последовательной и эффективной. Однако четкие процедуры, полномочия и механизмы участия государственных органов, в том числе парламентских институтов, во внешнеполитической сфере в этих документах по-прежнему не указываются.

Еще одной проблемой отечественного внешнеполитического механизма представляется отсутствие обязывающего регламента в распределении полномочий между органами государственной власти, что приводит к дублированию их

функций в процессе осуществления внешней политики [21, с. 68], а также к длительному межведомственному согласованию [22, с. 26]. Впрочем, некоторые эксперты видят в этом искусственно созданную ситуацию с целью поддержания аппаратного равновесия, позволяющего российскому политическому руководству иметь гарантии получения альтернативной информации. Исходя из этой логики, в понимании руководства дублирующие вертикали чиновников составляют расширенный пул кадровых ресурсов, который можно регулярно использовать в интересах управления [1].

На практике нечетко сформулированная позиция государства относительно распределения полномочий во внешнеполитических вопросах приводит к возникновению явного или скрытого конфликта субъектов власти со схожими функциями. Подобная ситуация в последние десятилетия наблюдалась в сфере выработки стратегии российской внешней политики. Действующее законодательство приписывает данные полномочия Совету Безопасности РФ. В то же время на эти функции претендует Управление Президента по внешней политике, входящее в состав Администрации Президента. Пересечение круга ответственности может произойти между парламентом и Общественной палатой [14, с. 18].

В качестве проблем исследователи определяют падение уровня прозрачности процесса принятия внешнеполитических решений [3], разноплановость и непоследовательность внешнеполитических установок различных групп российской элиты, приводящие к противоречиям в позиционировании государства на международной арене [6]. При этом отсутствие формально закрепленного механизма координации внешней политики, по мнению специалистов, означает, что эта функция «по умолчанию» оказывается в ведомстве главы государства, как и согласование позиций в рамках стратегической элиты. Представляется, что принятие стратегических решений зависит от порядка, устанавливаемого Президентом. Исключением являются вопросы о войне и мире, которые, как показывает опыт, принимаются в условиях активных обсуждений с участием стратегической элиты и при тестировании общественного мнения [1].

Что касается конкретно проблем влияния парламентских институтов на внешнюю политику государства, то их основные полномочия закреплены в Конституции. Однако, как отмечают эксперты, нормативно-правовая база осуществления этих полномочий отличается неполнотой и не обеспечивает возможность активного вмешательства высшего представительного органа в осуществление государственной внешней политики [18, с. 15]. Актуализация данной проблемы в настоящее время связана с необходимостью принятия особо эффективных мер в сфере обеспечения безопасности России и ее граждан, что требует создания прочной законодательной базы.

Учитывая реалии современности, исследователи отмечают, что в существующей системе разделения властных полномочий Федеральное Собрание Российской Федерации ограничено в праве инициативы в осуществлении государственной внешней политики [14, с. 18]. В частности, парламент не может непосредственно влиять на утверждение структуры правительства или определение его состава (включая назначение на пост министра иностранных дел) [11, с. 158].

Согласно Конституции России, Президент назначает и отзывает российских дипломатических представителей в иностранных государствах и организациях после консультаций с комитетами или комиссиями палат Федерального Собрания. Вместе с тем вряд ли эту сторону международной деятельности палат можно считать реальными полномочиями, поскольку ни Конституцией, ни регламентами палат не предусмотрено правовых последствий в случае несогласия комитетов палат с кандидатурой, представленной по поручению Президента [18, с. 31]. Имея полномочия ратифицировать международные договоры, Государственная Дума не может участвовать в их подготовке. Несмотря на видимость активной деятельности, потенциал парламента в системе международных связей используется в недостаточной степени [21, с. 68]. Это касается и межпарламентского сотрудничества, имеющиеся возможности и резервы которого, по мнению экспертов, не в полной мере используются отечественным парламентом [15; 16, с. 110].

Существует и ряд проблем, связанных с взаимодействием палат Федерального Собрания во внешнеполитической сфере. Так, верхняя палата российского парламента не имеет права внесения поправок в законы, принятые нижней палатой, доминирующей при решении кадровых вопросов, касающихся внешней политики. Периодически наблюдается «блокирование» законодательных инициатив верхней палаты нижней по «техническим» причинам, затягивание Государственной Думой процесса ратификации. Органы исполнительной власти часто несвоевременно осуществляют подачу документов на ратификацию. Там, где требуется совместное рассмотрение законопроектов на начальном этапе, представители двух палат работают раздельно. Совместную работу по выработке общих решений и принятию заявлений может затруднять несогласованность регламентов палат. «Пробелы» в законодательстве существуют и в отношении регламентации работы согласительных комиссий и привлечения субъектов Российской Федерации к работе в этих комиссиях. Практически не проводятся совместные заседания или совещания комитетов, а консультации носят, как правило, личный характер. Хотя депутаты нижней палаты и представлены в Экспертном совете верхней палаты, в Государственной Думе в аналогичном совете представителей Совета Федерации не наблюдается. Совместная работа палат ограничивается преимущественно участием в общих делегациях [22, с. 26].

Таким образом, возможности адекватной реакции российских парламентских институтов на вызовы современности в процессе реализации своих полномочий во внешнеполитическом механизме государства осложняются наличием нескольких уровней проблем и противоречий.

На первом уровне находятся проблемы, связанные с несовершенством отечественного законодательства, в котором отсутствует специальный законодательный акт, посвященный внешней политике, а в Конституции, действующих законах и подзаконных актах должным образом не прописаны механизмы реализации международной деятельности. Четкая регламентация порядка прохождения по различным инстанциям на разных стадиях подготовки проекта какого-либо документа, относящегося к внешнеполитической сфере, также

отсутствует. Это характерно и для принятых в последние годы доктринальных документов в области государственной внешней политики.

Второй уровень проблем и противоречий определяется спецификой функционирования внешнеполитического механизма России, в рамках которого происходит дублирование функций, приводящее к ситуациям латентного или открытого противостояния субъектов власти, что оказывает влияние на скорость и качество принятия и реализации внешнеполитических решений. К этому следует добавить отмеченное экспертами падение уровня прозрачности процесса принятия внешнеполитических решений и различия во внешнеполитических установках групп российской элиты, приводящие к непоследовательности и противоречиям в позиционировании государства на международной арене.

Проблемы реализации полномочий и функций Федерального Собрания Российской Федерации в процессе формирования и осуществления государственной внешней политики характеризуют третий уровень, который обусловлен комплексом имеющихся на других уровнях противоречий. Так, нормативно-правовая база реализации парламентскими институтами функций влияния на внешнюю политику государства отличается неполнотой и нечеткостью. В структуре действующего внешнеполитического механизма Федеральное Собрание не имеет возможностей в полной мере воплотить на практике обозначенный в нормативно-правовой базе потенциал воздействия на внешнеполитический процесс. Учитывая обстоятельства, недостаточно используется и опция межпарламентского сотрудничества и парламентской дипломатии. Имеются проблемы и во взаимодействии палат Федерального Собрания по внешнеполитическим вопросам, приводящие к периодически возникающим между Государственной Думой и Советом Федерации конфликтным ситуациям, несогласованным и нескоординированным действиям, сужая круг возможностей и уменьшая эффективность влияния парламентских институтов на государственную внешнюю политику.

Список литературы

1. Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России / В. Аверков // Международные процессы. – Май – август 2012. – Т. 10. – № 2 (29). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/11.htm> (Дата обращения: 15.02.2018).
2. Внешняя политика Российской Федерации / Ред. коллегия: А. В. Торкунов (отв. ред.), А. Ю. Мельвиль, М. М. Наринский. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 328 с.
3. Кортунов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? / С. В. Кортунов. URL: <http://www.wpress.ru/text/200707271137.htm> (Дата обращения: 15.02.2018).
4. Косачев К. И. Внешнеполитическая вертикаль / К. И. Косачев. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3224 (Дата обращения: 15.02.2018).
5. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования / П. И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2016. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 452–456.
6. Торкунов А. В. Движущие силы внешней политики Российской Федерации / А. В. Торкунов. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (Дата обращения: 15.02.2018).
7. Hermann M. G. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry / M. G. Hermann, C. F. Hermann // International Studies Quarterly. – December 1989. – Vol. 33. – № 4. – P. 361–387.

8. Risse-Kappen T. Public Opinion, Domestic Structure and Foreign Policy in Liberal Democracies / T. Risse-Kappen // World Politics. – 1991. – Vol. 43. – № 4. – P. 479–512.
9. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy / G. Rose // World Politics. – 1998. – № 51. – P. 144–172.
10. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics / A. Wolfers. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.
11. Салмин А. М. Изнанка внешней политики / А. М. Салмин // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. – М.: Летний сад, 2001. – С. 102–210.
12. Гайсин У. Б. Основные этапы становления и развития парламентаризма в России / У. Б. Гайсин, М. А. Филимонов, Т. С. Конюков // Парламентаризм в России: история и современность: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием: Сб. ст. – Уфа: УГАТУ, 2015. – С. 51–81.
13. Еременко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты / В. И. Еременко. – СПб.: Издательство политехнического университета, 2013. – 166 с.
14. Кондрашова Е. В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. В. Кондрашова. – М., 2008. – 26 с.
15. Лихачев В. Парламентская дипломатия / В. Лихачев. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/122> (Дата обращения: 15.02.2018).
16. Мирошниченко В. М. Международная деятельность Государственной Думы Российской Федерации / В. М. Мирошниченко // Актуальные проблемы и перспективы развития парламентаризма: российский и зарубежный опыт: Сб. науч. ст. / Ред. коллегия: В. В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. – Курск: ЮЗГУ, 2015. – С. 107–111.
17. Новиков Д. В. Реализация Государственной Думой представительной функции в сфере внешней политики: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д. В. Новиков. – Владивосток, 2009. – 22 с.
18. Павлов Е. Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики Российской Федерации: Автореф. дис. ... доктора юридических наук. – М., 2004. – 38 с.
19. Пашковский П. И. Первый опыт российского парламентаризма и внешняя политика государства / П. И. Пашковский // Право и политика. – 2017. – № 4. – С. 146–157.
20. Пашковский П. И. Предпосылки российского парламентаризма и внешняя политика государства / П. И. Пашковский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). – № 1. – С. 59–70.
21. Перевезенцева Т. В. Участие Государственной Думы в осуществлении внешней политики страны / Т. В. Перевезенцева // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы заседания «круглого стола» (Астрахань, 8 июня 2007 г.) / Отв. ред. Е. Е. Рябцева. – Астрахань: Астраханский университет, 2007. – С. 65–69.
22. Покровский Д. С. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации во внешнеполитическом процессе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009. – 28 с.
23. Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (Дата обращения: 15.02.2018).
24. Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» (Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 325–10). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782 (Дата обращения: 15.02.2018).
25. Концепция внешней политики Российской Федерации (от 30.11.2016). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 15.02.2018).
26. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/157626 (Дата обращения: 15.02.2018).

27. Регламент Государственной Думы. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/regulations/> (Дата обращения: 15.02.2018).
28. Регламент Совета Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/structure/council/regulations/> (Дата обращения: 15.02.2018).

Pashkovsky P. I. Parliamentary Institutions in the Foreign Policy Mechanism of the Russian Federation: Problems and Contradictions in the Exercise of Powers // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 94–106.

The article considers the problems and contradictions in the implementation of the powers and functions of the Federal Assembly of the Russian Federation in the framework of the state foreign policy mechanism in the context of the new national security challenges. The content of the doctrinal documents have been analyzed. The opinions of the researchers have been presented. It was shown that the realization of the powers of Russian parliamentary institutions in the foreign policy sphere is complicated by the existence of several levels of problems and contradictions. The first level includes problems that are related to the imperfection of domestic legislation: a special legislative act on foreign policy is missing; mechanisms for implementing international activities aren't clearly spelled out; regulation of the procedure for passing foreign policy documents at different stages of preparation is absent. At the second level are the problems and contradictions that are inherent in Russia's foreign policy mechanism: duplication of foreign policy functions of the subjects of power, leading to their latent or open conflict and affecting the speed and quality of the adoption and implementation of foreign policy decisions; fall in the level of transparency of the foreign policy process; differences in the foreign policy aspirations of groups of the Russian elite. The third level characterizes the problems and contradictions in the implementation of foreign policy powers and functions of the Federal Assembly of the Russian Federation: incompleteness and fuzziness of the regulatory framework; lack of real opportunities to fully implement the existing powers in the structure of the state's foreign policy mechanism; insufficient use of the potential of inter-parliamentary cooperation; contradictions in the interaction of the chambers of the parliament on foreign policy issues, which reduces the possibilities and effectiveness of the influence of parliamentary institutions on the foreign policy of the state.

Key words: parliamentary institutions, foreign policy mechanism, Russian Federation, State Duma, Federation Council.

References

1. Averkov V. Prinjatie vneshnepoliticheskikh reshenij v Rossii [The Adoption of Foreign Policy Decisions in Russia]. *Mezhdunarodnye processy* [International processes]. May–August 2012, Vol. 10, № 2 (29). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/11.htm> (Accessed: 15 February, 2018).
2. Vneshnjaja politika Rossijskoj Federacii [Foreign Policy of the Russian Federation] / Ed.Collegium: A. V. Torkunov (editor), A. Ju. Melville, M. M. Narinsky. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) Publ.; «The Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2000, 328 p.
3. Kortunov S. V. Sushhestvuet li v Rossii mehanizm koordinacii vneshnepoliticheskikh reshenij? [Is there a Mechanism for Coordination of Foreign Policy Decisions in Russia?]. URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (Accessed: 15 February, 2018).
4. Kosachev K. I. Vneshnepoliticheskaja vertikal' [The Foreign Policy Vertical]. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3224 (Accessed: 15 February, 2018).
5. Pashkovsky P. I. Vneshnepoliticheskii mekhanizm: problemnye teoreticheskie aspekty issledovaniya [Foreign Policy Mechanism: Problematic Theoretical Aspects of the Research] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology]. 2016, Vol. 16, Issue. 4, p. 452–456.
6. Torkunov A. V. Dvizhushhie sily vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Driving Forces of the Foreign Policy of the Russian Federation]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (Accessed: 15 February, 2018).

7. Hermann M. G., Hermann C. F. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry // *International Studies Quarterly*. December 1989, Vol. 33, № 4, p. 361–387.
8. Risse-Kappen T. Public Opinion, Domestic Structure and Foreign Policy in Liberal Democracies. *World Politics*, 1991, Vol. 43, № 4, p. 479–512.
9. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. 1998, № 51, p. 144–172.
10. Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1962, 283 p.
11. Salmin A. M. Iznanka vneshej politiki [Wrong Side of Foreign Policy] // *Rossijskaja politika na rubezhe vekov (izbrannye stat'i). K desjatiletiju fonda «Rossijskij obshhestvenno-politicheskij centr»* [Russian Politics at the Turn of the Century (Selected Articles). By the Tenth Anniversary of Foundation «Russian Public Policy Center»] / Heads. Ed., Chairman of the Board A. M. Salmin. Moscow, Summer Garden, 2001, p. 102–210.
12. Gaysin U. B., Filimonov M. A., Konyukov T. S. Parlamentarizm v Rossii: istorija i sovremennost' [Parliamentarism in Russia: History and Modernity]: Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem [The All-Russian Scientific-practical Conference with International Participation], Coll. of Art. Ufa, UGATU, 2015, p. 51–81.
13. Eryomenko V. I. Rossijskij parlamentarizm: politologicheskie, pravovye i social'no-kul'turnye aspekty [Russian Parliamentarism: Political, Legal and Socio-cultural Aspects]. SPb., Polytechnic University Publishing House, 2013, 166 p.
14. Kondrashova E. V. Jevojucija parlamentarizma v kontekste vneshepoliticheskaj dejatel'nosti Rossii [Evolution of Parliamentarism in the Context of Russia's Foreign Policy Activity]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Moscow, 2008, 26 p.
15. Likhachev V. Parlamentskaja diplomatija [Parliamentary Diplomacy]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/122> (Accessed: 15 February, 2018).
16. Miroshnichenko V. M. Mezhdunarodnaja dejatel'nost' Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj Federacii [International Activities of the State Duma of the Russian Federation]. Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya parlamentarizma: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Actual Problems and Development Prospects of Parliamentarism: Russian and Foreign Experience], Coll. of Scientific Articles. Ed. Collegium: V. V. Korovin (Resp. Ed.) [and others]. Kursk, JuZGU, 2015, p. 107–111.
17. Novikov D. V. Realizacija Gosudarstvennoj Dumoj predstavitel'noj funkcii v sfere vneshej politiki [The Implementation of the Representative Function in the Sphere of Foreign Policy by the State Duma]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Vladivostok, 2009, 22 p.
18. Pavlov E. J. Konstitucionno-pravovoj mehanizm osushchestvlenija vneshej politiki Rossijskoj Federacii [The Constitutional Legal Mechanism for the Implementation of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Extended Abstract of Doctor of Science's Thesis. Moscow, 2004, 38 p.
19. Pashkovsky P. I. Pervyj opyt rossijskogo parlamentarizma i vneshnaja politika gosudarstva [The First Experience of Russian Parliamentarism and the Foreign Policy of the State]. *Pravoipolitika* [Law and Policy], 2017, № 4, p. 146–157.
20. Pashkovsky P. I. Predposylki rossijskogo parlamentarizma i vneshnaja politika gosudarstva [Prerequisites of the Russian Parliamentarism and Foreign Policy of the State] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija: Filosofija. Politologija. Kul'turologija*. [Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology], 2016, Vol. 2 (68), № 1, p. 59–70.
21. Perevezentseva T. V. Uchastie Gosudarstvennoi Dumy v osushchestvlenii vneshej politiki strany [Participation of the State Duma in the Implementation of the Country's Foreign Policy]. *Rossiiskii parlamentarizm: istoriya i sovremennost'* [Russian Parliamentarism: History and Modernity]: Materialy zasedaniya «kruglogo stola» (Astrakhan', 8 iyunya 2007 g.) [Proceedings of the Meeting of the «Round Table» (Astrakhan, June 8, 2007)]. Resp. Ed. E. E. Ryabtseva. Astrakhan, Astrakhan University Publ, 2007, p. 65–69.
22. Pokrovsky D. S. Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii vo vneshepoliticheskom processe [The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation in the Foreign Policy Process]. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Moscow, 2009, 28 p.
23. Konstitucija Rossijskoj Federacii [The Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://constitution.kremlin.ru/> (Accessed: 15 February, 2018).

24. Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Vneshnepoliticheskaja dejatel'nost'» [The State Program of the Russian Federation «Foreign Policy Activity»] (Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 aprelja 2014 g. № 325–10 [Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 325–10])). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782 (Accessed: 15 February, 2018).
25. Konceptija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (ot 30.11.2016) [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (from 30.11.2016)]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Accessed: 15 February, 2018).
26. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2012 goda № 605 «O merah po realizacii vneshnepoliticheskogo kursa Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 № 605 «On Measures to Implement the Foreign Policy Course of the Russian Federation»]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/157626 (Accessed: 15 February, 2018).
27. Reglament Gosudarstvennoj Dumy [Regulations of the State Duma]. URL: <http://www.duma.gov.ru/about/regulations/> (Accessed: 15 February, 2018).
28. Reglament Soveta Federacii [Regulations of the Federation Council]. URL: <http://www.council.gov.ru/structure/council/regulations/> (Accessed: 15 February, 2018).

УДК 323.21: 349.23/24

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ДЕТСКОГО ТРУДА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Старостин В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vitality199@mail.ru

Целью статьи является рассмотрение проблемы эксплуатации детского труда в странах Западной Европы в период индустриального производства.

В статье рассматривается проблема эксплуатации детского труда в странах Европы в период зарождения индустриального производства. В условиях машинного производства на фабриках повсеместным и массовым явлением стал дешевый детский труд. Мужскую рабочую силу, которая была необходима ранее на производствах, потеснил детский труд. Детям хорошо давались вспомогательные функции у станков, что постепенно вытеснило квалифицированных мастеров. Со временем детский труд стал одной из причин массового недовольства среди рабочих. Ключевыми причинами являлись, с одной стороны, тяжелейшие условия труда и нерегламентированная продолжительность рабочего времени несовершеннолетних, с другой, – сокращение количества рабочих мест для взрослых работников.

Применение детского труда и народные волнения оказали ключевое политическое влияние на необходимость законодательного регулирования трудовых отношений. Массовое привлечение детей для работы приводило к их физической и умственной деградации. Поэтому, например, в Пруссии за ограничение детского труда выступали крупные государственные ведомства: вооруженные силы, система образования. Школы, университеты, находясь под контролем церкви и монархии, боролись за возможность обучения детей. Военное ведомство также отстаивало свои позиции. Набор юношей в армию срывался из-за занятости на производствах. Вместо обучения детей в школах и службе в армии большинство трудилось на предприятиях. Им противостояли владельцы промышленных предприятий и некоторые рабочие, уверенные в том, что могут лишиться необходимого дохода – заработка детей. Возникший конфликт политических интересов не сразу был разрешен. Результатом острой политической борьбы стало принятие нормативных актов. Несовершеннолетние работники были определены в качестве особого субъекта трудовых отношений с установлением правового статуса отличного от взрослых рабочих. Это положило начало законодательного регулирования рабочего времени и условий труда несовершеннолетних лиц в Европе.

Ключевые слова: эксплуатация детского труда, условия труда, рабочее время, трудовые отношения, правовой статус несовершеннолетних лиц.

Проблема использования детского труда является актуальной во всем мире. Международная организация труда (МОТ) определила детский труд в качестве «работы, которая умственно, физически, социально или морально опасна и вредна для детей, мешает образованию, так как лишает детей возможности посещать

учебные заведения; заставляет их бросить занятия в школе или требует совмещения учебы с долгим и тяжелым изнурительным трудом» [1].

Даже в настоящее время – время постиндустриального развития общества – отмечены нарушения в области трудовых отношений, связанные с возрастом работников, привлекаемых к труду. Об этом свидетельствует доклад о детском труде, опубликованный МОТ, где отмечено, что 168 миллионов детей во всем мире вынуждены трудиться, чтобы выжить. Такое количество трудящихся детей составило 11 % процентов от всего детского населения планеты. Однако, по данным ЮНИСЕФ, число детей, работающих в различных отраслях экономики, значительно больше – порядка 246 миллионов. Около шестидесяти процентов детей трудятся в сельскохозяйственной сфере, а общая прибыль от использования детского труда исчисляется более чем 150 миллиардами долларов в год [2].

Проведение современных преобразований в России в сфере политико-правового регулирования труда несовершеннолетних лиц зависит также от того, насколько учитывается опыт развития других стран в указанной сфере. В этой связи исследование основ детского труда в промышленности стран Западной Европы и принятие первых законодательных актов о труде приобретают особую актуальность, так как способствуют более глубокому изучению данного вопроса. Обобщение политико-правового опыта в сфере применения детского труда в период индустриальной эпохи, анализ результатов, выявление положительных и отрицательных сторон могут быть полезны для совершенствования политико-правового механизма, с помощью которого регулируются общественные отношения, связанные с использованием труда несовершеннолетних лиц в современной России.

Объектом статьи является исследование политико-правовых отношений, которые сложились в сфере применения детского труда, и появление первых нормативных актов регулирования рабочего времени, условий труда несовершеннолетних лиц в период индустриального производства в странах Западной Европы в первой половине XIX века.

Предметом является исследование продолжительности рабочего времени, условий труда несовершеннолетних лиц и первых нормативных актов о рабочем времени в Англии, Франции, Германии в первой половине XIX века.

Цель данной статьи заключается в изучении причинно-следственной связи между эксплуатацией детского труда, массовым недовольством работников и появлением первых нормативных актов о продолжительности рабочего времени и охране труда несовершеннолетних лиц.

Исследование проблем рабочего времени, эксплуатации детского труда началось в дореволюционный период. Среди работ данной группы центральное место занимали труды В. П. Литвинова-Фалинского, А. Н. Быкова, Л. Н. Нисселовича, М. Г. Лунца, А. Ф. Федорова, И. И. Янжула, Е. М. Дементьева, Л. С. Таля и др. Вышеуказанные авторы по роду своей деятельности сталкивались с проблемами рабочего времени и эксплуатации труда. Они являлись чиновниками, фабричными инспекторами, ревизорами, преподавателями.

Следующий этап исследования указанной проблематики относился к советскому периоду. В это время учеными проводился сравнительный анализ положения несовершеннолетних лиц и взрослых рабочих при социалистическом строе и капиталистическом строе дореволюционного периода. К работам указанного периода можно отнести труды И. И. Шелымагина, К. Н. Тарновского, В. В. Адамова, Ю. И. Кирьянова и других.

Представителями постсоветского периода изучения условий труда, рабочего времени были Б. Н. Миронов, М. А. Фельдман, В. Д. Камынин, Ю. Д. Коробков, Л. В. Куприянова, Е. Б. Хохлов, В. Ф. Цитильский и другие.

В Европе в первой половине XIX века быстрыми темпами развивалось индустриальное производство. Основу индустриализации составляло промышленное производство и рабочая сила. Появление машинного производства привело к возможности отказаться от использования физической силы взрослого работника. На смену пришел детский труд, который был менее затратным для собственников предприятий и приносил больше прибыли. Используя детский труд, можно было экономить значительные средства на условиях труда, питании, начислении заработной платы, уменьшая ее различными способами. Таким образом, в целях экономии производственных затрат на работу стали брать чаще детей. Это подтверждается высказыванием К. Маркса, который указывал причины появления детского труда при капитализме: «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин!» [3, с. 407].

В связи с этим в условиях распространения машинного производства на фабриках повсеместным и массовым явлением стал дешевый детский труд. Мужскую рабочую силу, которая была необходима ранее на производствах, потеснил детский труд. Детям хорошо давались вспомогательные функции у станков, что постепенно вытеснило квалифицированных мастеров, число которых среди рабочих-мужчин в середине XIX века едва превышало десять процентов [4]. Высокая доля детского труда характерна для всех стран с фабричной организацией промышленности. В 1839 году 46 % фабричных рабочих Великобритании не достигли восемнадцатилетнего возраста. По данным 1843 года, в Бельгии на прядильной фабрике Брабанта трудились 318 рабочих, в число которых входили 26 детей от 9 до 12 лет. На тюлевой фабрике этого города было 70 рабочих, в том числе 30 девочек в возрасте от 8 до 12 лет. В 1840 году во французском департаменте Нор на различных фабриках работали 11114 детей в возрасте от 4 до 12 лет [5, с. 57].

Рабочий день за вычетом трех перерывов для приема пищи (1 час на обед и 20 минут на завтрак и ужин) длился 13 часов. Рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и детей. Отпуска не предоставлялись. Привлечение к работе по воскресным дням становилось нормой [5].

Со временем детский труд начал вызывать массовое недовольство среди рабочих. Ключевыми причинами являлись, с одной стороны, тяжелейшие условия

труда и нерегламентированная продолжительность рабочего времени, с другой – то, что количество рабочих мест для взрослых работников сокращалось.

В Англии были отмечены различные формы протеста рабочих против эксплуатации. Например, уничтожение станков, поджоги производственных помещений. Рабочий Нед Лудд первым разбил станок, так как считал именно машину виновником нищеты рабочих. Движение получило название «луддизма», стало первым массовым движением рабочих [6, 48]. Объективно оно было направлено не против машин, а против владельцев предприятий. Английский парламент по требованию предпринимателей принял закон о смертной казни за порчу машин и о беспощадном подавлении указанного движения. Сорок работников были приговорены к смертной казни.

Постепенно рабочие переходили от разрушения станков к более организованным формам протеста, целенаправленным действиям в защиту своих рабочих прав. В 1836–1842 гг. в Англии возникло «чартистское движение» [6, 59], в ходе которого была основана первая массовая рабочая партия – Национальная чартистская ассоциация. Участники этого движения боролись за трудовые и политические права, ограничение продолжительности рабочего времени взрослых и несовершеннолетних работников, улучшение условий охраны труда. Парламент отвергал все попытки улучшить положение рабочих. Однако со временем правительство вынуждено было перейти к политике компромиссов и частичных уступок. В 1847 г. был принят закон о продолжительности рабочего времени несовершеннолетних лиц, повышена заработная плата некоторым категориям рабочих.

Таким образом, в результате народных волнений, связанных с требованиями сокращения продолжительности рабочего времени и улучшения условий труда, стало принятие в 1847 году парламентом Англии закона о десятичасовом рабочем дне, в котором указано: «...с 1 января 1847 года никакое лицо моложе 18 лет не может быть занято на фабрике или заводе работой более чем на 11 часов в течение суток и более 63 часов в течение недели ... С 1 мая 1848 года никакое лицо менее 18 лет не может быть задействовано на работе более 10 часов в сутки и 58 часов в неделю. Указанные пределы должны приниматься также для женщин» [7, с. 239].

Для решения острых противоречий в сфере применения детского труда парламент Англии как законодательный орган выступил в роли посредника между работниками и владельцами предприятий в установлении количества часов работы в сутки. Конечно, законодательной инициативе также способствовали народные волнения, массовое недовольство, стачки. Поэтому первые попытки государства по ограничению детского труда внесли неоценимый вклад в появление фабричного, а затем трудового законодательства. В данном законе четко было установлено рабочее время в часах для несовершеннолетних лиц возрастом до 18 лет и женщин. Сначала 11 часов в сутки и 63 часа в неделю, после 10 часов в сутки и 58 часов в неделю. Это положение заставило собственников предприятий исполнять принятые нормы рабочего времени несовершеннолетних лиц: нормы рабочего дня, нормы рабочей недели.

В Пруссии применение детского труда оказало ключевое влияние на возникновение законов о регламентации трудовых отношений. Массовое привлечение детей для работы на производствах приводило к их физической и умственной деградации. Поэтому за ограничение детского труда выступили два крупных государственных ведомства. Одно из них – Вооруженные силы. Причиной регулярных недоборов в армию являлось раннее вовлечение подростков в производство. Другим ведомством была система образования, которая с точки зрения воспитания и культурных потребностей населения высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили школьное обучение, а следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках [8, 125]. Им противостояли владельцы крупных промышленных предприятий и некоторые рабочие, уверенные в том, что могут лишиться необходимого дохода – заработка детей. Школы, университеты Пруссии, находясь под контролем церкви и монархии, боролись за возможность обучения детей. Военное ведомство также отстаивало свои позиции. Набор юношей в армию срывался из-за поголовной занятости на производствах. Вместо обучения детей в школах и службе в армии большинство трудилось на предприятиях. Возникший конфликт государственных интересов не сразу был разрешен, несмотря на то, что основой прусского национального сознания являлись идеи о сильной власти.

Большой общественно-политический резонанс накануне революционных событий 1848–1849 гг. приобрело восстание рабочих в 1844 г. в Пруссии [8]. Восстание вспыхнуло стихийно, не имея определенной политической окраски. Рабочий, распевавший песню у окон фабриканта, был брошен в тюрьму. Товарищи арестованного потребовали его освобождения и одновременно повышения заработной платы. Хозяин в грубой форме ответил отказом, что привело к разгрому его дома, конторы и складов. Восстание перекинулось на соседние районы. Регулярная армия подавила восставших рабочих. Около 150 участников этих событий были брошены в тюрьмы.

В результате правительство приняло сторону государственных ведомств. Поэтому в Пруссии в 1839 году был принят закон, в котором разрешалось принимать на фабрики и рудники несовершеннолетних работников с 9 лет, с максимальной продолжительностью рабочего дня десять часов. Однако он почти не применялся. Основное значение получил закон 1853 года, в котором допускалось привлечение детей к работе с 12 лет, рабочее время устанавливалось до 6 часов в сутки [9, 135]. Этот закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции.

Законы в определенной мере защищали права детей в сфере продолжительности рабочего времени. Поэтому со временем, распространились и в других германских регионах (Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Однако содержали более жесткие нормы рабочего времени. Труд малолетних рабочих разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков установили в 9–10 часов, а не в 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон распространили на всю территорию Германии только в 1869–1871 годах.

Положение несовершеннолетних рабочих во Франции не отличалось в лучшую сторону. В начале 30-х гг. XIX в. вспыхнули восстания работников ткацких предприятий в г. Лионе и других городах. Основные требования рабочих касались увеличения возраста подростков для привлечения к труду на производствах, уменьшения рабочего времени, улучшения условий труда и повышения заработной платы. Но владельцы предприятий отказались удовлетворить их требования. Тогда рабочими было решено о проведении массовой демонстрации. Утром 21 ноября 1831 г. рабочие, построившись в колонны, двинулись к городской ратуше, но были разогнаны полицией, что заставило их взяться за оружие. В город была введена регулярная армия, которая подавила вооруженное восстание. В апреле 1834 г. рабочие города Лиона вновь поднялись на борьбу, но были разгромлены войсками.

Власти все же были вынуждены пойти на уступки в сфере улучшения условий труда и возраста принятия на работу несовершеннолетних лиц. В связи с массовым недовольством рабочих во Франции в 1841 году был принят специальный закон [10], в котором впервые было указано о сокращении в промышленности продолжительности рабочего дня детей и подростков. Большинство предпринимателей исполнение закона было проигнорировано под предлогом, что во многих производствах взрослый рабочий не может обойтись без помощи малолетних, а значит, рабочий день для всех категорий занятых на фабрике должен быть одинаковым. Правительство Кавеньяка 9 сентября 1848 года установило границы рабочего времени в пределах 12 часов, причем из этого правила допускалось множество исключений. На производствах этот декрет выполнялся так же мало, как и закон 1841 года. Исполнение фабричного законодательства на предприятиях в последующие годы было неэффективным. Декреты 1851 и 1864 годов [10] давали возможность даже увеличивать рабочее время в некоторых отраслях промышленности.

Вместе с этим первые меры исправления ситуации были предприняты лишь спустя десять лет властями Третьей республики. В 1874 году признали возраст в 10 лет как минимальный для приема на работу и уменьшили продолжительность детского рабочего дня до 6 часов, а в 1882 году в качестве важнейшего практического шага было введено бесплатное и обязательное обучение детей 6–13 лет. В 1892 году был принят «Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях» [11], действие которого распространялось на все виды производства и строительства. В соответствии с ним разрешалось принимать на работу детей с 12 лет, если они получили свидетельство о начальном образовании, и с 13 лет – без такового. Рабочий день рабочих и работниц, не достигших 18 лет, а также женщин определялся в 11 часов в день с обязательным одним или несколькими перерывами на отдых продолжительностью не менее 1 часа. Запрещалось использование детей, несовершеннолетних девушек и женщин на ночных работах, а также в шахтах, рудниках и карьерах. Не допускалось принуждать женщин любого возраста, детей и подростков до 18 лет работать более 6 дней в неделю. Меры регламентации труда не коснулись совершеннолетних работников мужского пола вплоть до 1905 года, когда появился закон [12], установивший для горняков, занятых на подземных разработках, 9-часовой рабочий

день. В следующем, 1906, году Национальное собрание законодательно потребовало обязательного предоставления наемным работникам одного выходного дня в неделю.

Примеры жестокой эксплуатации детей содержатся в произведениях английского писателя Чарльза Диккенса, который сам попал на фабрику в одиннадцатилетнем возрасте [13]. На протяжении каждого дня работы он видел и чувствовал невыносимые условия труда и быта несовершеннолетних работников, которые часто умирали на рабочем месте или становились калеками.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы:

1. С началом индустриального развития в Европе в первой половине XIX века ростом количества предприятий, появлением машинного производства и увеличением потребностей промышленности увеличился масштаб эксплуатации детского труда. Причиной этому стало появление машинного производства, что позволило владельцам предприятий отказаться от использования физической силы взрослого работника. На смену пришел детский труд, который был менее затратным для собственников предприятий и приносил больше прибыли.

2. Массовое привлечение детей для работы на производствах приводило к их физической и умственной деградации. В связи с этим в Пруссии возник конфликт между государственными институтами. Военное ведомство и система образования имели острую нехватку молодых людей, которые были заняты на производствах. Раннее вовлечение подростков на производство стало причиной регулярных недоборов в армию. В системе образования считали необходимым, чтобы дети проходили школьное обучение, а следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках. Поэтому крупные государственные ведомства Пруссии выступали за ограничение детского труда.

3. Усиление эксплуатации детского труда, продолжительность рабочего времени, отсутствие условий охраны труда приводили к народным волнениям. Основными требованиями работников являлись: увеличение возраста несовершеннолетних лиц для привлечения к работам, уменьшение продолжительности рабочего времени, улучшение условий труда, медицинское страхование от несчастных случаев на производстве и другие. Таким образом, массовые недовольства условиями труда заканчивались социально-политической нестабильностью, что вынуждало органы власти Англии, Франции, Пруссии принимать законодательные акты о рабочем времени несовершеннолетних работников и улучшать условия труда. Это привело к первым попыткам законодательного регулирования вопросов детского труда и рабочего времени и положило начало формированию трудового законодательства.

4. Необходимость законодательной регламентации трудовых отношений была вызвана массовой эксплуатацией на производствах. Особая роль в требованиях рабочих уделялась ограничению детского труда, поэтому главным образом повлияла на социально-политические и экономические процессы в Англии, Франции, Пруссии в первой половине XIX века, стала ключевой причиной острого социального конфликта между лицами наемного труда и буржуазией.

5. Принятие первых законодательных актов способствовало уменьшению эксплуатации несовершеннолетних работников. Владельцы предприятий были вынуждены подчиниться законодательству, часто в ущерб своим интересам. В этом заключалась гуманистическая и прогрессивная роль принятых законов.

6. В результате принятых нормативных актов несовершеннолетние работники были определены в качестве особого субъекта трудовых отношений с установлением правового статуса, отличного от взрослых рабочих. Это положило начало законодательному регулированию рабочего времени и условий труда несовершеннолетних лиц. В связи с этим впервые началась разработка норм, направленных на охрану трудовой деятельности несовершеннолетних работников.

Список литературы

1. Конвенция № 182 Международной организации труда «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» // Официальный сайт Международной организации труда. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (Дата обращения: 11.02.2018).
2. World report on child labour 2015: Paving the way to decent work for young people / International Labour Office. Geneva: ILO, 2015. URL: <http://www.refworld.org/docid/558bb1d74.html> (Дата обращения: 15.03.2018).
3. «Капитал» К. Маркса и проблемы современного капитализма. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. – 510 с.
4. Брентано Л. История развития народного хозяйства Англии / Л. Брентано. – М.: Госиздат, 1930. – 312 с.
5. Бризон П. История труда и трудящихся / П. Бризон. – М.: Госиздат, 1921. – 241 с.
6. Поулсен Ч. Английские бунтари / Ч. Поулсен. – М.: Прогресс, 1987. – 67 с.
7. Энгельс Ф. Английский билль о десятичасовом рабочем дне / Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 252 с.
8. Ерусалимский А. С. Германская история в новое и новейшее время / А.С. Ерусалимский – М.: Наука, 1970. – 215 с.
9. Кучинский Ю. История условий труда в Германии / Ю. Кучинский – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 532 с.
10. Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции / Ф. В. Потемкин – М.: Наука, 1971. – 197 с.
11. Пономарев Б. Н. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. – М.: Мысль, 1976. Т. 1. – 128 с.
12. Маркс К. К критике политической экономии. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/> (Дата обращения: 15.09.2017).
13. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста. – М.: Риполклассик, 2013. – 390 с.

Starostin V.A. Child Labour Exploitation in Europe in the First Half of the 19th Century // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 107–115.

The article devoted to the problem of the child labour exploitation in European countries during the period of industrial production. Cheap child labour has become a widespread phenomenon in the factories with a proliferation of machine industry. Child labour became more popular than the male labour force because children were good at the industry. It was the reason of mass discontent among workers. Harsh working conditions, unregulated working hours of minors and reduction of the number of jobs for adult workers were also the reasons of it. The using of child labour and public unrest had a political influence on the need for legislative regulation of labour relations. The involvement of children in production industry has been resulted

in their physical and mental degradation. Therefore, for example, in Prussia the armed forces and the education system were responsible of child labor's limits. Schools and universities were controlled by the church and the monarchy and fought for the possibility of teaching children. The military department also defended their positions. The recruitment of young men was not impossible because of the employment in production factories. They worked in the factories instead of studying at school or serving in the army. The owners of large industrial enterprises and some workers were considered in losing the necessary income – the earnings of children. Nevertheless, the conflict of political interests was not immediately resolved. The adoption of regulations was the result of the intense political struggle. Under-age workers were identified as a special subject of labour relations, with the establishment of a legal status other than that of adult workers. It was the beginning of legislative regulation of working time and working conditions of minors in Europe. The main idea of the article is problem of exploitation of child labour in Europe at the time of industrial production.

Key words: the child labour exploitation, working conditions, working hours, labour relations and the legal status of minors.

References

1. Konventsiya № 182 Mezhdunarodnoi organizatsii truda "O zapreshchenii i nemedlennykh merakh po iskoreneniyu naikhudshikh form detskogo truda" [Convention No. 182 of the International Labour Organization "Concerning the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labor"]. Ofitsial'nyi sait Mezhdunarodnoi organizatsii truda. URL: <http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/conv175.htm>. (Accessed: 11 of September 2017)
2. World Report on Child Labour 2015: Paving the Way to Decent Work for Young People. International Labour Office. Geneva, ILO, 2015. URL: <http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/conv175.htm>. (Accessed: 15 September 2017)
3. Marks K. Kapital i problemy sovremennogo kapitalizma [Kapital and Problems of Modern Kapitalizm]. Moscow, MSU Publ., 1968, 510 p.
4. Brentano L. Istoriya razvitiya narodnogo khozyaistva Anglii [The History of the National Development Economy of England]. Moscow, Gosizdat Publ., 1930, 312 p.
5. Brizon P. Istoriya truda i trudyashchikhsya [The History of the Labor and Workers ']. Moscow, Gosizdat Publ., 1921, 241 p.
6. Poulsen Ch. Angliiskie buntari [English Rebellious]. Moscow, Progress Publ., 1987, 67 p.
7. Engel's F. Angliiskii bill' o desyatchasovom rabochem dne [English Bill of Ten-Hour Working Day]. Moscow, Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury, 1967, 252 p.
8. Erusalimskii A. Germanskaya istoriya v novoe i noveishee vremya [German History in Modern and Contemporary Times]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 215 p.
9. Kuchinskii Yu. Istoriya uslovii truda v Germanii [The History of Working Conditions in Germany]. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1949, 532 p.
10. Potemkin F. Promyshlennaya revolyutsiya vo Frantsii [The Industrial Revolution in France]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 197 p.
11. Ponomarev B. Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie. Voprosy istorii i teorii [The International Labor Movement. Questions of History and Theory]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, 128 p.
12. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii [Critique of Political Economy]. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/> (Accessed: 19 May 2017)
13. Dikens Ch. Priklyucheniya Olivera Tvista [Adventures Of Oliver Twist]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2013, 390 p.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 4 (70). 2018. № 2. С. 116–124.

УДК 130.122

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В НЕЛИНЕЙНОЙ МОДЕЛИ МИРА

Балакина Е. И.

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

E-mail: balakina2002@mail.ru

Актуальность данной работы состоит в разработке новой методологии исследования духовной сферы культуры на базе нелинейной вероятностной картины мира. Данная задача многие годы не была решена в связи с тем, что к подвижному, развивающемуся, нелинейно изменчивому феномену духовных явлений применялась методология классической науки, сложившаяся в работе со стабильными объектами. Авторская позиция заключается в обосновании необходимости выхода за пределы классической методологии и поиска в современном арсенале нелинейной науки новых путей исследований духовной сферы культуры. Открытия в физике микромира, необратимость и случайность, многообразие их проявлений на стреле времени лежат в основе парадигмы нелинейности, в рамках которой стало возможно по-новому ставить вопрос о постижении скрытой духовной сущности явлений культуры. Автор показывает сущностное сходство явлений духовного характера и физических свойств микромира. На этой основе в статье выделяются особенности методологии исследований духовных явлений, обратная перспектива процессов духовного характера по сравнению с материальными, определяется ключевое значение принципа «квантового скачка» для понимания смысла духовных преобразований в культуре.

Ключевые слова: духовная сфера, непроявленное, нелинейность, квантовый скачок, обратная перспектива, субъект-субъектные отношения, смысл, гуманитарный подход.

Дух навсегда останется островом, на который
из области материи нельзя попасть без прыжка.

Фридрих Шеллинг

Актуальность темы исследования определяется фундаментальным положением духовной составляющей в культуре, к которой не в полной мере применимы общие методы исследования. Узкие границы материалистической картины мира и основанная на положениях классической науки методология значительно затрудняли изучение духовных аспектов культуры. В результате возникло научное противоречие между многозначностью духовных проявлений культуры и традиционной методологией, направленной на получение однозначного результата. Расширение представлений о

мире в нелинейной научной парадигме XX–XXI веков открыло новые возможности для исследования явлений, отличающихся изменчивостью и нестабильностью.

Цель статьи – адаптация научных подходов и методов нелинейной модели мира к их использованию в исследованиях духовных явлений культуры. Для полноты раскрытия данной проблемы выделено несколько задач:

- показать возрастание значимости вопросов духовного характера в современной культуре и их специфические особенности;
- представить некоторые научные методы исследования нелинейной реальности, аналогичной по своим свойствам духовной сфере культуры;
- показать возможности применения избранных методов к исследованию явлений духовной сферы культуры и духовных граней произведений искусства.

Проблема «духовности» и стремление разобраться в сложных процессах духовной сферы появились вместе с рождением культуры. Потребность установить контакт с неподвластным человеку миром вызвала к жизни древние магические ритуалы, впоследствии переродившиеся в религиозные культы. Постепенно произошло разделение познавательных потоков: «духовное» закрепилось в «вёдении» духовных институтов, тогда как наука, сложившаяся как инструмент познания материальных объектов, стала сторониться духовных проблем. Такая позиция была вполне естественна и оправдана.

В XX – начале XXI в. в науке произошел всплеск интереса к исследованию духовных явлений и изучению самой возможности включения их в современную познавательную практику и теорию культуры. Данной проблемы в разной степени касаются Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский, Т. П. Григорьева, В. П. Зинченко, И. А. Ильин, М. С. Каган, В. В. Кандинский, Е. Н. Князева, Ю. И. Кулаков, Ю. В. Линник, Ю. М. Лотман, М. К. Мамардашвили, В. В. Медушевский, В. В. Налимов, В. Н. Топоров, П. А. Флоренский, С. Гроф, Д. Дэвидсон, Ф. Капра, А. Г. Маслоу, И. Р. Пригожин, А. Соеман, Х. И. Хан, М. Элиаде. В своих научных концепциях они обращают внимание на необходимость восстановления в правах второй, гуманитарной по сути, духовной по содержанию, эмоционально-интуитивной по форме традиции взаимодействия человека с миром. «Я против того, что закрывает перед нами двери и отрезает возможности», – заявляет А. Маслоу.

Уже в начале XX века с предельной новизной прозвучала гипотеза В.И. Вернадского о живом мире, в котором строит свое бытие человек, о неделимой целостности сферы деятельности человека на планете: «Мы живем на переломе, в исключительно важную, по существу новую эпоху жизни человечества, его истории на нашей планете. Впервые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты – в общем, всю биосферу, всю связанную с жизнью область планеты. Жизнь человечества, при всей ее разнородности, стала неделимой, единой» [1, с. 27]. Сегодня снова актуализировались обращения к истокам мировой культуры, где в синкретическом единстве дополняли друг друга духовное и материальное, чувственное и рациональное, вера и знание, опыт и интуиция.

Идея неразрывности материального и духовного в культуре красной нитью проходит от самых древних форм мифологического мышления до современной науки. В XX веке новый путь к единству мира открыл закрепившийся в квантовой

механике принцип дополнительности. Его применение несколько смягчило противоречия между наукой и искусством, рациональным и духовным способами познания.

Открытие нелинейной вероятностной реальности в современной физике создало новую подвижную систему мировосприятия, имеющую высокий методологический потенциал в познании духовной сущности явлений. Именно на это указывал И. Пригожин: «Результаты синергетики как бы возвращают нас к идеям древних о потенциальном и непроявленном...» [2, с. 31].

Это **первая** предпосылка применения нелинейной вероятностной методологии исследования в работе с духовной сферой искусства. Новизна нелинейной картины мира заключается в открытии нестабильных, непредсказуемых, развивающихся и обновляющихся процессов и явлений. Эти же свойства характеризуют культуру, человека и искусство.

Что представляет собой любой отдельно взятый феномен культуры? В широком смысле это всегда ставшее явным непроявленное! Речь человека, движение его тела, создаваемые им интеллектуальные, художественные творения, все проявления, взаимно образующие неразрывное целостное «поле культуры», – это материализованное «непроявленное».

В науке XX века первичность духовного мира по отношению к физическому выявлялась многими исследователями (В. Кандинский, Ю. Лотман, А. Соесман, П. Флоренский и другие). Их тезисы определили **вторую** предпосылку новой методологии исследований духовного начала.

Парадоксальный характер теориям XX – начала XXI веков придает смещение ценностных установок: «Религия и искусство старше, чем сельское хозяйство и промышленность. В начале было слово, и человек был провидцем и художником еще до того, как стал производителем. В этот допроизводительный период он уже достиг высокой степени культурной специализации и добился господства над своим окружением даже в особенно неблагоприятных условиях ледникового периода. Доказательство этого господства можно увидеть в искусстве ориньякского и мадленского периодов. Оно показывает нам, что человек был творцом в духовном плане еще до того, как стал производителем в экономическом, и что не существовало необходимой связи между экономическим развитием культуры и ее духовным качеством» [3].

К. Доусон показывает, что проявления духовной деятельности человека – не побочный продукт экономики, а воплощение первичных сакральных сил, стоящих за процессом саморазвития культуры с самого ее рождения.

Комплекс важнейших открытий последнего столетия – принцип дополнительности, системный подход, нелинейность, теория вероятности, саморазвитие, «квантовый скачок», бесконечно изменчивые связи «микромира», обнаружение в объекте науки субъектных качеств, требование (в связи с этим) изменения языка науки – стали своего рода «парадигмальными вехами», наметившими новый виток развития науки. Они сформировали устойчивую «познавательную воронку», «конус притяжения аттрактора», обусловившего необходимость уточнения методологии исследования духовных аспектов культуры.

Как может быть решена проблема обновления методологии? Если мы представляем ее решение как решение математической задачи, в конце которой ожидается единственно правильный и устойчивый ответ, – то никак. Решение этой проблемы – это задача другого уровня, задача нелинейного типа, основу которой составляет выбор верного способа решения (выбор пути, Дао – по аналогии с мировоззренческой позицией буддизма) и перенастройка мышления на такой тип научных поисков, при котором процесс решения сам по себе уже является стратегическим познавательным ответом на духовные вызовы мира: «Среди древних китайцев прочно коренилось мнение о том, что человеческое творчество воплощено в акте «рассеивания» (сянь), то есть скольжения мысли за пределы «данности», знания, любого формального тождества. Этот акт самораскрытия мысли еще непознанному и неведомому как раз и составляет существо герменевтического усилия. <...> Даосский канон <...> не сообщает о реальности, а <...> приобщает к ней. Он удостоверяет высший смысл жизни» [4, с. 15, 18].

В этом заключается **третий** принцип методологии исследования духовной сферы культуры. Духовный мир невозможно исследовать как объект. О духовных явлениях важно «не сообщать, а приобщать» к ним.

Нелинейная методология трактуется в синергетике как субъект-субъектный процесс. Мир изменчив и не позволяет выделить устойчивый неизменный объект, создать одинаковые условия для повторного проведения опыта. Познание становится вопрошанием исследователя, поэтому требует развивать в нем способность расслышать ответ нового, нелинейного типа.

Об этом знали уже представители первобытной культуры. Именно тогда сложилась ритуальная духовно-практическая модель «приобщения» человека к сакральному миру, в результате которого происходило его преображение, перерождение, переход на иной уровень.

Мистическую сторону духовного перерождения субъекта в контексте ритуального пространства и духовного ядра инициации исследует М. Элиаде: «Смерть инициации означает одновременно и конец “естественного”, культурного человека и переход к новому виду, способу существования, существования человека “рожденного в духе”, то есть живущего не только в “непосредственной” реальности. Смерть и воскресение инициации составляют, следовательно, часть мистического процесса, когда мы становимся другими в соответствии с моделью, открываемой богами и мифическими предками. То есть мы становимся человеком по-настоящему, только в той мере, в какой мы похожи на сверхъестественное Существо. Значение инициации для понимания архаического менталитета состоит в следующем: она показывает нам, что настоящий человек – человек духовный – не есть результат естественного процесса (как созвучно это современному пониманию, что культура не передается генетически! – Е. Б.). Он “создан” посвященными в соответствии с образцами, явленными божественным Существом и сохраненными в мифах. Эти посвященные представляют духовную элиту архаических обществ. Их задача – открыть новым поколениям глубокий смысл существования и помочь им взять на себя ответственность стать “настоящим человеком” и, следовательно, причаститься культуре» [5, с. 145].

XX век стал временем высокой научной активности, сосредоточив в себе рождение новых научных направлений: общей теории систем, кибернетики, синергетики, новых аспектов развития генетики. В первой трети XX века были созданы новые области физики: специальная теория относительности, общая теория относительности и квантовая механика, которые радикально изменили мировоззрение ученых в сторону осознания невероятной сложности мира и устойчивого стремления разобраться в законах самоорганизации сложности.

Во второй половине XX века «в физике элементарных частиц произошел колоссальный прорыв: установлено существование нового субъядерного мира – мира лептонов, кварков, промежуточных (калибровочных) бозонов. Протоны и нейтроны, образующие ядра, больше не считаются элементарными частицами: установлено, что они построены из трех кварков. Таким образом, к последовательности “молекулы – атомы – ядра – нуклоны” добавлен теперь еще один “слой” структуры материи» [6, с. 3].

К концу XX века метафоричность и поэтичность научного языка прочно вошли в практику науки, став **четвертой** особенностью методологии исследований духовных явлений.

В явлениях микромира наука открыла неожиданные свойства предельно малых частиц: во-первых, их оказалось огромное количество. А во-вторых, микрочастицы, совсем как люди, предрасположены к изменениям. Они стремительно движутся, сталкиваются друг с другом и при столкновении меняют свои свойства. При таких особенностях микрочастиц физики вынуждены были ввести для них дополнительные метафорические характеристики «цвета» и «аромата».

Новосибирским физиком, профессором, членом-корреспондентом Болонской академии наук Ю. И. Кулаковым в 1960-е годы была начата работа над «Теорией физических структур», раскрывающей непривычный тогда взгляд на физику как на целостное знание о мире: «Важной особенностью нашего мира является дискретное состояние вещества и наличие фундаментальных физических законов, представляющих собой определенный вид так называемых сакральных отношений. Первое обстоятельство было обнаружено как гениальная догадка еще в античные времена (атомистическая гипотеза, высказанная Левкиппом и Демокритом) и блестяще подтверждено современной физикой. Что же касается второго, то, насколько мне известно, никто ранее не обращал на это обстоятельство внимания, так как само понятие “сакральные отношения” возникло лишь в рамках Теории физических структур» [7, с. 45]. Для обозначения новых отношений в глубинах физического мира Ю. И. Кулаков обращается к гуманитарному понятию «сакральности», привычному в философии, но неожиданному для физики.

Для классической науки работа с такого рода объектами была совершенно немыслима. Синергетика же с ее новейшими установками на нелинейные непроявленные свойства мира открыла методологический ход, позволяющий решать познавательные задачи вероятностного типа.

И. Пригожин и И. Стенгерс в работе «Порядок из хаоса» излагают основы познания неравновесных систем. Механизм самодвижения системы из «точки бифуркации» к новому порядку «довольно прост»: она должна «почувствовать»,

«увидеть», «понять» цель своей устремленности в будущее. Но как система это «делает»? Какие силы, параметры, свойства, механизмы системы определяют ее выход на аттрактор и почему именно на этот? Есть ли в этом процессе предзаданность или это «случайность, которая творит мир» (Е. Н. Князева)? На данный вопрос наука пока еще не получила ясного и устойчивого ответа: «Удовлетворительным ответом на этот вопрос мы пока не располагаем» [2, с. 219].

Однако современный уровень познания неравновесных систем не означает их принципиальной непознаваемости. Ряд научных открытий XX века позволяет строить исследования духовной сферы на новых основаниях.

1. Именно в квантовой физике был открыт принцип движения микрочастиц – «квантовый скачок». Это особый способ изменений, который проявляется не в постепенной трансформации явления, а в мгновенном переносе в новое состояние. Квантовый скачок сделал возможным на научной основе понять и объяснить такие труднопознаваемые явления, как озарение, творчество, мгновенное преобразование личности в общении с искусством, пробуждение любви, веры, смена ценностной доминанты и т. п.

В книге «Философский камень» Ф. Дэвид Пит поясняет: «За мгновение до скачка элементарная частица занимает данную область пространства. Через мгновение она где-то в другом месте, и, в соответствии с квантовой теорией, никакой физический процесс не соединяет эти два физических состояния существования, никакая продолжительность времени не разделяет их. Как будто элементарная частица вдруг бесследно исчезла, прошла через неопределенность без времени и пространства, а затем снова появилась где-то в другом месте. В один момент частица находится внутри ядра, а в следующий – с большой скоростью движется вокруг. В промежутке ничего не происходит. Это загадка квантового скачка» [Цит. по: 8]. Пройдя путь в несколько тысячелетий, человек снова возвращается к древним идеям, некогда относимых к мистическому опыту, а теперь совершивших «квантовый скачок» в область высокой науки. Именно через научную метафору «квантового скачка» можно определить характер изменения состояния человека, когда случайный звук, запах, жизненная ситуация или воспринимаемое произведение искусства мгновенно переносит его в иное время и иное состояние.

2. Другой блок открытий науки связан с «принципом неопределенности» физика Вернера Гейзенберга. Он показал, что в XX веке было открыто множество явлений и процессов, в которых наблюдатель сам создает то, что он наблюдает. Утверждением ведущей роли наблюдателя в диалоге с миром копенгагенская интерпретация квантовой механики подвела теоретический фундамент под саму проблему восприятия. В книге «Квантовая реальность» Ник Герберт утверждает: «Когда нет наблюдения, нет и реальности, и наблюдение создает реальность. Проще говоря, вы как наблюдатель создаете субъективную реальность, которую вы наблюдаете» [Цит. по: 8].

Ведущее положение «наблюдателя» в мире и субъективность, уникальность, неповторимость процесса наблюдения и его результата – мира, создаваемого в процессе наблюдения, – это долгожданное открытие, позволяющее с полным правом отнести к научной сфере идеи, которые долгое время безнадежно и почти безрезультатно отстаивали это право в контексте классической науки.

В нелинейной парадигме по-новому звучала концепция гуманитарного знания М. М. Бахтина. Она также ориентирует исследователя на особый тип взаимодействия с миром, из «частицы» вырастающего в «волну», утверждает нелинейность и вероятностный характер понимания и интерпретации текста. Нет в произведении единственно верного, раз и навсегда заданного смысла: смысл вечно будет порождаться заново, вместе с новым воспринимающим его человеком.

Эффект «квантового скачка» был с древности известен творческим натурам, мистически настроенным духовным подвижникам. Именно как «хождение по окружности» ощущают многие художники, писатели, композиторы процесс вызревания идеи, поиска образа¹, переживая момент озарения как внезапного попадания «внутрь круга». При этом они не отмечают ощущения пространственного перемещения, подчеркивая мгновенное сопоставление различных состояний.

Открытые в XX веке свойства микромира, весьма созвучные характеристикам духовных процессов, показывают, что в духовной сфере отношения строятся «обратным способом» по сравнению с материальной:

- вместо локальности и определенности объекта исследования – невозможность выделить устойчивое состояние элемента: все меняется;
- вместо объекта классической науки устанавливаются межсубъектные отношения в исследованиях;
- вместо линейности и постепенности изменений – эффект «квантового скачка», мгновенного переключения в новое состояние;
- вместо точных определений классической парадигмы для исследования духовной сферы предпочтение отдается метафоре и языку символов как высшей и максимально емкой форме ее выражения;
- вместо единственно верного решения – принцип неопределенности результатов исследований.

3. Выделенные особенности духовной сферы культуры позволяют предположить, что к ее исследованиям приложим и метод «обратной перспективы» П. Флоренского, уточненный и дополненный научными открытиями современности.

Теория «обратной перспективы» созвучна многим новаторским идеям XX века: теории относительности, принципу дополнительности, представлениям о «проявленном» и «непроявленном», понятию аттрактора, соединившего энергии «рождения» и «завершения».

В контексте нелинейной вероятностной научной парадигмы «прямое» и «обратное» движение приобрели особое значение. «Прямое» движение связано с линейным вектором времени, с разворачиванием событий в хронологии, их логической связи в знаковых системах (последовательность слов в предложении, событий в сюжете и т. п.) и служит накоплению информации. В нем действуют причинно-следственные отношения: чем больше мы освоили текста – тем больше у

¹ То же относится к иконописцам, изобретателям, к любому человеку в состоянии жизненного выбора или поиска новой идеи.

нас информации, чем ближе к нам объект – тем более детально мы его воспринимаем, тем более внушительным он предстает перед нами и т. п.

В мире духовных явлений действует «вывернутая» логика. В ее границах мы имеем дело не с информацией, измеряемой количественно, а со смыслами, отличающимися качественно. Под воздействием открывающихся смыслов преобразуются и элементы реальности, и их духовные смыслы.

В теории «обратной перспективы» сегодня особенно важен скрытый смысл, который внутренне присущ ей, но не был описан П. Флоренским. Любой феномен «духовного» мира взаимодействует с человеком в обратной логике. Чем ближе к личной конкретности мы ставим явление духовного мира, тем мельче оно оказывается, тогда как взятое в предельной удаленности от личности фантастически возрастает в масштабе. Например, такая универсальная духовная ценность, как жизнь, применительно к нашей собственной биографии выглядит весьма скромно и ограничено. В контексте «жизнь на Земле» она приобретает размах и величественность, а в категориальном сопоставлении «жизнь» и «смерть» мы получаем предельную меру ее удаленности от собственной личности и предельную меру смыслового объема. Подобным же образом мы ощущаем взаимодействие с такими явлениями духовной природы, как вера, любовь, человек, совесть, смысл жизни, красота и т. п.

Обратная логика постоянно присутствует в художественном тексте (например, у Ч. Айтматова в повести «Пегий пес, бегущий краем моря»: мать, долгие дни ожидавшая на берегу моря возвращения сына и вдруг заметившая вдали его лодку, начинает отчаянно «тянуть берег к морю»! Эта метафора содержит в своей логической вывернутости такую силу, что, кажется, и из скалы способна выжать слезы!)

Первичность духовных основ в культуре утверждает и теория символа Ю.М. Лотмана: символ начинается с трудновыразимой идеи, для которой постепенно кристаллизуется своя материальная форма.

Так живет сознание человека: мысль ищет достойного слова, в которое она могла бы облечься, словно в одежды, не теряя своей сути. Так живет и действует в этом мире человек: каждому мельчайшему движению физического тела предшествует ментальный импульс-команда; для каждого важного и не очень важного дела человек сознательно или бессознательно определяет цель и смысл. Только тогда дело будет в принципе возможно.

Открытие новых методологических подходов к исследованию духовной составляющей в контексте нелинейной парадигмы требует их практической проверки на материале уже существующих концепций искусства.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление / Ред. А. Л. Яншин / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 270 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
3. Доусон К. Религия и культура. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Daws/index.php (Дата обращения 03.08.2014).

4. Дао-Дэ цзин, Ле-цзы, Гуань-цзы: Даосские каноны / Перев., вступ. ст., комм. В. В. Малявина – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 542 [2] с.: илл.
5. Элиаде М. Ностальгия по истокам / М. Элиаде. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.
6. Кулаков Ю. И. Из чего построен мир / Ю. И. Кулаков. – Рукопись из домашнего архива автора. – 7 с.
7. Кулаков Ю. И. Теория физических структур (Математические начала физической герменевтики) / Ю. И. Кулаков. – М.: б/и, 2004. – 847 с.: илл.
8. Волинский С. Квантовое сознание. URL: <http://ariom.ru/litera.html> (Дата обращения 15.09.2014).

Balakina E. I. Specifics of Culture Spiritual Sphere' Studies in Non-linear Model of the World // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 116–124.

The article reveals the actual problem of searching for a new methodology for the spiritual sphere of culture studying based on the new nonlinear probabilistic picture of the world. This problem has not been solved for many years due to the fact that the methodology of classical science, developed in work with stable objects, was applied to the moving, evolving, nonlinearly variable phenomenon of spiritual phenomena. The author's position is to justify the need to go beyond the classical methodology and search for new ways of studying the spiritual sphere of culture in the modern arsenal of nonlinear science. The discoveries of the microcosm physics, irreversibility and randomness, the diversity of their manifestations on the time arrow formed a new paradigm of nonlinearity, within which it became possible - to set the question of understanding the hidden spiritual essence of cultural phenomena in a new way. The author shows the essential similarity of the spiritual nature phenomena and physical properties of the microcosm. On this basis, the article highlights the features of the methodology of spiritual phenomena research, the reverse perspective of spiritual nature processes in comparison with material ones, determines the key importance of the "quantum leap" principle for understanding the meaning of spiritual transformations in culture.

Key words: spiritual sphere, the unmanifested, nonlinearity, quantum leap, reverse perspective, subject-subject relations, meaning, humanitarian approach.

References

1. Vernadskiy V. I. Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon] ed. A.L. Yanshin. Moscow, Nauka Publ., 1991, 270 p.
2. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok is khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, Progress, 1986, 432 p.
3. Douson K. Religiya i kultura. [Religion and Culture]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Daws/index.php (Accessed: 13 August 2014).
4. Dao-De tszin, Le-tszy, Guan'-tszy: Daosskie kanony [Taoist Canons]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2004, 542 [2] с.: il.
5. Eliade M. Nostal'giya po istokam [Nostalgia for the Roots]. Moscow, Institute of General Human Studies Publ., 2006, 216 p.
6. Kulakov U. I. Iz chego postroen mir [What Built the World]. A Manuscript from the Home Archive of the Author, 7 p.
7. Kulakov U. I. Теория физических структур (Математические начала физической герменевтики) [Theory of Physical Structures (Mathematical Principles of Physical Hermeneutics)]. Moscow, 2004, 847 p.: il.
8. Volinskiy S. Kvantovoe soznanie [Quantum consciousness]. URL: <http://ariom.ru/litera.html> (Accessed: 15 September 2014).

УДК 008:371.5

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ УЧИТЕЛЕЙ И ГИМНАЗИСТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГИМНАЗИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Грива О. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ogriva@yandex.ru

В статье дана характеристика особенностей культуры взаимоотношений учителей и учащихся в истории отечественной гимназии в XIX – начале XX в. Автором проанализированы литературные и архивные источники, раскрывающие сущность и характер отношений субъектов образовательного процесса на примере московских, Санкт-Петербургских, Киевских, Харьковских, Одесских и Симферопольских гимназий. Основное внимание в статье уделено анализу формально-уставной стороны взаимоотношений учителей и гимназистов, а также прослежена динамика изменений их характера от времени появления Первого Устава гимназий 1804 г. до революционных событий начала XX в. Интерес автора к проблеме взаимоотношений в дооктябрьской гимназии продиктован наличием ряда нерешенных вопросов этического свойства в ныне существующих общеобразовательных заведениях, в том числе и такого, как культура взаимоотношений учителей и учащихся. Автор приходит к заключению, что российская дореволюционная гимназия была не только «школой муштры и зубрежки», как чаще всего она представлялась в научной и художественной литературе предшествующих периодов, но и учебным заведением, в котором находилось место гуманному отношению к ребенку.

Ключевые слова: культура взаимоотношений, учитель, учащийся, история отечественной гимназии, Министерство народного просвещения.

Система взаимоотношений «учитель – ученик» в значительной степени определяет все внутришкольные отношения и, являясь важным фактором воспитательной работы, влияет на процесс становления личности школьника. Данная система характеризуется тем показателем, который можно обозначить как «культура взаимоотношений учащихся и учащихся». Этот вопрос становится все более злободневным для современного образования. Такие факторы, как тотальная информатизация, почти постоянное присутствие ребенка в интернет-пространстве, ускорение процессов освоения информации, не упрощают, а, возможно, и усложняют эту проблему отношений субъектов образовательного процесса. Поэтому обращение к истории вопроса в отечественной школе, с нашей точки зрения, является актуальным.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей культуры взаимоотношений учителей и учащихся в истории отечественной гимназии в XIX – начале XX в. Для ее достижения потребовалось решить следующие задачи:

Проанализировать формально-уставную сторону взаимных отношений учителей и гимназистов как основного показателя в характеристике системы «учитель – ученик».

Проследить динамику изменений характера взаимоотношений субъектов образовательного процесса от Первого Устава гимназий 1804 г. до революционных событий XX в.

В последние годы возрос интерес к проблемам отечественной гимназии как основной общеобразовательной школы. Об этом свидетельствуют публикации А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной, В. В. Перцева, А. А. Шеяговой и других [1; 2; 3]. Отметим, что в дооктябрьской, в советской и постсоветской педагогике исследованию культуры взаимоотношений учащихся и учащихся в гимназиях не уделялось должного внимания. В педагогической литературе советского периода традиционная точка зрения на эту проблему была явно негативной. Считалось, что отношения учителя и ученика в отечественной гимназии почти всегда носили враждебный характер.

Объективное рассмотрение проблемы невозможно осуществить без анализа формально-уставной стороны взаимоотношений, как основного признака в характеристике системы «учитель – ученик» [4, с. 56]. Формально-уставными считаем те взаимоотношения педагогов и воспитанников, которые предопределены официальными положениями и уставами. Это естественно, так как гимназия из всех видов школы была типовым казенным учебным заведением, зависимым от государства, а значит, и от его требований, выражаемых в уставах, инструкциях и других официальных документах.

Формально-уставные отношения в гимназии определялись прежде всего ее целью. Первым Уставом гимназий и прогимназий 1804 г. перед ней была поставлена задача – давать своим воспитанникам сведения, «необходимые для благовоспитанного человека» [5]. Этот устав был более прогрессивным, чем последующие. В соответствии с предъявляемыми им требованиями, регламентирующими отношения между учителем и учеником, учитель должен был быть терпеливым и стараться полагаться больше на свою прилежность, чем на чрезмерный труд учеников (Устав 1804 г., § 40). При наставлении учащихся учитель должен был «стараться более об образовании и изощрении рассудка их, нежели о наполнении памяти, не теряя из виду главного предмета юношеского наставления, состоящего в том, чтобы приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам» (там же, § 41).

В обращении с учеником педагогу предписывалось быть мягким и выдержанным. А для этого, как указывали составители, «первою заботою учителя должно быть то, чтобы хорошо вызнать свойства и нравы детей, дабы можно было лучше управлять ими» (там же, § 42).

Приведенные выдержки из главы об обязанностях учителей говорят о гуманном подходе к воспитанию и обучению по первому Уставу гимназий, о стремлении гармонично сочетать образование и воспитание.

В дальнейшем цели гимназии формулировались во все более воспитательном направлении. Уже не только знаниями должно было обладать выпускнику гимназии, но и высокой нравственностью. К началу 50-х гг. позапрошлого века укрепилось мнение, что назначение гимназии заключается в том, «чтобы из питомцев своих сделать людей» – «гимназия научает различным знаниям не потому, что они могут когда-нибудь принести выгоду в реальной жизни, нет – она пользуется ими только как средствами для достижения внутреннего образования» [6, с. 186].

Эпоха 60-х годов XIX в. активизировала озабоченность вопросами воспитания, культуры поведения, проблемами гуманизации отношений педагогов и воспитанников, что было закреплено Уставом гимназии 1864 г. [7]. Однако при этом в Уставе и официальных циркулярах не было статей, жестко регламентирующих характер взаимоотношений учителей и гимназистов. В разделе «Учащиеся» указывалось, что правила о взысканиях и поощрениях учащихся составляются местными педагогическими советами, в том числе и высшая мера наказания – исключение из гимназии – могла быть предпринята только по решению педагогического совета.

Со временем, хотя требование достижения высокой образованности для гимназиста оставалось неизменным, главной задачей гимназии было названо воспитание в духе православия, самодержавия и народности. «Школы должны служить не одному только умственному и научному образованию, но и религиозно-нравственному воспитанию, и физическому», – делал вывод представитель официальной педагогики И. П. Корнилов [8, с. 267].

Во второй половине XIX в. в гимназическом образовании все больше нарастали охранительные тенденции, выражавшиеся в повышенной заботе администрации о воспитании гимназистов в монархическом духе. Этот процесс был реакцией на усиление в стране революционных настроений и событий. Он хорошо прослеживается по потоку документации, поступавшей в гимназии после того или иного политического происшествия, как-то: покушение на Александра II, волнения в Польше 1864 г., убийство царя в 1881 г., школьные волнения 1905 г. Архивы петербургских, московских, киевских, одесских, харьковских, симферопольских гимназий хранят документы, подтверждающие этот факт [9, л. 1–2, 4–5, 10; 7, л. 31, 35; 11, л. 1 и т. д.].

В связи с изменениями общественной атмосферы цели и задачи гимназии смещались от собственно педагогических к политическим, и наоборот. При этом можем констатировать попытки достижения политических целей путем изменения состава учебных предметов. Так, дискуссионным стал вопрос о благотворном или вредоносном влиянии на благонадежность гимназистов классических языков или же естественных наук. Разумеется, в общем во второй половине XIX – начале XX в. основной задачей гимназии было дать своим воспитанникам общее образование. Ценность именно общего образования, а не специального была окончательно

признана в официальной педагогике уже в 60-х годах. Но при этом шла постоянная борьба вокруг вопроса о комплексе общеобразовательных дисциплин. В частности, что считать лучшими средствами для достижения цели: науки классические, гуманитарные – или реальные, естественные.

В основу Устава гимназии 1884 г. легла мысль о том, что гимназии имеют своей целью общее образование. Гимназии были поделены на классические и реальные. Министр А. В. Головин предложил деньги, отпускаемые Министерству народного просвещения, поделить поровну между ними. Но классические гимназии находились в более привилегированном положении. Так, в университет допускались только их выпускники, хотя и реальному образованию было дано право на жизнь. После покушения на Александра II в 1866 г. А. В. Головин был отстранен от должности и на его место назначен Д. А. Толстой, который считал, что «вопрос между древними языками и всякими другими способами обучения есть вопрос между православным и материалистическим направлением обучения и воспитания» и «надлежащее понимание уходит из-под учительского контроля, почему здесь и возможно, с одной стороны, развитие крайнего самомнения, а с другой – образование самых превратных воззрений» [12, л. 2].

Это мнение исходило из высших государственных сфер России, поэтому стало в системе образования приоритетным.

Д. А. Толстой в 1871–1872 гг. спешно провел реформу, возродившую победные позиции классицизма. С этого момента в обществе еще больше разгорелся протест против классической системы обучения.

Этот вопрос, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к проблеме взаимоотношений педагогов и воспитанников гимназии, но нельзя забывать, что история с классическими языками является тем фоном, на котором разворачивались определенные события в гимназиях второй половины XIX – начала XX в. Недовольство общества классической системой образования было столь сильным и явным, что его считали одной из основных причин гимназических волнений 1905–1906 и обострения отношений между педагогами и гимназистами [13, с. 61]. Изучение древнегреческого языка и латыни многими воспринималось как средство ухода от насущных проблем современности, как одурманивание юных умов бессмысленной зубрежкой. Рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре» ярко выразил отвращение к мертвечине казенных порядков, которые бдительно охранял латинист Беликов. Еще более мрачную картину представил Ф. К. Сологуб в романе «Мелкий бес».

Однако классическая гимназия имела и свои сильные стороны: она прививала любовь к истокам европейской культуры, расширяла гуманистический и гуманитарный кругозор. Неслучайно В. В. Розанов так озабоченно писал в начале века о гимназистах: «Почему не Вергилий, не Тацит и даже не какая-нибудь из новых хороших книг влечет их и убеждает, но плохой газетный листок и самая обыкновенная страница журнала?» [14, с. 11]. И нельзя забывать, что необычайный расцвет искусства, который теперь получил название Серебряного века, своими корнями, несомненно, уходил в эту плодотворную почву классического образования.

Поэтому наше обращение к данному вопросу закономерно: ведь и в постсоветскую эпоху, в 90-е годы уже XX века, возрождение гимназии началось именно с введения в школах-гимназиях классических языков. Необходимо сознавать, с какой целью вводились классические языки в современных гимназиях, зачем наша школа вновь обратилась к Вергилию и Тациту. Для того ли, чтобы научить детей писать и говорить на давно уже умерших языках? Не это главное, они были необходимы для создания базы общего образования, решающую роль в котором играют предметы гуманитарного цикла.

В 1871 г. был принят новый школьный устав. В нем само собой подразумевалось, что вопросы взаимоотношений педагогов и учащихся гимназий выстраиваются все на той же традиционной для России базе – «православие, самодержавие и народность». В русле этого Устава в 1872 г. были разработаны и изданы новые учебные планы и программы для гимназий. По установленному Министерством обычаю на должности директоров, инспекторов гимназий и классных наставников назначались преимущественно преподаватели древних языков. Тогда же, в 1872 г., были изданы очень подробные правила, регламентирующие поведение учащихся в школе и вне школы, порядок надзора за ними, обязанности классных наставников и т. д.

В истории отечественной гимназии с момента реформ начала 70-х гг. XIX в. можно проследить два противоположных пути. Первый можно назвать именем Министра просвещения Д. Л. Толстого – это путь формальной строгости, сурового, неуклонного утверждения принципов заранее заданной системы. При следовании по нему ломалось и крушилось все, что под эту систему не подходило, игнорировались как запросы общества и семьи, так и индивидуальность учащегося. Это путь недоверия к педагогам, желания регулировать и контролировать все их действия. На нем рождались, в свою очередь, и отношения недоверия между педагогами и воспитанниками. Так формализм и казенщина пропитывали весь гимназический процесс.

Другой, противоположно направленный путь связан с именем министра просвещения П. С. Ванновского. Он сложился как оппозиция первому, но отличался тем, что не имел своего программного содержания, оно сводилось лишь к отрицанию первого направления. Это путь слепых уступок общественному негодованию, вызванному первым направлением. На этом пути в результате бессистемных шагов и неуклюжих компромиссов утрачено было большинство педагогических ценностей. Фундаментальные курсы были заменены модными предметами. В этом случае за борт выбрасывались прежде всего слишком «тяжелые» культурные ценности, пока педагогическое судно, по образному выражению профессора Н. Н. Ланге, не превратилось в легкую лодочку [15, с. 5]. Учебный план гимназии постепенно превращался в «набор предметов и предметиков», в котором не было общей логики: то гигиена, то архитектура, то законоведение [15, с. 5]. То же наблюдалось и в воспитании: слабость и уступчивость – только бы никого не огорчать и не раздражать. А известная часть общества, как правило, и раньше, и теперь желала и желает своим детям легкой школы, забывая, что после легкой школы дети закономерно ищут и легкой жизни.

Сравнивая эти два пути, уже пройденные отечественной гимназией в своей истории, мы можем сделать вывод, что задача современной школы, как и гимназии позапрошлого века, – стать очагом культуры в обществе, возродить дух служения высшим культурным ценностям. А для этого не пригодны ни путь сурового формализма, ни путь слабовольной распушенности. На их место в истории отечественной гимназии уже перед самым ее закатом выдвигался третий – собственно педагогический: путь глубокого влияния на душу воспитанника, для которого свобода есть сознательное подчинение высшим целям культуры и нравственного долга. В этом признании своей культурной задачи находится для школы и сила сопротивления понижению образовательного и воспитательного уровня.

Так, на педагогическом съезде деятелей мужских гимназий Одесского учебного округа в 1918 г. были подведены итоги работы гимназии за последние годы и сделан вывод о том, что положение в гимназиях можно исправить только путем автономной педагогической реформы, на котором необходимо педагогам самим подняться до уровня современных культурных ценностей («Врач, исцели себя сам!») и привести свои отношения с воспитанниками в согласие с идеалами культуры и нравственности. Это и есть путь автономной педагогической реформы, то есть построения школы не извне, а изнутри, «не из строгости формальных требований и не из уступчивости требованиям публики, а из собственно педагогических задач. В гимназии должны присутствовать истинно педагогическая атмосфера и дух служения высшим ценностям, только при таких условиях школа может стать цитаделью культуры в обществе» [15, с. 6].

При анализе формально-уставных отношений педагогов и учащихся очень важен вопрос их соотношения с требованиями религии. В нашей послеоктябрьской педагогической науке эта тема почти не звучала по известным причинам. Но невозможно рассматривать проблему взаимоотношений в православном обществе, игнорируя факт его православия. Мировоззрение общества XIX в. было в основном православным. Общественная мораль и нравственность определялись религией. «Каждому известно, что выше и лучше учения Христова в сфере нравственной не было и не будет» [16, с. 17]. Это писал не религиозный фанатик, а ученый педагог и публицист своего времени. Более того, ученые-материалисты воспринимались официальными кругами как нонсенс, как исключение из правил.

Неслучайно девиз просвещения и образования в России – «православие, самодержавие и народность» – начинается с «православия», так как оно считалось всеобъемлющей основой для всего остального. Такую правительственную программу в деле просвещения обосновал министр народного просвещения, заявив, что «необходимо завладеть умами юношества», которому следует привить «истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества». В советской педагогической науке данная программа оценивалась исключительно негативно: «Внедрение начал православия, самодержавия и народности в школу стало главным направлением в деятельности Министерства народного просвещения. Оно осуществлялось путем настойчивой

борьбы с «разрушительными понятиями», умножением «числа умственных плотин» на пути развития молодежи, обуздания ее порывов и стремлений к приобретению «роскошных», т.е. широких знаний» [17, с. 183]. При этом надо отметить, что у нас иногда «Православие, Самодержавие и Народность» трактуются как способствующие угнетению детей исключительно из народа, призванные к воспитанию послушных рабов Церкви, царя и государства. Но дело обстояло сложнее: ведь этими же принципами руководствовались и воспитатели детей из самых привилегированных семей, в том числе и царской [18, с. 17–18]. Это были постулаты официальной педагогики, принятой в России в XIX в. и применявшейся повсеместно. Они предписывали воспитателям строить свои отношения с воспитанниками, исходя из строго заданных целей, быть в достижении их как можно жестче. При этом почти все дети, в том числе и наиболее знатных и богатых родителей, страдали от недостатка тепла и душевности со стороны своих наставников.

На наш взгляд, эту программу необходимо рассматривать не как план сдерживания стремления молодежи к знаниям, а наоборот, как стратегию для развития этих стремлений путем укрепления нравственности. Задачи нравственного воспитания в отечественной гимназии с 60-х гг. XIX в. выдвигались на первый план и до какой-то степени перекрывали чисто образовательные. Это происходило в силу того, что гимназия, как и вся отечественная педагогика того времени, переходила от утилитарного, прагматического образования к более гуманному, общечеловеческому. К этому моменту гимназия уже достигла заметных успехов в наполнении голов своих воспитанников определенной суммой знаний.

В середине XIX века наиболее дальновидные педагоги уже и тогда подчеркивали, что образование является проявлением только формы, но не содержания, а содержанием образовательного процесса в гимназии должна быть его воспитательная сторона. Это направление в педагогике было продолжением пути, указанном Н. И. Пироговым в статье «Вопросы жизни», в которой он среди необходимых качеств молодого человека указал твердость нравственных и религиозных убеждений, способность легко понимать, правильно мыслить, точно, ясно выражаться, сочувствовать всему высокому, доброму и великому, любить свою Отчизну, быть постоянным в своих намерениях, твердым и непоколебимым в их исполнении.

До преобразования гимназии по Уставу 1864 г. воспитание в ней как бы скрывалось за обучением, оно не составляло главной цели. Новый устав потребовал от гимназии, чтобы молодые люди обладали не только необходимыми сведениями, но и были воспитаны в религиозно-нравственном духе. Это положение раскрывалось в «Правилах для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения», регламентировавших жизнь гимназии. Требование религиозно-нравственного воспитания в гимназии постоянно и неизменно выдвигалось на первое место. Помимо общих документов (Устав, циркуляры и инструкции), в каждой гимназии существовали свои собственные правила для учащихся.

Эти правила обычно строго регламентировали отношения учащихся и педагогов. Инструкция неизменно ставила ученика в полное повиновение преподавателю и наставнику. Разумеется, она обычно требовала не только послушания, но и доброго, доверительного отношения к педагогу. Например, в «Правилах для учениц Владимирской женской гимназии», в § 18, указано, что ученицы обязаны: беспрекословно повиноваться своему ближайшему начальству, преподавателям, преподавательницам, как лицам, которым вверена ближайшая забота об их образовании и воспитании. В § 19 речь идет о том, что ученицы обязаны оказывать всякое почтение своему начальству, преподавателям и преподавательницам, при входе их в класс и при выходе из класса вставать со своих мест. При встрече на улице приветствовать их вежливым поклоном. Обращаться к ним, называя по имени и отчеству. «Правилами» и «Требованиями» регламентировалось отношение учащихся к педагогам. А отношение педагогов к учащимся определялось, помимо Устава, еще и служебными инструкциями.

Во второй половине 60-х гг. воспитательные цели гимназии все более выдвигались на первый план. При министре А. В. Головнине еще преобладало мнение о преимуществе ее образовательного назначения. Так считал и сам министр, ссылаясь на то, что учащиеся большую часть времени находятся в кругу семьи или лиц, ее заменяющих, поэтому и воспитательные влияния того круга сильнее, нежели гимназии.

При подчинении министерства Д. А. Толстому стала усиливаться именно воспитательная сторона обучения. Этот процесс выражался в значительной и все возрастающей регламентации жизни гимназии. Учебной администрации приходилось постоянно обращать внимание педагогов на то, что они не только предметники, но и воспитатели. С усилением революционных настроений в стране, по мере постепенного ослабления монархического духа в населении России, усиливался политический надзор за гимназистами. Лучшие педагоги пытались смягчить его, не допускать, чтобы он принимал характер полицейского надзора, но взаимоотношения педагогов и учащихся все же нередко уподоблялись отношениям полицейских чиновников и их подопечных.

В 80-х гг. отношения в гимназии еще больше регламентировались и формализовались. Это было связано с общей политикой правительства и обстановкой в стране, вызванной убийством Александра II. Рост антиправительственных настроений в обществе сказывался и на взаимоотношениях в гимназии.

Накануне первой русской революции все чаще звучали требования реформы института классных наставников. Несмотря на недостаток материальных средств, отпускаемых на образование, Министерство народного просвещения пошло на увеличение заработной платы классных наставников, так как вопросы воспитательной работы в гимназии к началу 1905 г. обострились. П. Ф. Каптерев писал: «Нравственность школы в ее связи с обществом. Она должна воспитывать и гражданина, и человека» [13, с. 56]. Но, как видим, эта верная установка получала воплощение в формах, изменение которых не всегда ей соответствовало.

Выводы. Таким образом, формально-уставные взаимоотношения учителей и учащихся гимназии и реальная культура их взаимоотношений определялись серией правительственных документов – Уставами гимназий; локальными актами – инструкциями для учащихся гимназий и прогимназий, инструкциями для классных наставников и их помощников, инструкциями для учащихся конкретных гимназий, циркулярами попечителей учебных округов и т. п.

Взаимоотношения педагогов и учащихся гимназии XIX – начала XX в. постепенно все более регламентировались. Устав гимназии при этом оставался той основой, на фоне которой создавались все новые указы, постановления и циркуляры, более детально определявшие взаимоотношения участников учебно-воспитательного процесса гимназии.

Анализ источников (официальных педагогических документов), а также педагогической литературы описываемого периода позволяет утверждать, что религиозно-нравственное воспитание учащихся было той основной идеей, вокруг которой концентрировалась работа гимназии, а также главным принципом при организации взаимоотношений педагогов и учащихся. Основной целью педагогов гимназий было усвоение учащимися норм общества, основанного на православной морали.

Необходимо отметить, что всеми официальными документами учащихся был поставлен по отношению к учителю в положение подчиненного. Но при этом педагог обязывался быть гуманным, внимательным и терпеливым по отношению к ученику.

Список литературы

1. Образование и педагогическая мысль Крыма (XIX – начало XX столетия) : монография / Под ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной. – Киев: Знання України, 2007. – 384 с.
2. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – № 1 (январь). – С. 36–40.
3. Шелягова А. А. Патриотическая составляющая деятельности гимназий Крыма в XIX – начало XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Том 2 (68). – № 2. – С. 75–99.
4. Зябкин В. Е. Педагогический процесс в школе. – Киев: Радянська школа, 1990. – 158 с.
5. Устав учебных заведений, подведомых университетам. – СПб., 1805. Б. т. л. и обложки. – 278 с.
6. Хлапин Г. В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. Санитарно-статистические исследования. – СПб., 1906. – 197 с.
7. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Изд-е С.-Петербургской Сенатской типограф., 1864. – 33 с.
8. Корнилов П. И. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. – СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902. – 441 с.
9. Государственный архив г. Киева. Отчет о работе гимназии за 1870 г. – Ф. 81 – Фонд 2-й мужской Киевской гимназии /1814–1918/. – Д. 8.
10. Государственный архив г. Киева. Общая ведомость об успехах и поведении за 1867 г. – Ф. 108 – Фонд Киевской 1-й мужской гимназии /1833–1919 гг./. – Д. 24.
11. Государственный архив Одесской области. Протоколы заседаний педагогических Советов учебных заведений по вопросу об обращении к учащимся на «ты» или «Вы» (1904–1905 гг.). – Ф. 733 – Фонд Департамента народного просвещения. – Оп. 164. – Д. 897, Д. 1769–76. – Секретная и конфиденциальная переписка.

12. Каптерев П. Ф. Новые движения в области народного образования и средней школы // Каптерев П. Ф., Музыченко А. Ф. Современные педагогические течения. – М.: Польза, 1913. – С. 6–103.
13. Розанов В. В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – 621 с.
14. Приложение к трудам педагогического съезда деятелей мужских гимназий и реальных училищ Одесского учебного округа. – Одесса: Печатное слово, 1916. – 135 с.
15. Острогорский В. И., Семенов Д. Д. Русские педагогические деятели. 1. Н. И. Пирогов. 2. К. Д. Ушинский. 3. Н. А. Корф. Изд-е 3-е. – СПб., 1914. – 85 с.
16. Корнилов П. И. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. – СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1902. – 441 с.
17. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. – М.: Современник, 1991. – 270 с.
18. Центральный государственный исторический архив в г. Москве. Дело Попечительского совета Московского учебного округа (1863-1864 гг.). – Ф. 459 – Фонд попечителя Московского учебного округа. – Оп. 11. – Д. 31.

Griva O. A. Peculiarities of the Culture of the Relationship of Teachers and Gymnasists in the Domestic Gymnasium in the XIX – the Beginning of XX Centuries // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 125–135.

The article describes the characteristics of the culture of the relationship of teachers and students in the history of the national gymnasium in the XIX - early XX centuries. The author analyzes the literary and archival sources revealing the essence and character of the manifestation of the relations of subjects of the educational process on the example of the Moscow, St. Petersburg, Kiev, Kharkov, Odessa and Simferopol gymnasiums. The article focuses on the analysis of the formal-statutory aspect of the relationship between teachers and schoolchildren, and also traces the dynamics of changes in their character from the time of the First Statute of the grammar schools of 1804 to the revolutionary events of the early 20th century. The author's interest in the problem of interrelations in the pre-October gymnasium is dictated by the presence of a number of unresolved ethical issues in current general education institutions, including, such as the culture of relationships between teachers and students. The author comes to the conclusion that the Russian pre-revolutionary gymnasium was not only a "school of drill and cramming," as it often appeared in the scientific and fiction of previous periods, but also as an educational institution in which the place of humane treatment of the child was located.

Key words: culture of relationships, teacher, student, history of the national gymnasium, Ministry of National Education.

References

1. Obrazovaniye i pedagogicheskaya mysl Kryma (XIX - nachalo XX stoletiya): monografiya / Pod red. A.V. Gluzmana. L. I. Redkinoy [Education and Pedagogical Thought of Crimea]. Kyev, Znaniya Ukrainy, 2007, 384 pages.
2. Pertsev V. V. Gimnazicheskoye obrazovaniye v dorevolutsionnoy Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [The Gymnasium Education in the Pre-revolutionary Russia: the Second Part of XIX – the Beginning of the XX cen.]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept», 2013, № 1 (january), P. 36-40.
3. Shelyagova A. A. Patrioticheskaya sostavlyayushchaya deyatelnosti gimnaziy Kryma v XIX – nachalo XX veka [The Patriotic Part of the Crimean Gymnasiums Activity of XIX – the Beginning of the XX cen.]. Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I.Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya, 2016, Vol. 2 (68), no. 2, P. 75- 99.
4. Zyabkin V. E. Pedagogicheskij process v shkole [Pedagogical Process at School]. Kiev: Radyans'ka shkola, 1990, 158 s.
5. Ustav uchebnyh zavedenij, podvedomyh universitetam [The charter of the educational institutions subconducted to the universities] SPb., 1805. B.t.1. i oblozhki, 278 s.
6. Hlapin G. V. Samoubijstva, pokusheniya na samoubijstva i neschastnye sluchai sredi uchashchihsya russkih uchebnyh zavedenij. Sanitarno-statisticheskie issledovaniya [Suicides, Attempts at Suicides and

- Accidents among Pupils of the Russian Educational Institutions. Sanitary and Statistical Researches.]. SPb., 1906, 197 s.
7. Ustav gimnazij i progimnazij vedomstva Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya [1864 Charter of gymnasiums and pro-gymnasiums of department of the Ministry of National Education]. SPb.: Izd-e S. Peterburgskoj Senatskoj tipograf., 1864, 33 p.
 8. Kornilov P. I. Zadachi russkogo prosveshcheniya v ego proshlom i nastoyashchem [Tasks of the Russian Education in his Past and the Present]. SPb., Type. A. P. Lopukhina, 1902, 441 pages.
 9. Gosudarstvennyj arhiv g. Kieva. Otchet o rabote gimnazii za 1870 g. [the state archive of Kiev the Report on work of a gymnasium for 1870]. F. 81, Fund of the 2nd men's Kiev gymnasium/1814–1918/. – 8.
 10. Gosudarstvennyj arhiv g. Kieva. Obschaya vedomost' ob uspekham i povedenii za 1867 g. [The state archive of Kiev the General sheet about progress and behavior for 1867]. F. 108, Fund of the Kiev 1st men's gymnasium of/1833-1919/. – 24.
 11. Gosudarstvennyj arhiv Odesskoj oblasti. Protokoly zasedanij pedagogicheskikh Sovetov uchebnykh zavedenij po voprosu ob obrashchenii k uchashchimsya na «ty» ili «Vy» (1904–1905 gg.). [The State Archive of Odessa Region Protocols of Meetings of Faculty Meetings of Educational Institutions on the Addresses to Pupils on "you" or "you" are (1904-1905). T. 733, Fund of Department of national education]. F. 733, Fond Departamenta narodnogo prosveshcheniya, Op. 164. – D. 897, D. 1769–76. – Sekret'naya i konfidencial'naya perepiska
 12. Kapterev P. F. Novye dvizheniya v oblasti narodnogo obrazovaniya i srednej shkoly [1913 The new movements in the field of national education and high school]. M.: Pol'za, Moscow, Advantage, 1913, P. 6-103.
 13. Rozanov V. V. Sumerki prosveshcheniya [Twilight of education]. M.: Pedagogika, 1990, 621 p.
 14. Prilozhenie k trudam pedagogicheskogo s'ezda deyatelej muzhskih gimnazij i real'nykh uchilishch Odesskogo uchebnogo okruga [An Annex to Works of a Pedagogical Congress of Figures of Men's Gymnasiums and Real Schools of the Odessa Educational District]. Odessa: Pechatnoe slovo, 1916, 135s.
 15. Ostrogorskij V. I., Semenov D. D. Russkie pedagogicheskie deyateli. [Russian Pedagogical Figures]. Izd-e 3-e., SPb., 1914, 85 s.
 16. Kornilov P. I. Zadachi russkogo prosveshcheniya v ego proshlom i nastoyashchem [Tasks of the Russian Education in his Past and the Present]. SPb.: Tip. A.P. Lopuhina, 1902, 441 s.
 17. Velikij knyaz' Aleksandr Mihajlovich. Kniga vospominanij [Grand duke Alexander Mikhaylovich. The Book of Memories]. M.: Sovremennik, 1991, 270 s.
 18. Central'nyj Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv v g. Moskve Delo Popechitel'skogo soveta Moskovskogo uchebnogo okruga (1863-1864 gg.) [The Central State Historical Archive in Moscow Business of the Board of Trustees of the Moscow Educational District (1863-1864)]. F. 459, Fond popechitelya Moskovskogo uchebnogo okruga. Op. 11. – D. 31.

УДК: 394.91

ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭТНОСОВ

Желнина З. Ю.

E-mail: zzhelnina@yandex.ru

В статье обсуждается тема этнографического туризма как предмета исследования культурологии, проведены аналогии проблем презентации жизни этносов в документальных фильмах и туризме. Культурология, опираясь на принципы герменевтического подхода, рассматривает жизнь этносов через устойчивые культурные инварианты и длительную динамику изменений, такой подход позволяет создать сложные описания культурных феноменов. Этнографический туризм активно осваивает достижения гуманитарных наук, но в индустрии предпочтительны рациональные формы работы, обеспечивающие ожидаемые эффекты за счет стандартизации сервиса, программ и маршрутов. В этнографическом туризме остро ощущается проблема нарратива в представлении истории и повседневности этноса. Спецификой креативных индустрий, к которым относится туризм, является то, что творческие решения позволяют достичь «приостановки неверия» со стороны туриста: также как и в этнографическом кино, участники предпочитают получать эмоции от игровой условности, допущений жанра. При этом диссонанс профессионального нарратива и самоидентификации этносов выходит в сферу этики межкультурной коммуникации. Негативным вариантом решения этической проблемы можно считать некритичную коммерциализацию стереотипного, упрощенного образа этноса. Позитивным – переосмысление этносом своей идентичности как реакции на контент этнографического тура или фильма, стремление к разъяснительному диалогу. Культурологическая компетентность в современном туризме становится одной из ключевых характеристик профессии, вместе с тем можно предположить, что бизнес декларирует такую потребность, не прилагая достаточных усилий для ее реализации.

Ключевые слова. этнографический туризм, нарративный анализ, культурология, культурная идентичность.

Дивергенция и конвергенция научного знания современного этапа образуют все более сложные траектории и поля сил в понимании развития мира людей, однако, не всегда сложившиеся знания переходят из одной практики в другую без утрат и искажений. Например, в культурологии социум рассматривается через устойчивые культурные инварианты и длительную динамику их изменений, при этом интерпретация культурных феноменов учитывает своеобразие ментальных программ и наблюдаемого социума, и самого наблюдателя – ученого-исследователя. Соответственно, разработки прикладной культурологии востребованы во многих отраслях культурных индустрий, в том числе, в туризме. Последний показывает быстрый рост и заметное умножение вариантов в спектре предложений событий,

программ и отдельных услуг, что определяет задачу использования большого массива научных данных, необходимых для содержательного наполнения путешествий, обеспечения работы гидов-экскурсоводов, специалистов, формирующих туристские продукты. Нет оснований предполагать, что такие задачи идеализированы и невыполнимы, конечно, специалисты надеются найти и применить корректные и актуальные данные, но в то же время наблюдения показывают значительное расхождение контента научной информации и повседневной туристской практики.

В системе экономических и проектно-технологических разработок туризм рассматривается с точки зрения прагматических выгод для развития территории, бизнеса, улучшения качества жизни человека, что предполагает видимые сроки достижения целей, устойчивые технологии, подходы и гарантии выполнения обязательств. В культурологическом исследовании туризм предстает объектом герменевтической интерпретации, то есть рассмотрения этой деятельности как текста, где переплетаются ценности участников путешествий, контексты туристских событий и смыслы культурных ландшафтов, при этом само путешествие значимо и как импульс развития культуры, и как форма существования, воспроизводства культурного наследия и текущего бытия. Безусловно, весьма интересным является то, что здесь появляется возможность ставить вопросы о том, как и почему участники туристской деятельности выбирают способы путешествия, объекты показа, формы и содержание рассказа, расставляют ценностные акценты в понимании увиденного и услышанного. Ответом на эти вопросы становятся ссылки на эмоциональный опыт других путешественников, литературные и медийные произведения творческих личностей и т.п., это вторичные источники, но их субъективность не сдерживает интерес, а наоборот, формирует стремление присоединиться к интересному жизненному опыту.

В идеальной модели тура и/или экскурсионной программы должны быть заложены достоверные, научно и художественно обогащенные тексты, множественность которых определена темой путешествия, пониманием особенностей целевой группы и рациональной логистики путешествия. Но, в отличие от идеальной модели, туристская индустрия выработала сжатые, рациональные формы работы, позволяющие достичь ожидаемых эффектов в первую очередь за счет стандартизации сервисов, программ и маршрутов. Примером многократно повторяющихся, оптимизированных продуктов становятся экскурсии, чаще всего они «привязаны» к объектам показа, для которых разработан текст рассказа необходимый и достаточный для туристского события. В культурно-познавательном туризме такие формы работы распространены в связи с тем, что в ограниченное время туристу необходимо осмыслить большой объем информации, возможно новой и необычной для него. К тому же достопримечательности на маршруте обладают некой универсальной визуальной и смысловой привлекательностью, обеспечивающей внимание туристов и понимание их ценности в прошлом и настоящем.

В более сложной ситуации находится гид и турист, когда они становятся участниками этнографического тура.

Этнографический туризм – вид туристской деятельности, где в основу тура заложен интерес к истории и культуре этноса, погружение в его подлинную жизнь, традиции в месте исторического проживания.

Благоприятным фактором для развития этнографического туризма становится ярко выраженная самобытность этносов, уровень сохранности материального и нематериального культурного наследия. В этнографическом туризме целесообразно выявить и представить доминирующую сторону жизненного опыта (истории, повседневности, ментальности), который раскрывает уникальность жизни конкретного этноса. При этом задача усложняется необходимостью визуализировать, а возможно, и материализовать рассказ.

Необходимо подчеркнуть и выделить, что культура любого народа представляет собой концентрический образ мира от персональной идентичности до космологии этноса, поэтому в этнографическом туризме основу интереса составляет именно нематериальная культура: язык, мифы, историческая память о реальных событиях, повседневные и ритуальные практики, система ценностей, табу, толкование графических символов и многое другое, что создает возможность самоидентификации этноса, установления культурной границы. Граница – значимое понятие и в материальном, и нематериальном мире. Но граница своей и чужой культуры может быть непреодолима, если интерес возник только с одной стороны, активное вторжение в культурное пространство, в том числе и с научными целями, может привести к неприятию такой межкультурной коммуникации. Так, в XIX и начале XX века некоторые путешественники по Кольскому северу высказывали мнение, что у местных жителей – саамов – нет своего фольклора, по их мнению, это отражает низкий уровень развития этноса [1]. С таким утверждением не соглашались русский писатель и этнограф В. И. Немирович-Данченко, исследователи севера В. Ю. Визе, Н. Н. Харузин, В. В. Чарнолуский, которые доказывали, что саамы, в силу своих охранительных традиций, неохотно рассказывали свои сказки и предания пришлым людям, предпочитая ответить, что они об этом ничего не знают, именно отсюда возникло ложное представление об ограниченности созерцательного мира лопарей.

Естественным культурным процессом является то, что в любом поколении прошлое «создается и изменяется», поэтому сам народ объясняет свою историю через рефлексию сегодняшней жизни, и чем сложнее текущая коммуникация, тем многообразнее интерпретации культуры этноса. Этот процесс может проходить и как умножение культурного опыта, и как его ассимилирующая деформация. Поэтому специалисты в этнографическом туризме должны уметь критически оценивать культурологическую информацию, создаваемую в разное время, разными авторами, в том числе носителями этнической культуры, в этом есть преимущество герменевтического подхода, принципы которого утверждают:

- культурный текст всегда существует как незавершенная интерпретация;
- текст и его понимание зависит от участников коммуникации и событийных контекстов;
- каждая новая ретроспекция и исторический контекст создают варианты смыслов и оценок социальных явлений.

Проблемы этнографического туризма можно сопоставить с проблемами этнографического кино, так как в экскурсии или туре необходимо «показать» короткий сюжет из жизни этноса, при этом он должен обладать способностью представить более глубокое понимание этнокультурного развития.

Этнографическое кино прошло путь от экзотической кинохроники до сложных кинопроектов, отражающих научные и просветительские цели. Тема представления этнических реалий в этнографическом кино вызывает дискуссии с начала съемок первых фильмов в 20-х годах XX века. Классик документального кино Д. Вертов (1896–1954 гг.) призывал исключить постановочные сцены и художественные сценарии. Другое мнение высказывал классик этнофильмов А. А. Литвинов (1898–1977 гг.), утверждавший, что фиксация повседневности не позволяет понять суть жизни народа, поэтому сюжет становится нитью диалога со зрителем, но необходимо, чтобы он опирался на подлинные научные исследования. Так, например, был создан уникальный фильм «Лесные люди», в основу которого положена книга В. К. Арсеньева (1872–1930 гг.), путешественника и исследователя Дальнего Востока [2, 3].

На протяжении десятилетий и документальные, и художественные этнографические фильмы погружены в полемику, касающуюся выбора тональности сюжетной линии, проблемы корректности закадрового комментирования, режиссерской постановки сцен, «цитирования» канонических интерпретаций культуры, стигматизации «чужих» [6], использования музыки экзогенных культур для сопровождения видеоряда. Даже этот неполный перечень экранных конфликтов раскрывает трудности в сфере креативной этнографии. Одновременно возникает и поле коммерческой трэвел-журналистики, которая активно использует технологии шокового противопоставления, эффекты тревожного или комического ожидания, тем самым привлекая и удерживая внимание любопытствующей публики.

Проблемы погружения в иную культуру средствами этнографического туризма ставит подобные вопросы не менее остро, добавляя собственные конфликты, что можно проследить на примере организации северных этнографических туров.

Интерес к яркой инаковости в северном туризме во многом определен тем, что человек городской цивилизации испытывает стресс «безликого многообразия», повторяющейся повседневности, стандартного комфорта. Но отсюда же иное времяпрепровождение нередко предполагает релаксирующее потребление, ожидание гарантированного качества и сервисного, и интеллектуального продукта. При проектировании этнографических туров наиболее часто звучит требование не только образности и научной достоверности рассказа, но и доказанной аутентичности объектов показа, это касается как материальных, так и нематериальных объектов. При этом можно услышать сентенции туристов, что «сейчас уже не те олениводы... не такие поморы...» и т. п. Гости циркумполярного мира неосознанно, но эгоистично хотят консервации образа жизни северных народов, сохранения традиционных промыслов, обрядов, повседневности. Это существенная культурологическая проблема – столкновение представлений человека о континууме и константах социума. Основная масса туристов воспринимает вариативность собственной жизни как должное, повседневный мир

технологических благ и сервисов как прагматическую необходимость, изменчивость ощущается как прогресс. Однако в путешествиях турист некритично ожидает показа «прошлой жизни» этносов, так же, как осмотра археологических памятников или музейных коллекций. По сути, турист не столько осмысливает жизнь данной территории, сколько осваивает ее образ по уже существующим культурным маркерам. Причем эти маркеры носят искусственный характер, отражают обобщенный образ места, к тому же маршруты обычно ограничены возможностями логистики.

Безусловно, потребительская любознательность присуща не всем туристам, все большее число путешественников высказывают склонность к «мягкому» и «медленному» туризму.

«Мягкий» туризм – это не конкретный вид туризма, а видение образа поведения в путешествии, согласно которому турист своим пребыванием в дестинации не разрушает местную культуру и повседневность, а, наоборот, стремится к пониманию особенностей культуры, сотрудничеству в освоении ремесленных практик, кухни и др. В этом случае предполагается умеренный темп перемещения, длительные остановки в одной точке маршрута, взаимодействие с жителями в экскурсионных и творческих программах.

«Медленный» туризм противостоит невротизирующей скорости впечатлений и коммуникаций, предполагает принятие места как ресурса личного роста. Так, в романе «Медленное возвращение домой» (1979 г.) его автор Петер Хандке создал образ ландшафта, который превратился во внутреннюю силу, субстанцию рефлексии героя.

Для индустрии «мягкий» и «медленный» туризм сложны своей нелинейностью, зависимостью от своеобразия социальных компетенций и самого туриста, и гида-проводника в местной культуре. Однако такие принципы весьма продуктивны в этнографическом туризме.

Теория этнографического туризма еще не вполне сложилась, не выработаны маркеры для его границ, например, к этническим турам относят поездки по программам сельского туризма, а поездки в провинциальные города с гомогенной культурой повседневности идентифицируются как культурно-познавательные экскурсии.

Еще более сложным вопросом является практика этнографического нарратива, который должен раскрыть смысл социальных уз этноса (к ним относятся этические, оценочные, коммуникативные модели этноса, образ его восприятия мира и деятельностьная культура), что само по себе сложно, и одновременно этот текст субъективен из-за авторского понимания окружающего мира.

Нарратив – интеллектуальный продукт рассказчика, композиция и репрезентация смыслов, выбор риторики и эвристической аргументации, проявляющие в итоге субъективное отношение автора к излагаемой теме, его коммуникативную компетентность и социальную ответственность.

Талант собирателя сведений и интерпретатора культурного достояния позволяет разработать авторские туры и экскурсии, которые особенно ценятся в этнографическом туризме. Используя литературные аналогии, можно

предположить: если стандартная экскурсия – это репортаж с места события (пребывания), то авторская экскурсия – это эссе, рассуждение на основе взвешивания, сравнения, концентрации на смыслах, предметная эрудиция при этом не создает завершенных утверждений, не претендует на менторство в понимании своеобразия культуры.

Одной из главных проблем нарратива в этнографическом туризме можно назвать проблему источника знаний: справочная литература, научные публикации являются привычными источниками, но они создают фабулу и методологическую базу компетенций, в то время как этнографический туризм предполагает рассказ «от лица этноса», то есть необходимы культурные тексты, построенные на основе личного опыта взаимодействия, наблюдения и освоения этнических кодов. Интересны в этом ключе путевые записки творческих людей, обладающих особым эмоциональным видением окружающего мира, например, в небольшой книге «У самоедов. От Пинеги до Карского моря» художник А. А. Борисов [5] описывает и свои впечатления от природы севера, и жизнь местного населения – традиции в оленеводстве, суеверия, их семейные отношения, зависимость от перекупщиков и многое другое. Художник Н. В. Пинегин в книге «Записки полярника: воспоминания о походах в Арктику в дореволюционное и советское время» [6] рассказывает о беседах с местными жителями о повседневности морских промыслов, оснащении русских и норвежских рыболовных судов. Обе книги рассказывают о жизни малых народов (саамов и ненцев) начала XX века, для современного гида, по существу, такие путевые заметки сопоставимы с научными первоисточниками и общением с местным населением.

Этнографическая компетентность как уровень культурной эрудиции человека включает в себя не только широкий спектр тематических знаний, но и принципиальную позицию, с которой рассматриваются вопросы этнокультурологии, здесь важно определить свое отношение к сложившимся моделям наблюдения этносов:

- модель «культурной дистанции этносов»;
- модель «несинхронного культурного времени»;
- модель «центростремительности и центробежности культурных ориентиров»;
- модель идеализации традиций, ретрособытий, социальной стратификации прошлого.

Эти и другие модели нестабильны, обладают в большей мере ориентирующим потенциалом, позволяющим избежать в нарративе жестких социальных стереотипов.

Применение опыта нарративного анализа в методологии этнографического туризма позволяет выстроить систему оценок стандартных и авторских этнографических экскурсий и предложить формы рассказа-презентации культуры этноса.

Стандартная этнографическая экскурсия (тур) включает в себя поездку в этническое поселение, осмотр традиционного жилища, дегустацию местной еды, анимацию на тему культового или бытового обряда, фотосессию в одежде с этническим колоритом. Особым интересом у туристов пользуются домашние

животные, которые сопровождают и раскрывают повседневную жизнь этноса. Обычно этнотур не бывает длительным, например, тур «Чумовые выходные в Арктике» предлагает провести выходные дни в поселках близ Нарьян-Мара (Ненецкий автономный округ). Подобные поездки почти всегда однократные, эмоционально и визуально насыщенные, поэтому гиды-сопровождающие минимизируют путевую информацию, и в этом случае туристы особенно уязвимы к фактографическим ошибкам, стереотипному толкованию, мистификациям. Изоморфный подход в построении коммерчески выгодного тура обычно объясняют ожиданиями туриста (усредненный запрос клиента) и объективными ограничениями логистики тура. Туристы, конечно, понимают условность погружения в культуру этноса, но благодаря необычности события для личного опыта возникает состояние приостановки неверия, то есть добровольного признания игрового начала этнотура в качестве приемлемого обоснования программы путешествия, нередко туристы изначально не хотят видеть рутину повседневности.

Авторские этнографические туры занимают узкий сегмент рынка, в реальном предложении они фактически представлены как нестандартные краеведческие туры (для дестинаций с небольшой территорией и ярко выраженной культурной идентичностью этноса) или как событийные туры (поездки на этнофестивали, праздники, выставки). В этом случае в отзывах туристов важное место занимают оценки общих знаний гида, а также использование уместных этнических литературных и музыкальных произведений, фольклора или кулинарных рецептов.

Сопоставление текстов различных авторских экскурсий позволяет сделать вывод, что помимо нарратива на художественные темы интересным содержанием повествования являются:

- этнопедагогика (методы и социальные установки в воспитании детей);
- космологическая идентичность (самовосприятие этноса в многоуровневом мире);
- политическая идентичность (самовосприятие этноса в текущей жизни и стратегия саморазвития).

В авторских экскурсиях этнографический рассказ опирается не столько на естественную хронологию жизни народа, сколько на скрепы культурных событий, которые привели к формированию этнического кода (ментального и визуального). Фактически основой рассказа гида-экскурсовода становится интертекст, то есть коммуникация идет на основе изложения источников, созданных в культуре этноса.

Нарратив этнографических туров может стать ценным материалом для развития самосознания этноса: творческие находки в экскурсии, гостеприимный диалог создают импульс для воспроизводства культурных ценностей, но даже в случае негатива по отношению к неудачной реплике этнокультурного феномена ситуация заставляет искать пути преодоления культурного конфликта. Таким образом, формируется запрос на самоописание этноса, активные презентации культурных смыслов через литературу, кино, творческие события, возникает и поддерживается стремление быть понятыми в мультикультурном мире.

Формирование способности к нарративному анализу этнокультурных текстов, этнических самопрезентаций выводит на высокий уровень квалификацию

специалистов этнографического туризма. Авторское повествование в таком случае не приводит к вычитанию смыслов, а создает интерес к культурному поиску, интеракции. В зависимости от туристской аудитории можно предложить свое видение этнокультурных феноменов или использовать классические траектории погружения в культуру. По сути, современный этнографический туризм формирует поле новых этнокультурных практик, где нарративный анализ актуален как технология для интеллектуальных решений туристского продукта, способного многогранно отразить культурные реалии этноса. Этнографический тур создает дополненную реальность, предлагая к обсуждению показ с реконструкцией космологии, художественной практики и видения будущего этноса. Не менее важен этнографический туризм для самого этноса, который вовлечен в коммуникации, так как он позволяет взглянуть на собственную жизнь через призму чужого суждения, изменить предложенный нарратив и тем самым создать более точную и сложную интерпретацию своей идентичности.

Список литературы

1. Бодрова О. А. Фольклорные сказки и предания Кольских саамов в трудах российских исследователей XIX–XX вв. / О. А. Бодрова // Труды Кольского научного центра РАН. – 2014. – № 2. – С. 89–108.
2. Головнев И. А. Чукотская экспедиция А. Литвинова. Финал советского этнокино / И. А. Головнев // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 118–127.
3. Головнев И. А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино / И. А. Головнев // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 3. – С. 83–98 (грант РНФ «14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации»).
4. Почкай Е. П. Категория «другие» в этнографических экранных путешествиях / Е. П. Почкай // Век информации. – 2015. – Том 1. – № 2–1. – С. 235–245.
5. Борисов А. А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. – С.-Петербург: издание А. Ф. Девриена, 1907. – 104 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/388466>.
6. Пинегин Н. В. Записки полярника: воспоминания о походах в Арктику в дореволюционное и советское время / Н. В. Пинегин. – Архангельск: Севкрайгиз, тип. «Северный Печатник» в Вологде, 1936. – 328 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/411995>.

Zheltnina Z. Y. The Potential of Ethnographic Tourism in the Development of the Cultural Identity of the Ethnos // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 136–144.

The article discusses the topic of ethnographic tourism as an object of cultural studies, conducts analogies of problems of observing the life of ethnic groups in documentary films and tourism. The culturology is based on the principles of the hermeneutic campaign, therefore it considers the life of ethnic groups through stable cultural invariants and the long-term dynamics of changes, this approach allows creating complex descriptions of cultural phenomena. Ethnographic tourism is actively mastering the achievements of the humanities, but in the industry there are rational forms of work that provide the expected effects due to the standardization of services, programs and routes. Ethnographic tourism has a problem of narrative representing the history and everyday life of an ethnos. The key to the success of creative industries, which include tourism, are creative solutions that allow reaching a "suspension of disbelief" on the part of the tourist: just like in ethnographic cinema, participants prefer to receive emotions from the game convention, the assumptions of the genre. However, the dissonance of the professional narrative and the self-identification of ethnic groups goes into the ethics of intercultural communication. The negative option of solving the ethical problem can be considered non-critical commercialization of the stereotyped, simplified image of the ethnos. The positive is the rethinking of the ethnos identity as a reaction to the content of ethnographic tourism or films, aspiration for an

explanatory dialogue. Cultural competence in modern tourism is becoming one of the key characteristics of the profession, but it can be assumed that the business declares such a need without making sufficient efforts to implement it.

Keywords: ethnographic tourism, excursion, narrative analysis, cultural studies, cultural identity.

References

1. Bodrova O. A. Folklorniye skazki i predania Kolskih saamov v trudah rossiyskikh issledovateley XIX-XX vekov [Folk Tales and Legends of the Kola Sámi in Papers of Russian Researches of the 19th and 20th Centuries]. Trudy Kolskogo nauchnogo centra RAN [Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, N 2, p. 89-108.
2. Golovnev I. A. Chukotskaya ekspeditsia A. Litvinova. Final sovietskogo kino [Chukotka Expedition of A. Litvinov. The Finale of the Soviet Ethnokino]. Uralsky Vestnik [The Urals Historical Herald], 2014, no. 3, p. 118-127.
3. Golovnev I. A. «Lesnye liudi» - fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino [«Forest People» – the Phenomenon of Soviet Ethnographic Cinema]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 2016, no. 3, p. 83-98. Grant of the RNF «14-18-01882 «Mobility in the Arctic: Ethnic Traditions and Technological Innovations».
4. Pochkay E. P. Kategorii drugie v etnograficheskikh ekrannykh puteshestviyakh [Category «Others» in Ethnographic Screen Travel]. Vek informatsii [Information age], 2015, Vol. 1, no. 2-1, p. 235-245.
5. Borisov A. A. U samoedov. Ot Pinegi do Karskogo moria [In the Samoyedovs. from Pinega to the Kara Sea]. St. Petersburg, the publication of A. F. Devrien, 1907, 104 p.]. URL: [https://www.prilib.ru/item/388466].
6. Pinegin N. V. Zapiski polarnika: vospominania o pohodah v Arktiku v dorevolutsionnoe i sovietskoie vremia [Notes of the Polar Explorer: Memories of the Campaigns to the Arctic in Pre-Revolutionary and Soviet Times]. Arhangelsk, «The Northern Printer» in Vologda, 1936, 328 p. URL: [https://www.prilib.ru/item/411995].

УДК 29:293:299.18:342.15

РАДИКАЛИЗМ СОВРЕМЕННЫХ НЕОЯЗЫЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ

Кахута И. О.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ikahuta@mail.ru

Начиная с конца XX столетия в России, а также на всем постсоветском пространстве отмечается появление неоязыческих организаций и движений, что обусловлено острым социальным, экономическим, политическим и духовным кризисом, который и на сегодняшний день продолжает переживать наше общество. Невзирая на достаточно длительный период своего существования, в наши дни неоязычество объединяет не только множество динамично развивающихся направлений, но и ряд течений, находящихся на стадии своего становления. Примечательно то, что некоторые из них на волне актуальных геополитических трансформаций приобретают радикальный контекст. Такое многообразие затрудняет изучение неоязычества как феномена. В статье поднимаются вопросы истории формирования неоязычества как в контексте отечественной истории, так и с учетом зарубежного опыта, а также культурологические основания неоязычества. Отдельное внимание уделяется особенностям неоязычества радикального толка, рассматривается противозаконная деятельность идеологов некоторых неоязыческих организаций, анализируется идеологическая составляющая современного неоязычества. Исследование направлено на изучение неоязычества как феномена современной цивилизации, подвергаются анализу причины проявления радикализма в неоязычестве, исследованы радикальные направления неоязычества, а также выделены причины их распространения и популярности.

Ключевые слова: неоязычество, родноверие, скандинаво-германское неоязычество, вотанисты, Misanthropic Division, радикализм.

Постсоветский период ознаменовался для нашего государства тяжелейшим экономическим и социальным кризисом. Существовавший ранее оплот идеологии социализма был разрушен и уже не имел весомого значения. Граждане, некогда объединенные одной идеей и движимые общими целями, перестали верить в государство, закон и справедливость. Социальная нестабильность, перемены в обществе, небывалый рост преступности, нищета и многие другие проблемы переходного периода в совокупности привели к переоценке ценностей, дезориентации личности [1]. Девальвация старых ценностей повлекла за собой отрицание старых форм жизни, что привело к потере обществом жизненных ориентиров, в результате чего образовался экзистенциальный вакуум. Вскоре в образовавшуюся пустоту хлынула волна всевозможных вероучений, идеологий, нетрадиционных религий и направлений в культуре, укоренившихся в системе социальных отношений. Одним из таких проявлений стало активное развитие

неоязычества на территории постсоветского пространства. На сегодняшний день с некоторыми представителями неоязычества в России связано совершение противоправных деяний, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений. В связи с этим проблема исследования неоязыческих течений является достаточно актуальной.

Теоретическую основу исследования составили научные труды ученых П. Хомякова, Л. Рыбакова, Е. Катарова, Е. Аничникова, Г. Носовой, А. Гурко, В. Шнирельмана, И. Куликова, А. Гайдукова и др. Также в ходе работы были изучены статистические показатели организаций и материалы СМИ.

Сам термин «язычество» закреплен в христианском вероучении (слово «язцы» в переводе с церковно-славянского означает «народы») и обозначает нехристианские религии, существовавшие до принятия христианства [2; 3; 4]. По сравнению с мировой практикой до нас дошло не так много достоверных сведений о древнеславянском язычестве, что дает основание для современной обработки некоторых идей.

Тем не менее известно, что славянские языческие верования, как и другие политеистические религии того времени, прошли несколько этапов своего формирования: от веры в многочисленных безликих духов (лешие, русалки, водяные, домовые и т. д.) до формирования пантеона богов. Божеством-творцом считался «Род», который создал мир (некоторые выделяют отражение этого божества в русском языке, например в таких словах, как «народ», «родина», «родители», «природа» и т. д.) и является отцом Сварога, который завершил создание мира (с его именем язычники связывают происхождение слова «сварганить») и возглавил обширный древнеславянский пантеон богов. Однако помимо общих богов, существовало множество местных племенных божеств.

Язычество способствовало поддержанию высокого уровня сплоченности в общине. Через славянские языческие обряды передавались знания о мире, людях, хозяйственной деятельности, природных явлениях. Также языческие праздники соответствовали сезонным изменениям года и круговороту земледельческих работ. Особое место в язычестве занимал принцип равенства и родства человека с природой. Все это в совокупности помогало нашим предкам ориентироваться в окружающем их мире и делало его более понятным.

В 988 году Киевская Русь приняла христианство, что во многом было связано с религиозными реформами, которые проводились князем Владимиром [5]. Но несмотря на это многие положения древнеславянского язычества нашли свое отражение в православии, а также в русской этнической культуре, обрядах и в бытовой жизни (праздники Масленица, Ивана Купала, колядки, обряды заговора воды, культ святых источников, поклонение мощам святых, гадания и т. д.) [6].

Впоследствии интерес к язычеству возник в XIX веке. В этот же период были немногочисленные попытки возрождения язычества в России. В некоторых случаях это было связано с процессами, направленными на разрушение православия, которое являлось идеологической основой Российской империи.

В летописях Украинской повстанческой армии упоминается, что в 1944 году в районе сел Грабина и Подзверинец (Западная Украина) в составе УПА воевал отряд имени Перуна, создателем которого был ученый В. Шаян [7].

В СССР в 80-х годах стало популярным изучение дохристианских верований. Следует отметить академиков АН СССР П. Хомякова и Л. Рыбакова, которые принимали участие в исследовании славянского язычества [8]. Кроме того, в этот период были сняты художественные фильмы, которые затрагивали древнеславянскую языческую тематику, особенно выделяется фильм «Русь изначальная».

В странах Западной Европы неоязычество, или нативизм, получил свое распространение в 60-х годах (во Франции и Англии). Первый секретарь ЮНЕСКО Дж. Хаски в 1952 году основал Международный гуманистический и этический союз (International Humanist and Ethical Union), который занимался изучением религиозных систем в различных культурах, их трансформациями и возможностями реанимации древних языческих религий.

В 1964 году в Чикаго по инициативе представителей украинской диаспоры была официально зарегистрирована первая община неоязыческой организации – Родной украинской национальной веры (РУН-вера), центр которой сегодня находится в американском городе Спринг Глен [9].

На сегодняшний день ст. 13 Конституции РФ предусматривает идеологическое разнообразие [10, ст.13; 11]. По данным Минюста РФ в 2006 году было официально зарегистрировано 8 неоязыческих организаций. Однако эти данные уже не соответствуют действительности. Кроме того, большинство неоязыческих организаций не имеет какой-либо официальной регистрации. В 2012 году некоммерческой службой «Sreda» в рамках проекта «Атлас религий и национальностей России» был проведен опрос среди населения РФ. По данным опроса, 1,2 % населения России придерживается язычества [12].

В современной науке не существует общего определения понятия неоязычества. Во многом это обусловлено тем, что само по себе неоязычество не едино и имеет множество течений, что вызывает затруднения в его понимании. К примеру, религиовед А. В. Гурко определяет неоязычество как новую религию, построенную на основе политеистических верований для поиска новой этнической идентичности и для разработки новой идеологической системы [13, с. 3]. Антрополог А. В. Шнирельман под неоязычеством понимает искусственно созданное с целью возрождения национальной духовности вероучение, основанное на локальных языческих верованиях [14, с. 3]. Противоположной позиции придерживается В. Прибыловский, считающий неоязычество политизированной квазирелигией, которую можно определить как мифологизированную форму расовой, этнической и религиозной ксенофобии [15]. В свою очередь, глава информационного центра МВД полковник А. И. Хвыля утверждал, что большинство неоязыческих обществ представляют собой организации, проповедующие антихристианские, экстремистские идеи, побуждающие к религиозной розни [16].

Религиовед А. В. Гайдуков дает наиболее полное определение, согласно которому под неоязычеством понимается совокупность религиозных,

парарелигиозных, общественно-политических, историко-культурных объединений и движений, основанных на дохристианских верованиях и культах, магических обрядах, практиках, целью деятельности которых является их реконструкция и возрождение [17].

В целом, среди российского неоязычества можно отметить два идеологических направления: 1) славянское, среди них выделяются так называемые «родноверы»; 2) западноевропейское, или скандинавское, к которым относятся «единисты», «вотанисты», «асатру» и др. Однако данное деление весьма условно, так как идеология неоязычества, распространенного на постсоветском пространстве, характеризуется разнообразием. Как правило, языческие общины не имеют централизованной системы и существуют отдельно друг от друга. Старейшина неоязыческого объединения «Община Вятчей» разделяет два направления неоязычества, одно – разрушительное, проповедующее борьбу с христианством за русскую духовность, а второе – созидательное, занимающиеся освоением духовного наследия предков. Также большинство участников подобных объединений воспринимают неоязычество не как религию, а как образ жизни или некий способ отдыха и развлечения и не считают себя неоязычниками, называя себя «родноверами», последователями истинной русской веры и т. д.

В рамках данного исследования неоязычество будет разделено на течения, в зависимости от направления деятельности. Таким образом, под неоязыческим течением понимается совокупность религиозных, общественных, политических объединений и движений, основанных на неоязыческих учениях и занимающихся определенным видом деятельности.

Условно в неоязычестве можно выделить следующие течения:

1) Народно-бытовое язычество (представляет собой совокупность суеверий, оккультно-магических практик, гаданий, сглазов, веры в приметы и т. д.).

2) Этническое язычество (к таковому можно отнести шаманские культы народов Сибири и Дальнего Востока).

3) Экологическое течение (связывают свое мировоззрение с идеями экологии. К таковому относится «Круг языческой традиции»).

4) Целительские неоязыческие течения (особенно выделяются последователи Порфирия Иванова).

5) Радикальные течения неоязычества, которое опирается на идею национальной исключительности. К радикальному течению неоязычества относятся: «Русское национально-освободительное движение», «Союз сотворцов Святой Руси», «Движение к Богодержавию» генерала Петрова, «Партия духовного ведического социализма», «Стрелы Ярилы» А. Добровольского, «Славяно-Арийские веды», «Рун-Вера» (распространены на Украине), «Misanthropic Division» и др.

Именно радикальному течению неоязычества следует уделить особое внимание ввиду пропаганды его последователями радикальных идей. На сегодняшний день в списке экстремистских материалов более 160 неоязыческих текстов. При этом большая часть из этих записей появилась в списке после громких преступлений [18].

Характерным признаком данной группы течений является активное распространение националистических идей, которые заключаются в отстаивании интересов славянской нации (русские, украинцы, белорусы) либо белой расы (характерно для скандинаво-германского неоязычества). По сути данные группы можно считать и националистическим течением неоязычества.

Сама по себе идеология перечисленных языческих течений схожа с националистическими идеями 3-го рейха, и зачастую последователи даже не скрывают этого. Особенно распространены принципы антисемитизма и антихристианства. Один из главных идеологов современного неоязычества в России Алексей Добровольский (он же «Доброслав») был в числе разработчиков доктринальной основы течения, впоследствии запрещенного ввиду реализации радикальной деятельности, ранее привлекался к уголовной ответственности и был приговорен к 2 годам лишения свободы.

В 90-х годах Добровольский стал одним из главных создателей неоязыческой идеологии. «Доброслав» ввел так называемый обряд «раскрещивания», совместив его со «славянонареканием». Нередко такие обряды сопровождались сжиганием икон. Эти обряды самые важные для представителей неоязычества и по сути сравнимы с крещением для христиан. Многие представители неоязычества, среди которых были приверженцы националистических взглядов, приезжали к Добровольскому для проведения этих обрядов под его руководством. Также с Добровольским связывают введение приветствия «От сердца к солнцу», которое имеет сходство с немецким «Зиг Халь». При этом сам Добровольский не скрывал своей симпатии к гитлеровской Германии. В итоге ряд идей Доброслава был признан экстремистским [16].

Следует уделить внимание Дмитрию Демушкину, который в 90-х годах организовал национал-социалистическое движение «Славянский союз» (СС). Члены данной организации принимали активное участие в «Русских маршах», неоднократно сталкивались с силами правопорядка. На собраниях этой организации отработывались приемы рукопашного, ножевого боя, основы огневой подготовки, тактическая подготовка и т. д. Среди членов этой организации также имелись узнаваемые символы – «коловрат», а также приветствие «слава России», имеющее сходство с вскидыванием руки «от сердца к солнцу». В 2010 году эта организация была запрещена, на смену ей пришла организация «Славянская сила», которая вскоре также была запрещена. Сам Демушкин неоднократно привлекался к уголовной ответственности за экстремистскую деятельность. Сегодня Демушкин продолжает свою деятельность. Им было создано несколько школ обучения «Казачьему ножевому бою», которые распространены в России, Белоруссии и на Украине [25].

Ряд неоязыческих течений националистического толка придерживаются идей государственного переворота и смены власти в России. Некоторые из них лично принимали участие в государственном перевороте [19].

Следует обратить внимание на то, что представители неоязыческих движений Украины также принимали активное участие в государственном перевороте 2014 года и продолжают участвовать в боевых действиях в зоне вооруженного конфликта

на юго-востоке страны. К примеру, представители языческой организации «Белый молот» воевали в составе ОУН, Правого сектора, батальонов «Азов» и «Айдар». Позднее представителями «Белого молота» была создана отдельная 8-ая стрелковая рота в рядах «Правого сектора» под названием «Аратта» (слово заимствовано из шумерской мифологии и означает древнюю горную страну). Члены этой организации считают, что, помимо войны с сепаратизмом, на Украине идет борьба с христианством [20]. С представителями данной организации связывают осквернение памятника Владимиру Великому в Киеве, а также снос мемориального креста в Мариуполе [21]. Кроме того, на территориях, подконтрольных националистическим батальонам Украины, отмечается множество случаев поджогов православных храмов [22].

Помимо Украинских националистов, активное участие в конфликте на Украине принимают и российские неоязычники. При этом российские язычники воюют на стороне как Украины (ведут борьбу против «оккупации» Украины, придерживаются идеи объединения славян, воспринимают конфликт на Донбассе как борьбу с христианством), так и самопровозглашенных республик.

Следует уделить особое внимание неоязыческому движению «*Misanthropic Division*» (MD) (дословно – человеконенавидящая дивизия). Данное движение основывается на синтезе германо-скандинавского, славянского язычества, а также неонацистской идеологии. Представителей «MD» принято называть «вотанистами» или «одинистами». Представители данного движения почитают как скандинавских богов, так и славянских, при этом скандинавским божествам отводится главенствующая роль. В «*Misanthropic Division*» особенно развит культ воинства. Каждый последователь этого направления считает себя воином, для которого наивысшей честью является смерть в бою, после которого он попадет в «Вальхаллу». В определенной степени это движение имеет сходство с запрещенной в России организацией «Исламское государство», особенно в приверженности к радикализму и жестокости, фанатичном отношении к смерти. Существуют сведения о том, что представители этого движения воевали в составе ИГ.

Еще до событий на Майдане члены MD проходили подготовку в военных лагерях украинских националистов. На Евромайдане представители MD отличились применением «коктейлей Молотова» против представителей правопорядка. Данные язычники выступали с надписями «убивать за Вотана», уже тогда среди них были российские граждане. В дальнейшем в составе националистического батальона «Азов» было сформировано отдельное подразделение из числа последователей «*Misanthropic Division*», в рядах которых – множество представителей из России [23].

С 2008 по 2015 годы в России прокатилась волна поджогов и взрывов православных храмов, жестокие убийства священнослужителей и верующих во время литургии, бездомных, непосредственное участие в которых принимали представители неоязыческих организаций. При задержании у ряда правонарушителей было обнаружено огнестрельное оружие и самодельные взрывные устройства. Почти все задержанные относили себя к «родноверам». В августе 2017 года в центре Ростова произошло крупное возгорание.

Ответственность за поджог на себе взяла неоязыческая организация «Русского национального подполье» [24]. Сегодня силовые подразделения сталкиваются не только с простыми фанатиками, но и с хорошо подготовленными и обученными бойцами, имеющими внушительный арсенал оружия и материального обеспечения.

Анализируя особенности идеологии и принципы деятельности описанных радикальных направлений, можно выделить ряд причин проявления радикальных идей в неоязычестве.

Во-первых, тяжелая социально-экономическая обстановка 1990-х и 2000-х годов повлекла за собой рост оппозиционных, антигосударственных настроений. Оппозиционеры используют националистические неоязыческие организации как средство для прихода к власти.

Во-вторых, межнациональные конфликты, в частности с народами Кавказа, приезжими из Средней Азии, которые отличаются высоким уровнем национальной сплоченности. Это обуславливается недовольством жителей центральной и южной части России «вызывающим» поведением некоторых представителей данных групп. Кроме того, вооруженный конфликт в Чечне, а также ряд терактов, совершенных чеченскими террористическими группировками, повлекли за собой усложнение межнациональных отношений и рост националистических настроений как среди русского населения, так и среди народов Северного Кавказа.

В-третьих, распространение всевозможных радикальных настроений через СМИ и Интернет. Существует множество скрытых источников, которые занимаются вовлечением в экстремистскую деятельность.

В-четвертых, существует проблема качества образования и воспитания в школах. На сегодняшний день учебные заведения фактически ориентированы на подготовку к экзаменам, а не на воспитание и развитие личности учащихся, что приводит к потере интереса к знаниям, саморазвитию и влечет за собой «формальное» получение образования. Все это усугубляется недостаточным патриотическим воспитанием наравне с активным навязыванием иностранной, в частности западной, культуры, вследствие чего молодежь становится более подверженной экстремистским призывам и настроениям, воспринимая подобное как нечто романтическое и более перспективное.

В-пятых, целенаправленная деятельность иностранных организаций, которые активно поддерживают оппозиционные движения для дестабилизации обстановки в России. Во многом технологии распространения антигосударственных, националистических, экстремистских настроений очень схожи с технологиями, применявшимися в Югославии (националистические группировки Хорватов, Албанцев), Приднестровском конфликте (прорумынское националистическое течение «унионистов» и молдавские националисты – «молдавенисты»), в странах Ближнего Востока, в период «Арабской весны», а также на Украине.

Конечно, не каждый неоязычник является экстремистом или террористом. Некоторые идейные положения неоязыческих организаций имеют вполне положительные моменты. В частности, любовь к родине, бережное отношение к природе, окружающей среде. Многие представители данных течений придерживаются патриотических взглядов и искренне желают того, чтобы Россия

была великой, что бы в ней был порядок, свято чтились русская культура, традиции и духовность, но, к сожалению, нередко они становятся жертвами идеологической манипуляции. Лжеучения преподносят в виде истинно русских учений, идей, мифов, атрибутики, которые зачастую вовсе чужды русской истории.

Это не значит, что следует признать радикальной древнерусскую языческую культуру, считать ее угрозой для православных ценностей. Так или иначе, следы язычества прослеживаются в культуре и истории России. Напротив, следует поддерживать организации, которые действительно занимаются глубоким изучением древнерусской культуры, не поддаваясь при этом всевозможным сторонним псевдоучениям и не навязывая каких-либо взглядов, что позволит избежать противоречий. Но стоит учесть, что в ряде случаев радикальные направления являются бомбой замедленного действия, заложенной недоброжелателями России для того, чтобы сбить ее с пути развития, на который наше государство с трудом смогло встать после тяжелейшего кризиса.

Список литературы

1. Чудина-Шмидт Н. В. Экстремальные проявления современного российского общества // Социально-экономические, психолого-педагогические, философские и правовые аспекты развития общества: Сборник материалов всероссийского научно-практического круглого стола. – Ставрополь: ООО «СЕКВОЙЯ», 2016. – С. 133–137.
2. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.
3. Катаров Е. Г. Религии древних славян / Е. Г. Катаров. – М.: Практические знания, 1918. – 73 с.
4. Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
5. Принятие христианства на Руси: причины, значение, последствия. URL: <http://istoriarusi.ru/kyev/prinjatie-hristianstva-na-rusi.html> (Дата обращения: 29.03.2018).
6. Носова Г. А. Язычество в православии / Г. А. Носова. – М.: Наука, 1975. – 152 с.
7. Летопись Украинской повстанческой армии. – Львов: Летопись УПА, 1993. – 438 с.
8. Язычество. Неоязычники наступают? URL: <http://www.apolresearch.org/win/index.php3?razd=11&id2=3164> (Дата обращения: 29.03.2018).
9. Шестая колонна: язычники-родноверы, Майдан и русские национал-радикалы. URL: <http://krestovayapustin.cerkov.ru/2015/02/06/shestaya-kolonna-yazychniki-rodnovery-majdan-i-russkie-nacional-radikaly/> (Дата обращения: 29.03.2018).
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в редакции 21 июля 2014 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
11. Буткевич С. А. Свобода совести и вероисповедания: проблемы законодательного регулирования на федеральном и региональном уровнях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 58–63.
12. Атлас религий и национальностей России. URL: <http://sreda.org/arena/about-project> (Дата обращения: 29.03.2018).
13. Гурко А. В. Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. – Минск : Издательство МИУ, 2006. – 274 с.
14. Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм: восточноевропейский ареал: монография / В. А. Шнирельман. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), 1998. – 30 с.
15. Определение понятия «неоязычество». Сущности характеристики неоязычества // Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. – Том 3. Неоязычество. Часть 1. М., 2000. – С. 20–26.

16. Куликов И. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера : энциклопедия. – Том 3. Неоязычество. – Часть 1. – М., 2000. – 394 с.
17. Гайдуков А. В. Идеология и практика славянского неоязычества. Дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2000. – 156 с.
18. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (Дата обращения: 30.03.2018).
19. Перуново племя. Как неоязычники создают альтернативный русский народ. URL: https://life.ru/t/religiya/918161/pierunovo_pliemia_kak_nieoiaz_uchnikisozdaiutalternativnyi_russkii_narod (Дата обращения: 30.03.2018).
20. Национал-радикалы под знаменем Одина и Перуна. URL: <https://strana.ua/articles/rassledovania/36405-nacional-radikaly-pod-znamenem-odina-i-peruna.html> (Дата обращения: 30.03.2018).
21. В Киеве неизвестные залили памятник Владимиру красной краской. URL: <https://strana.ua/news/33391-pamyatnik-vladimiru-zabrosali.html> (Дата обращения: 30.03.2018).
22. Религиозная война против православия на Украине. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_11505 (Дата обращения: 30.03.2018).
23. ИГИЛ и НЕОязычники Misanthropic Division. URL: <https://cont.ws/@sergios/208052> (Дата обращения: 30.03.2018).
24. Коноплева А. А. Деятельность сотрудников ОВД в условиях межкультурных взаимодействий: монография / А. А. Коноплева. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. – 92 с.
25. Верховный суд окончательно запретил «Славянский союз». URL: <http://newsliga.ru> (Дата обращения: 30.03.2018).

Kahuta I. O. The Radicalism Of Modern Neo-paganism Flows // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 145-155.

Since the end of the 20th century, the emergence of neo-pagan organizations and movements has been observed in Russia, as well as throughout the post-Soviet space, due to the acute social, economic, political and spiritual crisis that our society continues to experience today. Despite a rather long period of its existence, neo-paganism today unites not only a lot of dynamically developing directions, but also a number of currents that are at the stage of their formation. It is noteworthy that some of them, on the wave of topical geopolitical transformations, acquire a radical context. Such diversity makes it difficult to study neopaganism as a phenomenon. The article raises the questions of the history of the formation of the Neo-Paganism both in the context of the national history, and taking into account the foreign experience, as well as the cultural grounds for neopaganism. Special attention is paid to the peculiarities of the radical neo-paganism, illegal activity of the ideologists of some neo-pagan organizations is considered, the ideological component of modern neo-paganism is analyzed. The research is aimed at studying neopaganism as a phenomenon of modern civilization, analyze the reasons for the manifestation of radicalism in neo-paganism, investigate the radical directions of neopaganism, and outline the reasons for their spread and popularity.

Key words: neo-paganism, paganism, rodnoverie, Nordic and Germanic neo-paganism, votanists, Misanthropic Division, radicalism.

References

1. CHudina-SHmidt N. V. EHkstrema'nye proyavleniya sovremennogo rossijskogo obshchestva [Extreme Manifestations of Modern Russian Society]. Social'no-ehkonomicheskie, psihologo-pedagogicheskie, filosofskie i pravovye aspekty razvitiya obshchestva: Sbornik materialov vsrossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola. Stavropol', OOO «SEKVOJYA», 2016, p. 133-137.
2. Anichkov E. V. Yazychestvo i Drevnyaya Rus' [Paganism and Ancient Rus']. SPb., Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1914, 386 p.
3. Katarov E. G. Religiya drevnih slavyan [Religions of the Ancient Slavs]. Moscow, Prakticheskie znaniya, 1918, 73 p.
4. Rybakov B. A. Osnovnye problemy izucheniya slavyanskogo yazychestva [The Main Problems of Studying Slavic Paganism]. Moscow, Nauka, 1981, 608 p.
5. Prinyatie hristianstva na Rusi: prichiny, znachenie, posledstviya [Acceptance of Christianity in Rus: Causes, Significance, Consequences]. URL: <http://istoriarusi.ru/kiy/prinyatie-hristianstva-na-rusi.html> (Accessed: 29.03.2018).
6. Nosova G.A. Yazychestvo v pravoslavii [Paganism in Orthodoxy]. Moscow, Nauka, 1975, 152 p.
7. Letopis' Ukrainskoj Povstancheskoy Armii [Chronicle of the Ukrainian Insurgent Army]. L'vov, Letopis' UPA, 1993, 438 p.
8. Yazychestvo. Neoyazychniki nastupayut? [Paganism. Are Neo-pagans Coming?] URL: <http://www.apolresearch.org/win/index.php3?razd=11&id2=3164> (Accessed: 29.03.2018).
9. SHestaya kolonna: yazychniki-rodnovery, Majdan i russkie nacional-radikaly» [The Sixth Column: Pagan-rodnovery, Maidan and Russian National Radicals.]. URL: <http://krestovayapustin.cerkov.ru/2015/02/06/shestaya-kolonna-yazychniki-rodnovery-majdan-i-russkie-nacional-radikaly/> (Accessed: 29.03.2018).
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (v redakcii 21 iyulya 2014 g.) [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on July 21, 2014)]. Rossijskaya gazeta, 1993, 25 dekabrya.
11. Butkevich S. A. Svoboda sovesti i veroispovedaniya: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya na federal'nom i regional'nom urovnyah [Freedom of Conscience and Religion: Problems of Legislative Regulation at the Federal and Regional Levels]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2017, № 1 (73), p. 58-63.
12. Atlas religij i nacional'nostej Rossii [Atlas of Religions and Nationalities of Russia]. URL: <http://sreda.org/arena/about-project> (Accessed: 29.03.2018).
13. Gurko A.V. Novye religii v Respublike Belarus': genezis, ehvolyuciya, posledovateli [New Religions in the Republic of Belarus: Genesis, Evolution, Followers]. Minsk, Izd-vo MIU, 2006, 274 p.
14. SHnirel'man V. A. Neoyazychestvo i nacionalizm: vostochnoevropejskij areal: monografiya [Neopaganism and Nationalism: Eastern European Area: Monograph]. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN (Moskva), 1998, 30 p.
15. Opredelenie ponyatiya «neoyazychestvo. Sushchnosti harakteristiki neoyazychestva [Definition of the Term "Neopaganism". Essence of the Characteristic of Neopaganism]. Novye religioznye organizacii Rossii destruktivnogo, okkul'tnogo i neoyazycheskogo haraktera: Spravochnik, Tom. 3. Neoyazychestvo, CHast' 1, Moscow, 2000, p. 20 – 26.
16. Kulikov I. Novye religioznye organizacii Rossii destruktivnogo, okkul'tnogo i neoyazycheskogo haraktera: ehnciklopediya [New Religious Organizations of Russia of Destructive, Occult and Neo-pagan Character: Encyclopedia]. Tom 3. Neoyazychestvo. CHast' 1, Moscow, 2000, 394 p.
17. Gajdukov A. V. Ideologiya i praktika slavyanskogo neoyazychestva [Ideology and Practice of Slavic Neopaganism.]. Dis. ... kand. filos. Nauk. SPb., 2000, 156 p.
18. Federal'nyj spisok ehkstremit'skikh materialov [Federal List of Extremist Materials]. URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (Data accessed: 30.03.2018).
19. Perunovo plemya. Kak neoyazychniki sozdayut al'ternativnyj russkij narod [The Perunovo Tribe. As Neopagans Create an Alternative Russian People]. URL: https://life.ru/t/religiya/918161/pierunovo_pliemia_kak_nieoiaz_sozdaiutalternativnyi_russkii_narod (Accessed: 30.03.2018).

20. Nacional-radikaly pod znamenem Odina i Peruna [National Radicals under the Banner of Odin and Perun]. URL: <https://strana.ua/articles/rassledovania/36405-nacional-radikaly-pod-znamenem-odina-i-peruna.html> (Accessed: 30.03.2018).
21. V Kieve neizvestnye zalili pamyatnik Vladimiru krasnoj kraskoj [In Kiev, Unknown People Flooded the Monument to Vladimir with Red Paint.]. URL: <https://strana.ua/news/33391-pamyatnik-vladimiru-zabrosali.html> (Accessed: 30.03.2018).
22. Religioznaya vojna protiv pravoslaviya na Ukraine [Religious War Against Orthodoxy in Ukraine]. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_11505 (Accessed: 30.03.2018).
23. IGIL i NEOyazychniki Misanthropic Division [ISIL and Neopagans of Misanthropic Division]. URL: <https://cont.ws/@sergios/208052> (Accessed: 30.03.2018).
24. Konopleva A. A. Deyatel'nost' sotrudnikov OVD v usloviyah mezhekul'turnyh vza-imodejstvij : monografiya [Activity of ATS Employees in Conditions of Intercultural Interactions: Monograph] Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2016, 92 p.
25. The Supreme Court finally banned the "Slavic Union" / / [Internet resource]. URL: <http://newsliga.ru> (Accessed: 30.03.2018).

УДК 008

МИФИЗАЦИЯ КОСМОНАВТИКИ В ЗЕРКАЛАХ КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ

Тяглова М. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: tyamar@rambler.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты мифизации космонавтики и, в частности, мифизация личности первого космонавта – Ю. Гагарина. С одной стороны, наблюдается институциональная поддержка сакрализации образа Гагарина, с другой стороны, Гагарин остается «народным» сакральным авторитетом, что отображается в явлениях современной культуры, таких, например, как интернет-мемы. Гагарин становится фольклорным героем, а для научного мировоззрения – героем культурным, символом освобождения от предрассудков и суеверий. Обращение к этому авторитету – это реакция на официальную поддержку религии, на усиление ее влияния на образование, а также на общий упадок просвещения, распространение сект и эзотерических учений. В образе Гагарина соединяются сакрализация гуманистического и героического начал, христианский миф о жертве и искуплении и архаические мифы о культурном герое и первопредке. Архаические представления, отражающиеся в восприятии космонавтики и космонавтов, рудименты некоторых архаических верований находят выражение в поздравительных открытках, частушках, юмористических стихах, интернет-мемах. В то же время Гагарин становится символом образа будущего, продуцирующим уже новейшие мифы, сакрализацию научного знания и прогресса.

Ключевые слова: миф, мифизация, Юрий Гагарин, космонавтика, космонавт.

Цель данной статьи – изучение процессов мифизации и сакрализации достижений космонавтики в современном культурном сознании на примере фигуры Ю. А. Гагарина. Задачами статьи являются выделение наиболее значимых аспектов и форм проявления мифизации и сакрализации фигуры Гагарина, а также анализ их воплощения в советской и современной культуре.

В XX столетии процессы мифизации новых явлений современности и ремифологизации культурного сознания в целом приобретают невиданный размах. Миф остается важнейшей структурой культурного сознания, моделирующей повседневную реальность, и проявляет себя во многих ипостасях. Мифизация и сакрализация – это механизмы, постоянно использовавшиеся для формирования идеологических построений, в том числе и в советской идеологии. Одним из знаковых явлений в истории советского государства, несомненно, выступил проект покорения космоса, чья популярность в обществе вылилась в настоящий культ космонавтики.

Формирующаяся советская мифология многими слоями общества была воспринята через призму традиционного мышления и имела глубинную связь с архаическими представлениями. Марксизм «был переварен и трансформирован традиционным мышлением так же, как в свое время христианство вновь окрещенными языческими народами» и смог утвердиться благодаря заложенной в нем возможности «соответствовать парадигме мифологического мышления» [14, с. 53–54]. Явные мифологические параллели прослеживаются в выборе государственных символов, в тяготении к огненной и воздушной символике, которая в архаических культурах зачастую характеризовала силы космоса, упорядочивавшие вселенную. Это обусловило, по мнению некоторых исследователей, саму одержимость идеей полета и последующий культ космонавтики [там же].

В постперестроечный период и в 2000-е годы намечается деконструкция советского космического мифа, что находит отражение в литературе (В. Пелевин «ОМОН-РА», 1992) и в кино («Космос как предчувствие» А. Учителя, 2005, «Бумажный солдат» А. Германа-младшего, 2008), где полет в космос становится альтернативой советской действительности [12]. Однако в последнее время на государственном и общественном уровне возрождается интерес к космонавтике, появляются новые фильмы («Гагарин. Первый в космосе» П. Пархоменко, 2013, «Время первых» Д. Киселева, 2017., «Салют-7» К. Шипенко, 2017) – и космический миф снова актуализируется.

Космос (греч. Κόσμος – «мир», «вселенная»), понятие, которое можно рассматривать как мифическое представление, как философскую категорию и как природную среду, космическое пространство, изучаемое современной наукой. Представление о космосе претерпело значительную трансформацию и имело множество попыток осмысления. Космогонические мифы широко представлены в мировой культуре, они объясняли происхождение вселенной, создание земли и неба. В античной Греции «космос» – это понятие, относившееся к области философии и культуры, воплощавшее «представление о природном мире как о пластически упорядоченном гармоническом целом», которое противопоставлялось «хаосу». В представлении древнегреческих философов в понятии «космос» соединялись две функции – упорядочивающая и эстетическая [11].

В Средние века под влиянием христианства образ мира представлялся в виде символической системы, своего рода «собора идей» и определялся библейскими постулатами и учением Аристотеля [8]. В эпоху Возрождения утвердился принцип антропоцентризма, и человек стал частью космоса. В Новое время наметилась постепенная десакрализация категорий пространства и времени, появилось их истолкование через понятие механического движения, в 1543 году была опубликована знаковая для развития всей мировой цивилизации книга Николая Коперника «Об обращении небесных сфер», а в дальнейшем произошло постепенное вытеснение теологии из сферы знаний о космосе. Философия русского космизма в конце XIX не только обратила внимание на проблему космоса в философском и мировоззренческом плане, но и породила первую последовательную научно обоснованную программу его освоения [8].

В XX столетии изучение космоса приобретает невиданный доселе размах, происходит прорыв в области научного знания о вселенной. В то же время освоение космоса становится новой утопической «религией», в которой в гармоническом единстве соединяются сакральные ценности истины и свободы, ренессансный антропоцентризм, наполненный гуманистическим пафосом.

Как отмечают П. Вайль и А. А. Генис в своей книге «60-е. Мир советского человека», в эти годы космос становится «символом тотального освобождения», полет Гагарина – «точкой прорыва к свободе». Этот полет приобретает мифический масштаб: «...недоступное и вечно желанное небо стало ближе. Оно перестало быть прежним, потому что Гагарин оплодотворил его – как мужчина оплодотворяет женщину, но в этом было целомудрие и красота древнего мифа» [1, с. 34–35]. Освоение космоса восполнило назревшую нужду в подвиге, который получил статус универсального деяния, не принадлежавшего простому смертному [там же].

Не мог избежать мифизации и образ первого космонавта – Ю. А. Гагарина. Официальная идеология превозносила Гагарина, он был символом советского прогресса, «рекламой» социалистического строя (что особенно ярко иллюстрируют его зарубежные поездки). Официальные материалы (открытки, фотографии, афиши, газетные статьи и так далее) институализировали сакрализацию фигуры Гагарина, его изображения приобрели определенную каноничность, его биография стала своеобразным «житием».

Мифизация Гагарина имела общекультурные основания – мифизация «сверху» соединилась со стихийной народной мифизацией. Возник настоящий культ Гагарина (не только в СССР, но и во всем мире), появился целый пласт фольклора, посвященный космонавтике (частушки, стишки, в том числе – эротического содержания, пародии). В образе первого космонавта архаические черты соединились с образом Будущего [4]. Фигура Гагарина наделяется сакральным авторитетом, и даже разочарование в космическом проекте как показателе успеха советского государства не снижает этот авторитет. Фигура Гагарина остается олицетворением мечты о прекрасном человечестве – утопическом «Мире Полудня», описанном впоследствии братьями Стругацкими в одноименном цикле произведений.

Впоследствии в мифизации самих образов космонавтов «причудливо смешались демократические запросы народного государства и религиозные каноны» – будучи обычными советскими гражданами, «простыми парнями из соседнего двора», космонавты были окружены таинственностью небожителей и высокими достоинствами служителей культа, их путь ввысь был уделом мифологических персонажей [1, с. 39].

Рассматривая аспекты сакрализации и мифизации фигуры Гагарина, можно выделить такие ее направления:

1. Идеологическая подоплека: мифизация простого советского человека, и в то же время сакрализация гуманистического начала.
2. Героическое начало, мифизация героя, который мог не вернуться – обращение к сакральности подвига.
3. Сакрализация научного мировоззрения.

4. Сакрализация свободы.

В мифологическом плане в образе Гагарина соединяются христианский миф (триада «Отец – Сын – Святой Дух»), которую представляют Королев, Гагарин и Циолковский) [5] и миф о культурном герое.

Коннотации с архаическими представлениями прослеживаются, на наш взгляд, достаточно отчетливо. Первый космонавт выступает культурным героем и первопредком, который первым упорядочивает необжитый первозданный «хаос» (в космогоническом смысле), который таким образом превращается в «космос». Реальная составляющая – полет – приобретает мифологические мотивы, ведь герои мифов зачастую способны летать, они тем или иным образом достигают «верхнего мира», где обитают боги и духи, и проходят свой путь небесные светила. Изображения летящего над землей Гагарина и космонавтов могут вызывать такие подсознательные мифологические ассоциации. Даже частушки эротического характера, посвященные космонавтике, соответствуют архаическому представлению о плодovitости героя и его невероятной сексуальной силе, его способности «оплодотворить», сделать своим это пока что необжитое бесплодное пространство.

Несмотря на популяризацию научных фактов о космосе, космическое пространство продолжает мифизироваться, происходит новый виток ремифологизации, который подпитывается образами массовой культуры. С одной стороны, мифизация космоса и любого «необжитого пространства» – достаточно архаичное явление. С другой стороны, в эпоху его освоения происходит перекодирование представлений об этом пространстве, оно включается в существующие культурные и религиозные мифы. Оставаясь неведомым «необжитым пространством», космос населяется НЛЮ, представителями внеземных цивилизаций – по сути, это духи и чудовища, которых человек древности «встречал» за пределами своего поселения, в «ином мире». Что любопытно, в частушках и «стишках-пирожках» (четырёхстрочные стихи без рифмы, без знаков препинания и заглавных букв, строго определенного ритма и размера – четырёхстопный ямб, 9-8-9-8 слогов) космонавты контактируют с этими обитателями «иноного мира»:

«Сложней всего на эмкаэсе, –
поведал старый космонавт, –
пить с марсианами их пойло
и вызывать для них такси».

На пике популярности космонавтики на поздравительные открытки к различным праздникам помещают изображения космонавтов. Это не только День космонавтики, но и Новый год, 8 марта и так далее. Так космонавты оказываются причастными к знаковым точкам календарного цикла, освещают календарные праздники и как бы поддерживают и укрепляют само мироздание. Новогодние

открытки изображают космонавтов, которые замещают Деда Мороза: везут подарки и елку.

Среди официальных материалов, посвященных Ю. Гагарину, примечательно издание поэмы А. Лиханова «Сын России» [13] (1982), иллюстрированное рисунками в стиле палехской росписи; впоследствии также издается набор сувенирных открыток «Сын России» (1987). Поэма Ю. Лиханова – это современный героический эпос, в котором Гагарин ставится в один ряд с персонажами былин и сказок.

Сама по себе палехская роспись наследовала традиционные приемы палехской иконописной школы, а также, по мнению ряда исследователей, в ходе становления и развития обращалась к наследию разных эпох: графическим иллюстрациям Франции XIX века, средневековой персидской миниатюре, античному художественному наследию [7, с. 721].

С помощью традиционных стилистических приемов на иллюстрациях обыгрываются образы Ю. А. Гагарина, С. П. Королева и К. Э. Циолковского. Гагарин в этих сюжетах предстает одновременно классическим героем и святым: биографический рассказ, изображенный на открытках, показан как своеобразное «житие». Очень ярко здесь обыгрываются и мифологические параллели. Открытки в стиле палехской росписи ставят Гагарина в один ряд с мифическим Икаром, сам Гагарин изображается на небесной колеснице в окружении солярной символики, исполинский Гагарин опирается на Земной Шар. Таким образом, с помощью традиционных приемов палехской росписи и устоявшихся способов изображения персонажей такая интерпретация органично встраивается в существующую культурную традицию.

Заслуживает внимания иллюстрация «Между небом и землей», где Гагарин на небесной колеснице помещен между небом, представленным парящим сонмом космонавтов, и землей, где происходит народное гулянье. Гагарин буквально связывает эти два мира (в его руках две красные звезды, которые символическими узами соединяются с «небом» и «землей»), он выступает своеобразным медиатором частей Вселенной.

Не менее примечательна аллюзия на иллюстрацию «На поле Куликовом», где изображены два сражающихся богатыря. Существует современная интерпретация этого рисунка, которая представляет собой интересный пример переосмысления образа, где в роли богатырей выступают Ю. Гагарин и Дарт Вейдер, персонаж масштабной киноэпопеи «Звездные войны». Таким образом, реальный Гагарин и Вейдер сближаются – Гагарин приобретает статус полULEгендарного, мифического персонажа, Вейдер же становится более реальным. При этом Гагарин будто бы входит в мир «Звездных войн», выступая противником перешедшего на «Темную сторону Силы» Дарта Вейдера, становится сам рыцарем-джедаем – в его руках «световой меч» цветов «Светлой стороны». Это изображение иронически обыгрывает противостояние СССР и «тлетворного Запада», но на первый план выходит мифическое противостояние сил добра и зла. Интересно, что интернет-фольклор обыгрывает этот момент, появляются частушки:

У Дарта Вейдера в столе

Всякого навалено:

Карты разные галактик

И портрет Гагарина.

И Гагарин, и Вейдер становятся героями одного пространства, и даже темный лорд из выдуманной киновселенной отдает дань уважения первому космонавту.

Трагическая гибель Гагарина также вписалась в мифологический канон, будучи воспринятой как параллель гибели мифического Икара. В рамках христианского дискурса она стала восприниматься как жертва, искупление, с последующим вознесением. Как уже упоминалось, в советской «иконографии» образ Гагарина подается как воплощение Бога-сына [5]. Несмотря на последующее развенчание, ироническое переворачивание, эти образы остаются сближенными.

Заслуживает внимания знаменитое плакатное высказывание «Бога из космоса не видать», появившееся после высказывания Гагарина, что Бога он в космосе не видел. С одной стороны, покорение космоса, вступление человечества в «космическую эру» утверждает торжество науки над предрассудками, но, с другой стороны, происходит новый виток мифизации. В визуальном выражении Гагарин-бог заменяет христианского Бога, миф заменяется мифом.

Очень интересной была в данном случае реакция пользователей Интернета на календарное совпадение Пасхи и Дня космонавтики в 2015 году [2; 6]. Появились многочисленные шутки («Он сказал: “Воистину!” и махнул рукой», «–Гагарин летал! – Воистину летал!») и множество импровизированных открыток. Пользователи Интернета создавали коллажи и изображения, где иронически, а иногда и саркастически обыгрывалось это совпадение. На изображениях соседствовали Ю. Гагарин и церковная символика, Иисус Христос в скафандре космонавта. Некоторые изображения объединили два события (планета Земля в форме пасхального яйца – коннотации с образами архаической мифологии – Мировым яйцом, изображения Ю. Гагарина на пасхальных яйцах, яйцо в виде шаттла «Восход», ракета в форме церкви на открытке и так далее, ложная, «фейковая» обложка православного журнала «Фома», где в образе Христа изображен Гагарин), некоторые Пасху и День космонавтики противопоставили («А что будешь праздновать ты?»). Любопытно также, что пользователи Интернета предлагают Русской православной церкви канонизировать Гагарина¹.

Еще одним знаковым событием в «День пасхонавтики» можно считать уличную инсталляцию художника Алексея Жунева, который в центре Перми на стене здания поместил изображение распятого космонавта. Выбор здания был не случаен: оно располагается рядом со зданием Спасо-Преображенского кафедрального собора, которое долгое время вмещало Пермскую государственную галерею, но впоследствии было возвращено Русской православной церкви, а галерея осталась

¹<http://vladivostok.livejournal.com/6724943.html>

без помещения. На своей странице в «Facebook» художник объяснил, почему был использован образ Гагарина: «Это современный Иисус от науки, добровольно принявший на себя первые космические муки человечества. Тяга к звездам притянула его болтами к стальному кресту. И он стал суперзвездой – как Иисус Христос! Его образ используется государством как икона патриотизма. Он воскрес в медийном пространстве, в нашей памяти и уже никогда не умрет» [3].

Еще одним удивительным примером соединения научного и религиозного мифа можно считать анонс мероприятия «Космическая пасха, или Евангелие от Гагарина» в «Facebook»². В анонсе мероприятия открывается якобы тщательно скрываемая правда: Гагарин видел в космосе Бога, после гибели первого космонавта его останки отправили в секретную лабораторию, где пытались воскресить. В комментариях к анонсу участники мероприятия выдвигают другую версию: Гагарин не был воскрешен, а реинкарнировал. Здесь философское учение Н. Федорова и миф о воскресении соединяются с верой в эзотерические таинства и с мифизацией науки.

Юрий Гагарин выступает сакральным авторитетом, «благородным предком». В этом отношении знаменательна надпись, появившаяся на памятнике ему рядом со зданием МГУ им. М. В. Ломоносова в Москве: «Юра, мы все про*бали!». Впоследствии эта надпись также превращается в интернет-мем и возникает даже ответ, изображение Гагарина с обещанием «Юра, мы все наверстаем!».

Если в советский период Ю. Гагарин становился героем частушек, то в наши дни можно наблюдать интернет-мемы с его участием. Любопытен в данном случае интернет-мем «Ну как вы там, потомки?» – микрокомиксы, расположенные на нескольких панелях, где Гагарин якобы звонит потомкам, чтобы узнать, как движется научный прогресс и улучшается жизнь в будущем. Для этого используются фотографии Гагарина, звонящего по телефону, в виде небольшого коллажа: сверху фото улыбающегося космонавта с телефонной трубкой в руках, ниже тот же Гагарин, но уже с удивленно-расстроенным лицом. На верхнее фото накладывается первая фраза «Ну как вы там, потомки?», а на нижнем фото Гагарин в недоумении переспрашивает ответ у «потомков». Впервые мем появился в 2015 году, как ответ на ряд неудач российской космической программы, а впоследствии еще несколько раз появлялся как ответ на актуальные события, причем в качестве критики упадка науки и здравого смысла. Например, в сентябре 2017 года на российском канале Рен-ТВ была показана передача из цикла «Самые шокирующие гипотезы», где утверждалось, что НАСА и другие космические организации скрывают от населения шокирующую правду: Земля плоская, а все фото из космоса – подделка. Сама идея о том, что Земля на самом деле все же плоская, появилась в XIX столетии в Великобритании, а в середине XX века в США было основано «Общество плоской Земли». В 2017 году в России идеи «плоскоземельности» в своем блоге транслировал Максим Ожерельев, школьник из Челябинской области [10], эти идеи были поддержаны и некоторыми православными активистами, и возникла одноименная группа в социальной сети «ВКонтакте». Бурное обсуждение этой темы пользователями Интернета породило

²<https://www.facebook.com/events/807859452641804/>

очередной мем с фотографией Гагарина, где в верхней части звучит вопрос «Привет, потомки! Как вы там в 2017, на Марс летаете?», а в нижней части коллажа Гагарин с удивлением переспрашивает «Кто плоская?». Так происходит встраивание образа в современные реалии и критикуются явления современной действительности. Гагарин утверждается в роли именно культурного героя, активно противостоящего мракобесию.

В XXI столетии идея покорения космоса продолжает быть актуальной, развиваются международные космические программы, создаются новые типы космического оборудования. Космос и его выдуманные обитатели фигурируют в фантастической литературе, аниме, фильмах и компьютерных играх. Появляется рефлексия об ответственности человека за свою деятельность по освоению космоса, которая отражается в художественных произведениях (например, аниме «Странники» о службе по сбору космического мусора). В 2011 году празднуется 50-летний юбилей первого полета человека в космос, что запускает новый виток интереса к космонавтике и личности первого космонавта Ю. Гагарина.

Таким образом, в результате рассмотрения некоторых аспектов мифизации космонавтики и сакрализации фигуры Гагарина можно заключить, что эти процессы не только продолжают играть важную роль, но и выступают в качестве наглядных показателей основных векторов современного культурного сознания.

Анализ формы их проявления и воплощения в советской и современной российской культуре позволяет сделать вывод, что в образе Гагарина соединяется сакрализация гуманистического и героического начала, фигура Гагарина приобретает эпический размах. В то же время детали архаических мифов о культурном герое и первопредке соединяются с христианским мифом о жертве и искуплении.

Мы можем наблюдать, с одной стороны, институциональную поддержку сакрализации образа Гагарина, с другой стороны – Гагарин продолжает быть «народным» сакральным авторитетом. Для носителей научного мировоззрения обращение к этому авторитету – реакция на «консервативный поворот» государственной политики – официальную поддержку религии, усиление ее влияния на образование, а также на общий упадок просвещения, распространение сект и эзотерических учений. В то же время Гагарин остается символом образа будущего, символом мечты о прекрасном, просвещенном человеке, веры в гуманистический потенциал прогресса. В образе Гагарина и самом представлении о космонавтике обнаруживается сакрализация научного познания, обращение к сакральности истины и свободы.

Список литературы

1. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. / П. Вайль, А. Генис. – М.: АСТ, 2013. – 432 с.
2. «Воистину, поехали!»: соцсети креативно соединили Пасху и День космонавтики – фотоподборка // Обозреватель. – Публ. от 12.04.2015 URL: <https://www.obozrevatel.com/curious/82059-voistinu-poechali-sotsseti-kreativno-soedinili-pashu-i-den-kosmonavtiki-fotopodborka.htm> (Дата обращения: 29.11.2017).

3. В России на Пасху «распяли» Гагарина. Фотофакт // Обозреватель. – Публ. от 12.04.2015. URL: <https://www.obozrevatel.com/abroad/41709-v-rossii-na-pashu-raspyali-gagarina--fotofakt.htm> (Дата обращения: 29.11.2017).
4. Gagarin Mon Amour, или Поколение «Спутник» // Colta.ru. – Публ. от 12.04.2011. URL: <http://os.colta.ru/art/projects/21304/details/21756/> (Дата обращения: 14.04.2017).
5. Данилкин Л. А. Юрий Гагарин / Л. А. Данилкин. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 512 с.
6. День пасхонавтики: в соцсетях шутят, что совпали Пасха и День космонавтики // ТСН. – Публ. от 12.04.2015. URL: <https://ru.tsn.ua/foto/den-pashonavtiki-v-socsetyah-shutyat-cto-sovpali-pasha-i-den-kosmonavtiki-420274.html?g=article&m=384695917> (Дата обращения: 29.11.2017).
7. Лавров Д. Е. Античные влияния в произведениях палехской лаковой миниатюры / Д. Е. Лавров // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5. / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2015. – С. 721–724.
8. Лесков Л. В. Космос: наука и мифы / Л. В. Лесков. – М.: Знание, 1991. – 64 с., илл.
9. Мелетинский Е. М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) / Е. М. Мелетинский // Вестник истории мировой культуры. – 1958. – № 3 (9). – С. 114–132.
10. «НАСА врет»: сторонники плоской Земли терпят унижения, но продолжают верить // Lenta.ru. – Публ. от 03.10.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/03/flatmem/> (Дата обращения: 29.11.2017).
11. Павленко А. Н. Космос // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Т. 2. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.: илл. URL: http://platon.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/kosmos/3-1-0-2647 (Дата обращения: 21.11.2017).
12. Сливкин А. Е. Побег в космос // Искусство кино. – 2011. – №2. URL: <http://kinoart.ru/archive/2011/02/n2-article11> (Дата обращения: 21.11.2017).
13. Сын России: Книга-альбом / Илл. К. В. и Б. Н. Кукулиевых, О. В. Ана. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 112 с.
14. , илл.
15. Эдельман О. Легенды и мифы Советского Союза / О. Эдельман // Логос. – 1999. – № 5. – С. 52–65.

Tyaglova M. A. Mythification of Astronautics in the Mirrors of Cultural Consciousness // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 2. – P. 156-165.

This article considers some aspects of the mythification of astronautics and in particular the mythification of the personality of the first cosmonaut Yuri Gagarin. In the twentieth century, the processes of mythologization and remythologization have acquired an unprecedented scope. The myth remains the most important structure of consciousness which models everyday reality and manifests itself in many hypostases. Mythification and sacralization are the mechanisms that form ideological constructs including that they played a dominant role in Soviet ideology. One of the most significant phenomena in the history of the Soviet state was undoubtedly the project of the space exploration which popularity in the society resulted in a real cult of cosmonautics.

On the one hand there is institutional support for the sacralization of Gagarin's image. On the other hand Gagarin remains a "people's" sacred authority which is reflected in the phenomena of modern culture such as Internet memes. Gagarin becomes a sacred authority for a scientific worldview a symbol of liberation from prejudice and superstition. Appeal to this authority for adherents of a scientific worldview is a reaction to official support of religion strengthening its influence on education and the general decline in education the spread of sects and esoteric teachings. The image of Gagarin contains the sacralization of the humanistic and heroic beginning also the archaic myths of the cultural hero and ancestor and the Christian myth of the sacrifice and redemption.

Archaic ideas reflected in the perception of astronautics and astronauts also the rudiments of some archaic beliefs find expression in greeting cards, chastushki, humorous verses, Internet memes. At the same time Gagarin becomes a symbol of the Future. His person represents new myths such as the sacralization of scientific knowledge and progress.

Keywords: myth, mythification, Yuri Gagarin, astronautics, cosmonaut.

References

1. Vail' P., Genis A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka [60th. World of Soviet Man]. Moscow, AST, 2013, 432 p.
2. «Voistinu, poekhali!»: sotsseti kreativno soedinili Paskhu i Den' kosmonavtiki – fotopodborka ["Verily, Let's Go!": Social Networks Creatively Connected Easter and Cosmonautics Day – a Photo Compilation]. Obozrevatel' [Reviewer]. URL: <https://www.obozrevatel.com/curious/82059-voistinu-poekhali-sotsseti-kreativno-soedinili-pashu-i-den-kosmonavtiki-fotopodborka.htm> (Accessed: 29 November 2017)
3. V Rossii na Paskhu «raspyali» Gagarina. Fotofakt [In Russia on Easter They "Crucified" Gagarin. Photo Fact]. Obozrevatel' [Reviewer]. URL: <https://www.obozrevatel.com/abroad/41709-v-rossii-na-pashu-raspyali-gagarina--fotofakt.htm> (Accessed: 29 November 2017)
4. Gagarin Mon Amour, ili pokolenie «Sputnik» [Gagarin Mon Amour or the “Sputnik” Generation]. Obozrevatel' [Reviewer]. URL: <http://os.colta.ru/art/projects/21304/details/21756/> (Accessed: 15 May 2017)
5. Danilkin L. A. Yuri Gagarin [Yuri Gagarin]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2011, 512 p.
6. Den' pashonavtiki: v sotssetyakh shutyat, chto sovpali Paskha i Den' kosmonavtiki [Day of Easternautics: in Social Networks They Joke That Easter and Cosmonautics Day Are Coincided]. TSN. URL: <https://ru.tsn.ua/foto/den-pashonavtiki-v-socsetyah-shutyat-chto-sovpali-pasha-i-den-kosmonavtiki-420274.html?g=article&m=384695917> (Accessed: 29 November 2017)
7. Lavrov D. E. Antichnye vliyaniya v proizvedeniyakh palekhskoi lakovoi miniatyury [Antique Influences in the Works of Palekh Lacquer Miniature]. Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statei. [Actual problems of theory and history of art: Sat. sci. articles], Issue. 5, SPb., NP-Print, 2015, P. 721-724.
8. Leskov L. V. Kosmos: nauka i mify [Cosmos: Science and Myths]. Moscow, Znanie [Knowledge], 1991, 64 p., ill.
9. Meletinskij E. M. Predki Prometeja (Kul'turnyj geroj v mife i ehpose) [The Ancestors of Prometheus]. Vestnik istorii mirovoj kul'tury. 1958. № 3(9). S. 114–132.
10. «NASA vret»: storonniki ploskoi Zemli terpyat unizheniya, no prodolzhayut verit' ["NASA Is Lying": Supporters of the Flat Earth Go on Suffering but They Continue to Believe]. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/03/flatmem/> (Accessed: 29 November 2017)
11. Pavlenko A. N. Kosmos [Cosmos]. Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4-kh tomakh [New Philosophical Encyclopedia in 4 Volumes]. Vol. 2. Moscow, Mysl' [Thought], 2010, 634 p.: il. URL: http://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/kosmos/3-1-0-2647 (Accessed: 21 November 2017)
12. Slivkin A. E. Pobeg v kosmos [Escape to space]. Iskusstvo kino [The Art of Cinema], 2011, № 2. URL: <http://kinoart.ru/archive/2011/02/n2-article11> (Accessed: 21 November 2017)
13. Syn Rossii: Kniga-al'bom [Son of Russia: Book-album]. Ill. K. V. i B. N. Kukulievych, O. V. Ana. - 2-e izd. Moscow, Molodaya gvardiya [Young Guard], 1982, 112 p., ill.
14. Jedel'man O. Legendy i mify Sovetskogo Sojuza [Legends and myths of the Soviet Union]. Logos, 1999, № 2, p. 52 – 65.

Сведения об авторах

Аторин Р.Ю. – к. филос. н., доцент Российского государственного аграрного университета им. К.А. Тимирязева. E-mail: atorin85@yandex.ru.

Балакина Е.И. – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета. E-mail: balakina2002@mail.ru.

Грива О.А. – д. филос. н., проф., зав. кафедрой религиоведения философского факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: ogriva@yandex.ru.

Желнина З.Ю. – к. филос. н., доцент кафедры искусств, сервиса и туризма Мурманского арктического государственного университета. E-mail: zzhelnina@yandex.ru.

Загородний В.В. – магистр права, преподаватель кафедры государственного и международного права Донбасской юридической академии. E-mail: valeryzagorodniy@gmail.com.

Кахута И.О. – курсант специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности Крымского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: ikahuta@mail.ru.

Кожурин К.Я. – к. филос. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. E-mail: kozhurin@list.ru.

Лазарев Ф.В. – д. филос. н., профессор кафедры естественнонаучного профиля философского факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: fellazarev@rambler.ru.

Марецкая Н.А. – ведущий эксперт отдела международного образования Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: maretska.n@gmail.com.

Масаев М.В. – д. филос. н., профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru.

Мирошников О.А. – д. филос. н., профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: mirtannen@gmail.com.

Онопко О.В. – к. полит. н., доцент кафедры государственного и международного права Донбасской юридической академии. E-mail: onopko.oleg@gmail.com.

Папаяни Ф.А. – к. тех. н., доцент, докторант кафедры отечественной и региональной истории Донецкого национального университета. E-mail: f.papayani@mail.ru.

Пашковский П.И. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Старостин В.А. – преподаватель первой квалификационной категории Таврического колледжа Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: vitaly199@mail.ru.

Товбин К.М. – к. филос. н., доцент Сахалинского государственного университета. E-mail: kimito@yandex.ru.

Тузовский И.Д. – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры. E-mail: idtuzovsky@gmail.com.

Тяглова М.А. – кандидат культурологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: tyamar@rambler.ru.

Халанская Л.Г. – к. полит. н., доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: larazbritskaya@gmail.com.

Шиян А.А. – к. филос. н., доцент кафедры социальной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). E-mail: annasamoikina@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Лазарев Ф. В. Русский мир в XXI столетии: новый цивилизационный проект.....	3
Мирошников О.А., Масаев М. В. Две стороны конфуцианской культурной парадигмы.....	16
Папаяни Ф. А. Современное прочтение уваровской триады.....	26
Товбин К. М., Аторин Р. Ю., Кожурин К. Я. Православное старообрядчество как вариант российской цивилизации: актуальность исследования.....	38
Тузовский И. Д. К вопросу об атрибутивных чертах культуры Цифровой эпохи.....	46
Шиян А. А. Структура интенционального акта как структура опыта сознания (к прояснению понятия интенциональности в феноменологии Эдмунда Гуссерля).....	60

ПОЛИТОЛОГИЯ

Марецкая Н. А., Халанская Л. Г. Дипломатические и пропагандистские стереотипы как основа внешнеполитического имиджа государства.....	70
Онопко О. В., Загородний В. В. Внешняя политика непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства: институциональные основания.....	81
Пашковский П. И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий.....	94
Старостин В. А. Эксплуатация детского труда в странах Западной Европы в первой половине XIX века.....	107

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Балакина Е. И. Специфика исследований духовной сферы культуры в нелинейной модели мира.....	116
Грива О. А. Особенности культуры взаимоотношений учителей и гимназистов в отечественной гимназии в XIX – начале XX в.....	125
Желнина З. Ю. Потенциал этнографического туризма в развитии культурной идентичности этносов.....	136
Кахута И. О. Радикализм современных неоязыческих течений.....	145
Тяглова М. А. Мифизация космонавтики в зеркалах культурного сознания.....	156
Сведения об авторах.....	166
Содержание.....	168

About the Authors

Atorin R.Yu. – Doctor of Philosophy, Associated Professor in Russian Timiryazev State Agrarian University. E-mail: atorin85@yandex.ru.

Balakina E.I. – Candidate of Culturology, Associated Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies of Altai State Pedagogical University. E-mail: balakina2002@mail.ru.

Griva O.A. – Doctor of Philosophy, Professor, Chairman of the Department of Religious Studies of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: ogriva@yandex.ru.

Zheltnina Z.Y. – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Art Chair, Service and Tourism of Murmansk Arctic State University. E-mail: zzhelnina@yandex.ru.

Zagorodniy V.V. – Master of Laws, Lecturer at the Department of State and International Law of Donbass Law Academy. E-mail: valeryzagorodniy@gmail.com.

Kakhuta I.O. – Cadet of Specialty «Legal Support of National Security» of Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: ikahuta@mail.ru.

Kozhurin K.Yu. – Doctor of Philosophy, Associated Professor in Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: kozhurin@list.ru.

Lazarev F.V. – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of the Natural Science Profile of the Philosophical Faculty of Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University. E-mail: fellazarev@rambler.ru.

Maretskaya N.A. – Leading Expert of the Department of International Education of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: maretska.n@gmail.com.

Masayev M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences of Humanitarian-Pedagogical Academy of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru.

Miroshnikov O.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences of Humanitarian-Pedagogical Academy of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: mirtannen@gmail.com.

Onopko O.V. – Candidate of Political Science, Associate Professor at the Department of State and International Law of Donbass Law Academy. E-mail: onopko.oleg@gmail.com.

Papayani F.A. – Candidate of Engineering Sciences, Docent, Doctoral Candidate of the National and Regional History Department of the Donetsk National University. E-mail: f.papayani@mail.ru.

Pashkovsky P.I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: petr.pash@yandex.ru.

Starostin V.A. – Teacher of the First Qualification Category of Tavrichesky College of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: vitaly199@mail.ru.

Tovbin K.M. – Doctor of Philosophy, Associated Professor in Sakhalin State University. E-mail: kimito@yandex.ru.

Tuzovskii I.D. – Ph. D. in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Culturology and Sociology of Chelyabinsk State Institute of Culture. E-mail: idtuzovsky@gmail.com.

Tyaglova M.A. – Candidate of Culturology of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. E-mail: tyamar@rambler.ru.

Halanskaya L.G. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. E-mail: larazbritskaya@gmail.com.

Shiyan A.A. – Candidate of Philosophy, Associated Professor at the Department of Social Philosophy of Philosophical Faculty of Russian State University for the Humanities. E-mail: annasamoikina@yandex.ru.

CONTENT

PHILOSOPHY

Lazarev F.V. Russian World in the XXI Century: the Modern Civilization Project	3
Miroshnikov O. A., Masayev M. V. Two Sides of the Confucian Cultural Paradigm	16
Papayani F.A. Present-day Interpretation of Uvarov Triad	26
Tovbin K.M., Atorin R.Y., Kozhurin K.Y. Orthodox Old Believers as a Variation of the Russian Civilization: Problems of Relevance	38
Tuzovskii I.D. On the Attributes of the Culture in the Digital Age	46
Shiyan A.A. The Intentional Act Structure as a Concious Experience Structure (to Explain the Concept of the Intentionality in Husserl's Phenomenology) ..	60

POLITICAL SCIENCE

Maretskaya N.A., Halanskaya L.G. The Diplomatic and Propagandist Stereotypes as the Basis of the Foreign Image of the State	70
Onopko O. V., Zagorodniy V. V. Foreign Policy of the Unrecognized and Partially Recognized States of the Post-Soviet Area: Institutional Foundations	81
Pashkovsky P. I. Parliamentary Institutions in the Foreign Policy Mechanism of the Russian Federation: Problems and Contradictions in the Exercise of Powers	94
Starostin V.A. Child Labour Exploitation in Europe in the First Half of the 19th Century	107

CULTUROLOGY

Balakina E. I. Specifics of Culture Spiritual Sphere' Studies in Non-linear Model of the World	116
Griva O. A. Peculiarities of the Culture of the Relationship of Teachers and Gymnasists in the Domestic Gymnasium in the XIX – the Beginning of XX Centuries	125
Zhel'nina Z.Y. The Potential of Ethnographic Tourism in the Development of the Cultural Identity of the Ethnos	136
Kahuta I. O. The Radicalism Of Modern Neo-paganism Flows	145
Tyaglova M. A. Mythification of Astronautics in the Mirrors of Cultural Consciousness	156
About the Authors.....	166
Content	168